

ISSN 2587-7046 (print)

ISSN 2949-3765 (online)

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
технический университет»

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

- История
- Философия
- Социальные и политические процессы

Выпуск № 4 (41), 2024

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 81152 от 25.05.21)

Журнал выходит 4 раза в год

В журнале «Проблемы социальных и гуманитарных наук» публикуются результаты научных исследований ученых, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам истории, философии, социологии и политологии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Радугин А.А., заслуженный деятель науки РФ, д-р филос. наук, профессор (г. Воронеж)

Зам. главного редактора – Перевозчикова Л.С., д-р филос. наук, доцент (г. Воронеж)

Члены редколлегии:

Бубнов Ю.А., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж);

Бляхер Л.Е., доктор философских наук, профессор (г. Хабаровск);

Волкова Е.А., доктор исторических наук, доцент (г. Воронеж);

Душкова Н.А., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж);

Ильин М.В., доктор политических наук, профессор (г. Москва);

Коростылева Н.Н., доктор социологических наук, профессор (г. Москва);

Кирчанов М.В., доктор исторических наук, доцент (г. Воронеж);

Ледяев В.Г., доктор философских наук, профессор (г. Москва);

Ляпин Д.А., доктор исторических наук, доцент (г. Елец);

Ливенцев Д.В., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж);

Моисеев В.И., доктор философских наук, профессор (г. Москва);

Романович Н.А., доктор социологических наук, профессор (г. Воронеж);

Радугина О.А., доктор философских наук, доцент (г. Воронеж);

Слинько А.А., доктор политических наук, профессор (г. Воронеж);

Черников М.В., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)

Отв. секретарь – Погорельский А.В., канд. ист. наук, доцент (г. Воронеж)

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84,

Адрес редакции: 394006, Воронежская обл., г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84,

каб. 5302, тел. +7 (473) 271-50-04. E-mail: philosophy_kaf@vgasu.vrn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Августин Е.А. ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ: ФОРМИРОВАНИЕ И БОЕВАЯ РАБОТА «ЮЖНОЙ АРМИИ» В 1918 ГОДУ.....	5
Акопян А.В. ПРИЧИНЫ УЧРЕЖДЕНИЯ МУЗЕЯ ИЗОБРЕТЕНИЙ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ ОБЩЕСТВОМ ВОЕННОЙ, МОРСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ ТЕХНИКИ.....	18
Бушнева О.С. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ.....	24
Гуринов С.Л. НЕОБХОДИМОСТЬ ВОЕННО-МОРСКОЙ ПРОПАГАНДЫ НА РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОМ КРАСНОМ ФЛОТЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕЧАТНОГО ОРГАНА ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА КАСПИЙСКОГО ФЛОТА «ВОЕНМОР»).....	28
Дорош А.А. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЗАХОРОНЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОРОНЕЖСКИХ КЛАДБИЩ.....	35
Евстратов А.Г., Григорян К.С. БОРЬБА ПУШТУНОВ ЗА КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВЛЕНИЕ И ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА В ПАКИСТАНЕ.....	39
Ершов Б.А., Штейн Е.Б. ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.....	45
Заяц Н.А. УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ВАЛУЙСКОМ УЕЗДЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЯНВАРЕ – МАРТЕ 1918 Г.....	51
Ливенцев Д.В. ВОЕННО-МОРСКАЯ ПРОПАГАНДА СРЕДИ ВОЕНМОРОВ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО КРАСНОГО ФЛОТА В 1921 Г. (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ КАСПИЙСКОГО ФЛОТА «ВОЕНМОР»).....	57
Морозова В.Н., Ерохин М.В. ОДНА СТРАНА, ДВА ПУТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗДЕЛЕНИЯ ДВУХ КОРЕЙ.....	63
Нестреляева Д.С. ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ ПАРОХОДА «АЯКС» В ОКРЕСТНОСТЯХ ВОДНОГО РАЙОНА СВЕАБОРГА В 1892 Г. (НА МАТЕРИАЛАХ СВЕАБОРГСКОГО ВНЕОКРУЖНОГО ОБЩЕСТВА СПАСАНИЯ НА ВОДАХ).....	69
Попов П.А. ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЛЕТОПИСНЫХ БИТВ НА РЕКАХ КАЯЛЕ И КАЛКЕ НА ОСНОВЕ КОМПЛЕКСНОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОДНОКОРЕННЫХ ГИДРОНИМОВ ОТ ДОНА ДО ДНЕПРА.....	75
Шишлянникова Г.И. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	94

ФИЛОСОФИЯ

Черников М.В., Букреев В.А., Медведева Н.В. К ВОПРОСУ О СВОБОДЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ВОЛИ (ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ).....	100
--	-----

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Бушнева О.С. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	113
Гагин В.В. АКТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВВС И ПВО В ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙНАХ И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX-ГО ВЕКА.....	119
Кирчанов М.В. ПУБЛИЧНАЯ ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСТАНЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ КАК АГЕНТЫ МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	126
Морозова В.Н., Данилова Е.В. «МЯГКАЯ СИЛА» КИТАЯ.....	136
Погорельский А.В. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ).....	143

CONTENTS

HISTORY

Avgustin E.A. FROM THE HISTORY OF THE CIVIL WAR ON THE TERRITORY OF THE VORONEZH REGION: THE FORMATION AND COMBAT WORK OF THE "SOUTHERN ARMY" IN 1918.....	5
Akopyan A.V. THE REASONS FOR THE ESTABLISHMENT OF THE MUSEUM OF INVENTIONS AND IMPROVEMENTS BY THE SOCIETY OF MILITARY, MARINE AND RURAL EQUIPMENT.....	18
Bushneva O.S. HISTORY OF THE FORMATION AND ACTIVITIES OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA.....	24
Gurinov S.L. THE NEED FOR NAVAL PROPAGANDA IN THE WORKERS' AND PEASANTS' RED FLEET (BASED ON THE MATERIALS OF THE PRINTED ORGAN OF THE POLITICAL DEPARTMENT OF THE CASPIAN FLEET «VOENMORE»).....	28
Dorosh A.A. ON SOME FEATURES OF BURIAL AND FUNCTIONING OF PRE-REVOLUTIONARY VORONEZH CEMETERIES.....	35
Evstratov A.G., Grigoryan K.S. THE STRUGGLE OF PASHTOONS FOR CONSTITUTIONAL GOVERNANCE AND CIVIL RIGHTS IN PAKISTAN.....	39
Ershov B.A., Shtein E.B. CROWN OF THORNS OF EMPEROR NICHOLAS II.....	45
Zayats N.A. ESTABLISHMENT OF SOVIET POWER IN THE VALUYSKY DISTRICT OF THE VORONEZH PROVINCE IN JANUARY – MARCH 1918.....	51
Liventsev D.V. NAVAL PROPAGANDA AMONG THE VOENMORES OF THE WORKERS' AND PEASANTS' RED FLEET IN 1921 (USING THE EXAMPLE OF THE NEWSPAPER OF THE CASPIAN FLEET «VOENMOR»).....	57
Morozova V.N., Erokhin M.V. ONE COUNTRY, TWO PATHS: THE HISTORICAL ASPECT OF THE SEPARATION OF THE TWO KOREAS.....	63
Nestrel'yaeva D.S. THE TRAGIC DEATH OF THE STEAMER AJAX IN THE SURROUNDING AREA IN 1892, THE WATER DISTRICT OF SVEABORG WAS FOUNDED. (BASED ON THE MATERIALS OF THE SVEABORGSKY OUTSIDE THE DISTRICT WATER RESCUE SOCIETY).....	69
Popov P.A. LOCALIZATION OF THE CHRONICLE BATTLES ON THE KAYALA AND KALKA RIVERS ON THE BASIS OF A COMPREHENSIVE TOPONYMIC ANALYSIS OF SINGLE-ROOT HYDRONYMS FROM THE DON TO THE DNIEPER.....	75
Shishlyannikova G.I. THE ROLE AND IMPORTANCE OF PRINTING IN THE HISTORY OF RUSSIAN CULTURE	94

PHILOSOPHY

Chernikov M.V., Bukreev V.A., Medvedeva N.V. ON THE QUESTION OF THE FREEDOM OF THE HUMAN WILL (A VIEW FROM THE PERSPECTIVE OF MODERN SCIENTIFIC IDEAS).....	100
--	-----

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Bushneva O.S. THE COMMUNIST PARTY OF CHINA IN THE POLITICAL SYSTEM OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA.....	113
Gagin V.V. CURRENT FEATURES OF COMBAT OPERATIONS OF THE AIR FORCES AND AIR DEFENSE IN LOCAL WARS AND MILITARY CONFLICTS OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY.....	119
Kirchanov M.V. PUBLIC MEMORY IN MODERN TATARSTAN: POLITICAL ELITES AS AGENTS OF MEMORIAL CULTURE.....	126
Morozova V.N., Danilova E.V. CHINA'S "SOFT POWER".....	136
Pogorelsky A.V. REGIONAL FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF EUROSCEPTICS IN THE EUROPEAN UNION (ON THE EXAMPLE OF WESTERN AND EASTERN EUROPEAN COUNTRIES).....	143

**ИСТОРИЯ
HISTORY**

УДК 94 (47)

*Воронежский государственный технический
университет
кандидат исторических наук, доцент,
Строительно-политехнический колледж
Е.А. Августин
Россия, Воронеж
тел. 8 (951) 873 – 66 - 62*

*Voronezh State Technical University
University
PhD in Historical Sciences, Associate Professor,
Construction and Polytechnic College
E.A. Augustine
Russia, Voronezh
tel. 8 (951) 873 – 66 - 62*

Е.А. Августин

**ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОРОНЕЖСКОГО
КРАЯ: ФОРМИРОВАНИЕ И БОЕВАЯ РАБОТА «ЮЖНОЙ АРМИИ» В 1918 ГОДУ**

В статье рассматривается история создания и формирования так называемой Южной армии на территории Воронежской губернии во время Гражданской войны.

Ключевые слова: армия, германская оккупационная администрация, Добровольческая армия, монархисты, офицеры, генерал, полковник, атаман, донские казаки, Донская армия, начальник штаба.

E.A. Avgustin

**FROM THE HISTORY OF THE CIVIL WAR ON THE TERRITORY OF THE
VORONEZH REGION: THE FORMATION AND COMBAT WORK OF THE
"SOUTHERN ARMY" IN 1918**

The article examines the history of the creation and formation of the so-called Southern Army on the territory of the Voronezh province during the Civil War.

Key words: army, German occupation administration, Volunteer army, monarchists, officers, general, colonel, ataman, Don Cossacks, Don army, chief of staff.

История формирования и боевой работы «Южной армии» на территории современной Воронежской области в годы Гражданской войны обойдена Воронежскими краеведами, что совершенно неправильно. Южная армия представляет собой интересный эпизод Гражданской войны, в ходе её создания была предпринята попытка организовать вооруженную силу, выступившую на борьбу с большевиками под монархическими лозунгами. Следует отметить, что антибольшевистский лагерь во время Гражданской войны не выдвигал открыто монархическую программу борьбы с большевиками противопоставляя им созыв Учредительного собрания которое должно было решить будущее государственное устройство Российского государства. Противниками монархии, причем совершенно открытыми, никогда этого не отрицавшими были создатели Добровольческой армии генералы Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин и М.В. Алексеев. Причем Корнилов принимал участие в аресте Царской семьи в феврале 1917 года, а М.В. Алексеев многими представителями монархического лагеря считается одним из главных организаторов свержения императора Николая II-го.

Добровольческая армия была создана и воевала против большевиков именно на юге бывшей Российской империи. По мнению современников тех событий, и некоторых современных историков именно непонятная политическая программа лидеров Белого движения на Юге России получившая название «непредрешенчество» и привела к его поражению. В отличие от белых генералов их противники большевики смогли им противопоставить более четкую политическую программу.

Вообще монархические лозунги в Белом лагере были во время Гражданской войны не популярны. Сторонники монархии, игравшие в Белом стане не последнюю роль, такие как например атаман Всевеликого войска Донского генерал-от-кавалерии П.Н. Краснов были вынуждены свои политические предпочтения на афишировать. Следует отметить, что монархические настроения среди русского офицерства были достаточно сильны. И как писал в своих воспоминаниях герцог Г. Лейхтенбергский: «...истые монархисты, не желали ни поступать на службу в Украине, ни ехать к добровольцам, не видя у них определенных монархических лозунгов. И таких, особенно среди офицерства, было много. Они не хотели ехать к Деникину потому что не хотели признавать «Учредилки» и демократии». (11, с. 168)

Кстати Южная армия имеет ещё одну тесную связь с историей Воронежского края, её непосредственным создателем и организатором летом 1918 года был герцог полковник Российской Императорской армии Г.Н. Лейхтенбергский родственник князей Ольденбургских имение, которых располагалось в селе Рамони.

Инициаторами создания Южной армии были три инстанции, германская оккупационная администрация на Украине, русские монархисты и атаман Всевеликого войска Донского генерала П.Н. Краснова. Последний был избран в качестве атамана Донского казачьего войска «Кругом спасения Дона» в мае 1918 года после победы антибольшевистского казачьего восстания и освобождения от красных столицы Войска Донского Новочеркаска. В течение нескольких месяцев генералу П.Н. Краснову, и подчиненным ему генералу С.В. Денисову, который был командующим Донской армии, и начальнику штаба этой армии генералу А.И. Полякову удалось создать на территории Войска Донского достаточно крупные вооруженные силы. Военное строительство Донской армии проходило на фоне ожесточенных боевых действий, которые вели донские казаки против большевиков летом 1918 года. Донская армия практически «с колес» нанесла ряд поражений красным и вышла к началу августа в южные районы современной Воронежской области – Богучарский, Кантемировский и Новохоперский уезды. Следует отметить, что во время боевых действий Краснову и его подчиненным удалось создать не только основную Донскую армию, но и резервную, получившую название Молодая армия.

Но как писал в своих воспоминаниях генерал А.И. Поляков: «В борьбе с многомиллионной массой русского народа, казаки ниоткуда не видели себе помощи. Временами они падали духом». (7, с. 365). Его слова подтверждает в своих воспоминаниях и генерал П.Н. Краснов, согласно ему донские казаки к концу лета 1918 года, после освобождения своей территории крайне утомились и отказывались дальше бороться и спасать Россию в полном одиночестве. Сам Краснов понимал, что у него есть только одно средство заставить казаков наступать на Москву – «это дать им немного передохнуть от боевых лишений за чьею-то спиной и потом заставить их примкнуть к русской народной армии и идти с нею на Москву». Атаман Краснов дважды просил командование Добровольческой армии, в то время воевавшей на Северном Кавказе, перебросить часть своих сил на север Донской области и дважды получал отказ. Командование донской армии понимало, что казакам необходимы союзники в борьбе против большевиков. Именно это и заставило генерала П.Н. Краснова дать согласие на формирование на подчиненной ему территории Южной армии. (9, с. 86)

Необходимо отметить, что о создании непосредственно русских воинских частей, которые будут воевать совместно с донскими казаками против большевиков, атаман П. Н. Краснов задумался ещё весной 1918 года после освобождения Новочеркаска. В качества ядра формируемых русских антибольшевистских сил Краснов попытался использовать

пришедший на Дон из Молдавии отряд полковника, а в будущем генерал-майора М.Г. Дроздовского. Именно отряд Дроздовского помог донским казакам в освобождении Новочеркасска.

После освобождения столицы донских казаков на Кадетской площади Новочеркасска в мае состоялся парад Отряда Дроздовского в честь избранного Донским Атаманом генерала П.Н. Краснова. Идеальное состояние отряда произвело на последнего сильное впечатление, и Краснов предложил добровольцам войти в состав формировавшейся Донской армии на правах пешей гвардии. (1, с. 249) Сам Дроздовский после освобождения Новочеркасска донес командующему Добровольческой армии генералу А.И. Деникину, что прибыл в его распоряжение и ожидает приказаний. «Но время шло, - пишет дальше генерал Деникин, - назревал Второй Кубанский поход, а начало все приходилось откладывать: более трети всей армии – бригада Дроздовского – оставалась в Новочеркасске». По словам Деникина, это обстоятельство нарушало все его расчеты и мешало подготавливать дальнейшие боевые операции. Сам отряд Дроздовского по просьбе Краснова к середине мая 1918 года оказался разбросан частями по Донской области. Так конница дроздовцев дралась в Сальском округе, пехота очищала от большевиков Ростов и проводила карательные экспедиции по крестьянским деревням севера области. (5, с. 217)

Краснов в это время обрабатывал Дроздовского, как публично, на параде перед строем, так и лично предлагая ему не присоединяться к Добровольческой армии и самому возглавить антибольшевистское движение под общим руководством Атамана. Слухи об этих переговорах вызвали недовольство офицеров отряда и в качестве своего представителя они отправили к Дроздовскому начальника штаба полковника Жебрака. М.Г. Дроздовский сообщил ему, что слухи необоснованны и буквально на следующий день выехал в станицу Мечетинскую, где в то время располагался штаб Добровольческой армии. В результате этих переговоров в начале июня 1918 года отряд Дроздовского вошел в состав Добровольческой армии. (5, с. 218) Таким образом, первая попытка Атамана П.Н. Краснова закончилась неудачей.

Но на этом попытки генерала П.Н. Краснова создать чисто русские боевые формирования на подконтрольной ему территории не закончились. В качестве альтернативы Добровольческой армии Краснов попытался летом 1918 создать на востоке Донского казачьего войска так называемый Астраханский корпус под командованием бывшего полковника Русской Императорской армии князя Д.Д. Тундутова объявившего себя Атаманом Астраханского казачьего войска. Формирование этого корпуса, громко названного армией, велось на территории Донской области в районе станицы Великокняжеской Сальского округа находившегося на границе казачьей области и Астраханской губернии. Кадром, для создания армии стали бежавшие на Дон из Нижнего Поволжья астраханские офицеры, чиновники и казаки. В качестве непосредственного командующего Астраханской армии был назначен авторитетный в военной среде офицер-кавалерист генерал-лейтенант А. А. Павлов. (3, с. 201)

Формирование Астраханской армии велось при активном содействии германских оккупационных войск и украинских властей. Неслучайно первое вербовочное бюро Астраханской армии было открыто в Киеве летом 1918 года. В результате трехмесячной работы удалось к сентябрю 18-го года сформировать две бригады: конную из казаков и калмыков и пехотную, из офицеров монархистов. Общая численность боевого состава всей армии не более 1500 штыков и шашек при 4 орудиях и 8 – 10 пулеметах. (3, с. 203).

Не удивительно поэтому, что уже к сентябрю 1918-го года командование германских оккупационных войск разочаровалось в перспективах формирования Астраханской армии и прекратило её финансирование. Осенью Астраханская «армия» была задействована донским командованием в боевых действиях в Сальских степях, где против красных воевало не больше полка общей численностью не более 740 человек при 5 пулеметах и 2 орудиях. Вторая группа Астраханцев принимала участие в наступлении Донской армии на Царицын,

здесь действовало около 1000 человек при 7 пулеметах и 2 орудиях. Во время боев за Царицын эта часть понесла большие потери, дошедшие до 90% от общей численности. В целом, как пишет Гагкуев: «Реальная численность частей армии в сентябре-октябре колебалась в пределах от 1500 до 2000 штыков и шашек (без учета массы офицеров, числившихся в существовавших только на бумаге частях)». (3, с. 205)

Второй попыткой атамана П.Н. Краснова создать альтернативу Добровольческой армии на подконтрольной ему территории стала организация на Царицынском направлении Русской Народной армии. Формирование её началось также летом 1918 года, и при этом большую помощь Краснову оказал украинский гетман П. Скоропадский за спиной которого тоже стояла германская оккупационная администрация. Но здесь немцы решили ярко не светиться. Во главе её находился полковник В.К. Манакин, который позднее вспоминал, что в основу своей работы он положил чистую идею национального возрождения русской государственности, руками русских людей, без различия классов и состояния.

Комплектовалась армия в основном за счет крестьян Саратовской губернии и из числа бывших красноармейцев переходивших на сторону Донской армии. Одним из первых подразделений стала сотня «Белого орла», кадром которой стали бежавшие от красных после подавления восстания крестьяне сел Рудня и Рыбинка Саратовской губернии. 23 августа 1918 года приказом атамана П.Н. Краснова № 810 полковник В.К. Манакин был назначен военным губернатором и командующим войсками Актарского, Балашовского и Камышинского уездов Саратовской губернии. (3, с. 209).

Сам Краснов писал в своих воспоминаниях, что «Саратовский корпус никак не мог вырасти больше бригады. Бригада эта, составленная преимущественно из крестьян, ушедших от большевиков из Саратовской губернии и крепко их ненавидевших, отлично дралась вместе с казаками на царицынском, камышинском и балашовском направлениях». (9, с. 92)

К концу сентября 1918 года наличные силы Саратовского корпуса были очень незначительны, сама бригада имела в своем составе 1-й и 2-й пехотные полки общей численностью не более 700 человек и Донской конный дивизион, насчитывающий не более 300 человек. В дальнейшем бригада полковника Манакина принимавшая участие в боях на Саратовском направлении не превышала по своей численности 2000 человек, а в январе 1919 года вообще сократилась до 850. (3, с.213) Следовательно, и эта попытка генерала П.Н. Краснова создать альтернативу Добровольческой армии закончилась неудачей.

Третья попытка генерала П.Н. Краснова создать альтернативный центр была сделана летом 1918 года в юго-западных уездах Воронежской губернии, где при поддержке германского военного командования на Украине началось формирование так называемой Южной армии. Здесь опять в качестве посредника между Красновым и немцами выступал гетман П. Скоропадский, но в этот раз германское командование действовало в открытую и выставило во главе её достаточно респектабельную фигуру герцога Г.Н. Лейхтенбергского родственника князей Ольденбургских, членов династии Романовых, но не только. Герцог Г.Н. Лейхтенбергский попытался задействовать свои династические связи и в германской императорской фамилии, например «с Виттельсбахами на самом высоком уровне». (10, с. 573). Он был также другом принца Рупрехта Баварского и являлся двоюродным братом принца Макса Баденского.

Создавая Южную армию, немцы преследовали сразу несколько целей. Прежде всего, они попытались организовать альтернативный центр Добровольческой армии, командование которой ориентировалось на страны Антанты, противников Германии в продолжавшейся Первой мировой войне. Ещё одной проблемой, с которой столкнулась германская оккупационная администрация на Украине, стало скопление там большого количества офицеров русской армии бежавших туда от большевиков. Летом 1918 года в русских офицерских кругах на Украине стали проявляться тенденции к самоорганизации, что проявилось в секретном съезде офицеров Российского Генштаба в Киеве. Большая часть русских офицеров на Украине избавилась, к середине лета, от ощущения, что перспективы Добровольческой армии безнадежны. «Явная тенденция их к самоорганизации прямо на

украинской территории должна была быть парирована встречными инициативами, иначе об управлении этой опасной силой нечего было и думать. Массовые аресты лишь подстегнули бы стремление к конспиративной подрывной работе и общий раскол в украинских военных ведомствах, поэтому к ним прибегали неохотно. Больше надежд связывалось с управляемым трансфером кадров в «нужные», то есть прогерманские проекты». (10, с. 572)

Германская оккупационная администрация готова была направить русских офицеров на Украине не только в «прогерманские» проекты, но и вообще куда угодно, лишь бы их как можно меньше оставалось на подконтрольной им территории. Вот как об этом писал герцог Лейхтенбергский: «При этом я должен сказать, что меня часто поражала легкость, с которой немцы отправляли, или закрывали глаза на отправку в Добровольческую армию таких офицеров... Правда, немцам, приходилось иногда арестовывать офицеров-добровольцев, слишком уж откровенно ведущих свою агитацию в Киеве и на Украине, и притом не только вербовкой офицеров в Добровольческую армию, но и определенным, при этом, возбуждением офицерства против немцев... Однако, в большинстве случаев, дело кончалось тем, что, по ходатайству Гетмана или русских видных Киевлян, этих арестованных либо высылали из пределов Украины, либо отпускали на все четыре стороны и они возвращались в Добровольческую Армию...

На Дон, к Краснову, с которым немцы поддерживали дружеские отношения, они отпускали русских людей и офицеров гораздо легче, и часто офицер, официально ехавший на Дон, отправлялся оттуда на Кубань и - немцам зачастую это было известно заранее». (11, с. 168)

Но и при этом, казалось бы легком решении проблемы у немцев возникали новые трудности. «К этому моменту между вербовщиками различных белогвардейских армий на Украине шла отчаянная конкуренция. Доходило дело до публичных скандалов и разоблачений в самозванстве и присвоении средств, собираемых на борьбу с большевиками». В отношении этих кадровых процессов не могли занять последовательной позиции ни центральные, ни местные оккупационные инстанции. (11, с. 575).

Ещё одной проблемой возникшей перед немцами летом, стало скопление в Киеве и вообще на Украине достаточно большой группы русских офицеров, истинных монархистов, которые не хотели ехать к Деникину из-за отсутствия в Добровольческой армии определенных монархических лозунгов. «И таких, особенно среди офицерства, было много. Они не хотели идти к Деникину, потому что не хотели признавать «Учредилки» и демократии. На Дон ехать – их там также не могли принять под стягом монархии...» (11, с. 168)

Именно с целью как-то отрегулировать процессы вербовки добровольцев в антибольшевистские вооруженные силы на территории Украины, с одной стороны, а с другой, куда-то отправить скопившихся в Киеве офицеров монархистов германская оккупационная администрация и выдвигает летом проект создания Южной армии. (4., 1110)

Её создание началось летом 1918 года в Киеве Союзом «Наша Родина», во главе которого находились герцог Г.Н. Лейхтенбергский и М.Е. Акацатов. Первоначально формирование «армии» проходило в Киеве, где было создано вербовочное бюро руководимое полковниками П.В. Чеснаковым и Вилямовским. По словам герцога Лейхтенбергского: «Они работали, действительно не за страх, а за совесть, с полным самоотвержением...» (11, с. 172)

Офицеров, желающих поступить в ряды армии, было достаточно. Перед зачислением им открывали монархическую цель формирования, тщательно, насколько это было возможно, проверяли политические убеждения и предыдущую службу. «При вступлении никаких подписок с них не отбирали, а объясняли, что армия – чисто русская, ни в какую борьбу ни с какими внешними врагами ввязываться не будет и, в частности, ни в коем случае не поднимет оружие против немцев, так как формируется на занятой ими территории и с их

ведома, а потому идти против них было бы нечестно, что мы надеемся в будущем действовать рука об руку с Добровольческой армией и казаками». (11, с. 172)

Позднее, в проденикинской историографии создателей Южной армии обвиняли в том, что они брали подписки с завербованных офицеров, «отдающих их в кабалу немцам». «Должен здесь заявить самым категорическим образом, - писал в своих воспоминаниях герцог Лейхтенбергский, - что не только с поступающих в её ряды никаких подписок нами не бралось, но и сам союз «Наша Родина» никаких письменных обязательств немцам не давал, они ни разу таковой не требовали...». (11, с. 172)

Буквально через несколько недель организаторам Южной армии удалось организовать вербовку офицеров не только в Киеве, но и в других губернских городах Украины. Независимо от вербовки на Украине происходила вербовка на Дону, и в Воронежской губернии. В Новочеркасске было бюро записей в Южную армию с обширными плакатами об условиях службы в этой армии. Последнее весьма раздражало чинов вербовочного бюро Добровольческой армии действовавшего там же. (13, с. 653)

К сентябрю, в течение всего трех месяцев, при непрерывной поддержке немецких властей, на территориях, оккупированных Германской и Австро-Венгерской армиями, в Южную армию было отправлено около 16 000 добровольцев, из которых 30% составляли офицеры. (13, с. 654)

В целом немцы открыто не вмешивались в этот процесс, но держали его под своим наблюдением поставив в качестве своего агента в вербовочный центр в Киеве полковника Бермонта-Авалова, который был «вовсе не полковник, а корнет...» (11., 175) Сам герцог Лейхтенбергский отлично знал, что Бермонт состоит у немцев на службе, но решил оставить его резонно рассудив, что «от немцев нам скрывать нечего; выгонять этого человека, в своем роде нам полезного, и из-за этого поспориться, может быть, с немцами нам нет никакого основания». (11, с. 176)

К концу лета центр формирования Южной армии перемещается с Украины на территорию тогдашней Воронежской губернии в Богучарский и Бобровский уезды, штаб расположился в Кантемировке. Посодействовал перемещению Южной армии с Украины в этот район брат герцога Лейхтенбергского полковник Н.Н. Лейхтенбергский числившийся казаком и состоявшим на службе генерала П.Н. Краснова. Уже в начале сентября 1918 года на станции Чертково, под Кантемировкой, был развернут эскадрон кавалерийского полка, а в городе Богучар батальон пехоты в 600 человек. (11, с. 179) Отличительным знаком частей создаваемой новой Южной армии был нарукавный шеврон-угольник (в отличие от Доброармии носившийся острием вниз) черно-желто-белого Романовского цвета. (13, с. 656). Все части входили в состав формируемой 1-й пехотной дивизии, которой командовал генерал-майор В.В. Семенов. Одновременно он был назначен генерал-губернатором Воронежской губернии, в подчинении у него находился глава гражданской администрации, некий Криваксин. Кстати начальником штаба у Семенова был полковник Шильбах, позднее его сменил генерал-майор П.И. Залесский.

Сразу же у новой белой армии возникли при её формировании трудности. Прежде всего, недовольны новым конкурентом оказались в Добровольческой армии. Одновременно с формированием Южной армии, в Богучаре проходило формирование отряда Добровольческой армии поручика Филиппова. Уже 9 сентября 1918 года он настрочил рапорт-донос начальнику Военно-политического отдела Добрармии полковнику Я.М. Лисовому. В нем он сообщал следующее: «Доношу, что в город Богучар Воронежской губернии прибыл генерал Семенов. Все городские учреждения объявлены губернскими. Потребовал от поручика Филиппова полного себе подчинения. С 1 (14) сентября Семенов вступает в управление губернией. Предварительно объявил: жалованье офицерам рядовым – 400 рублей, ротным командирам – 700 рублей, солдатам-добровольцам – 90, мобилизованным солдатам – 18 рублей. На днях будет объявлена мобилизация 18-го и 19-го годов. Обучение и формирование дивизии произойдет в Чертково. На днях будет объявлена мобилизация лошадей с целью создания кавалерийской бригады в 2000 коней. Сам Семенов

будет жить в Кантемировке, откуда будет управлять губернией. Поручик Филиппов просит скорейшего командирования двух штаб-офицеров, ибо возможно, что генерал Семенов разобьет отряд по формируемым его частям». (3, с. 192)

К паническим «воплям» поручика Филиппова присоединяет свой голос представитель Добровольческой армии при Донском Атамане генерал Е.Ф. Эльснер. Дополняя рапорт своего подчиненного, он сообщает следующее: «На станции Чертково стоят два эшелона офицеров и солдат. Первых – 180 человек, вторых – 200, набранных генералом Семеновым. Офицеры в недоумении, зачем их сюда привезли. 21 августа (3 сентября) офицеры послали от себя одного офицера к генералу Алексееву узнать, что это за организация генерала Семенова и что им надо делать. Многие уже теперь дезертируют в Добровольческую армию, но отдано распоряжение Семеновым ловить их на станции и в Новочеркасске. Можно организовать переход офицеров Семенова в Добровольческий отряд Филиппова. Офицеры Семенова на это сразу пойдут, если негласно объявить, что этот отряд – часть Добровольческой армии». (3, с. 192)

Представители Добровольческой армии в Донской области знали за что они волнуются, денежное содержание в Южной армии было значительно выше чем в Добровольческой. Содержание добровольцев, по признанию самого Деникина, было «положительно нищенским». Установленное ещё в феврале 1918 года, оно составляло для мобилизованных солдат 30 рублей в месяц, для офицеров от прапорщика до главнокомандующего – в пределах от 270 до 1000 рублей (помимо пайка, общего для всех рангов). В то же время прожиточный минимум для рабочего в ноябре 1918 года был определен Советом екатеринодарских профсоюзов в 660 – 780 рублей. (14, с. 191)

Деньги в штабе Добровольческой армии считать то же умели, поэтому решили внимательное присмотреться к новому конкуренту. Прежде всего, выяснилось, что Семенов вовсе никакой не генерал, а полковник, выдававший себя на Украине за представителя Верховного руководителя Добровольческой армии М.В. Алексеева, уполномоченного для вербовки личного состава. «Впоследствии выяснилось, - писал генерал-майор П.И. Залесский, - что никто его не уполномочивал вербовать добровольцев, с генералом Алексеевым у него вышло какое-то недоразумение, но что письмом от начальника штаба Добровольческой армии генерала Романовского он действительно заручился и благодаря этому довольно удачно собирал в Харькове материальные средства, применяя их главным образом для ведения широкой жизни». (3, с. 191) Эту характеристику дополняет генерал А.И. Деникин: «Семенов был до того удален из отряда Дроздовского ввиду полной неспособности в боевом отношении, потом из Добровольческой армии – за то, что, будучи начальником нашего вербовочного бюро в Харькове, вступил в связь с немцами и... отговаривал офицеров ехать в Добровольческую армию». (5, с. 212)

Ещё один недостаток Южной армии возник на первом этапе её создания в Киеве. Как пишет герцог Лейхтенбергский, уже тогда «В штаб армии начали поступать предложения от целых офицерских составов кавалерийских и пехотных полков, поступить в ряды Южной армии со своими знаменами и штандартами, спасенными ими в дни революции, и даже с частью старослуживых нижних чинов, при условии сохранения старых наименований их полков. На это мы понятно охотно согласились...Вскоре, таким образом, выяснилось, что у нас будет полный офицерский кадр не для одной только, а для двух дивизий, которые и были намечены к сформированию. Лично я был против этого, считая, что сперва надо набрать солдатский состав и организовать на деле одну полную дивизию, а затем только уже приниматься за другую, но мои сотрудники так настаивали, так были окрылены надеждами и были так уверены, что люди будут, что их можно получить по мобилизации в Воронежской губернии, что у меня не хватило духу противиться и я согласился. На практике я оказался правым, нам не удалось набрать состава нижних чинов даже на полный комплект одной дивизии полного состава». (11, с. 179-180) Надо добавить, что к военным штабным чинам

добавилось ещё много штатских, которые вошли в состав организуемой на юге Воронежской губернии гражданской администрации. (4, с. 1110)

Последняя, сразу же отличилась, все участники тех событий в один голос неслестно отзываются об этой публике. Гражданская и военная администрация Южной армии сразу же стала устанавливать свои порядки, о характере которых свидетельствует генерал-майор П.И. Залесский: «Воронежский район управлялся губернатором Криваксиным с помощью губернского управления, находившегося в Кантемировке. Во все занятые к тому времени уезды были назначены уездные начальники с правами подобными тем, коими пользовались начальники уездов в губерниях Царства Польского в дореволюционное время. По желанию местного населения, всюду были приглашены прежние чиновники, восстановлена старая полиция, старые суды, прежнее земство, и всюду руководились старыми дореволюционными законами». (13, с. 655)

Воспоминания Залесского, как бы продолжает генерал А.И. Деникин который пишет следующее: «На небольшом клочке Воронежской губернии Акацатов с Семеновым восстанавливали порядки, давно отошедшие в область истории. Оттуда распространялась нездоровая литература, отравляющая души офицерства реакционным изуверством и человеконенавистничеством. Оттуда же шла лютая травля Добровольческой армии. «В последних номерах газеты «Наша Родина», - сообщала киевская «Азбука», - нет ни слова о большевиках. Вся газета посвящена грубому поношению генералов Алексеева, Шульгина, Родзянко и т.д. О генерале Алексееве газета пишет, что это он предал царя, устроив ему ловушку, и что он разложил армию. О всех вообще, кто, движимый любовью к несчастной родине, собрались в Екатеринодаре, газета говорит, что на лицах их «ясно виднеется улыбающийся Азеф»...

Любопытно, - пишет далее Деникин, - что организатор армии герцог Лейхтенбергский все же счел нужным обратиться ко мне с письмом, в котором выражал надежду на совместные наши военные действия в будущем. Я ответил весьма сдержанно...»

Не в восторге от Южной армии был и генерал П.Н. Краснов, в оперативном подчинении которой она находилась. Согласно его воспоминаниям союз «Наша Родина» работал в целях не военного, боевого дела, но политики. В армии насчитывалось не более 2 тысяч человек, из которых только половина была боеспособна, остальные были священники, сестры милосердия, просто дамы и девицы, офицеры контрразведки, полиции, старые полковники, расписанные на должности командиров несуществующих полков, артиллерийских дивизионов и эскадронов и, наконец, разные личности, жаждущие должностей губернаторов, вице-губернаторов и градоначальников, с более или менее ярким прошлым. «Вся эта публика, - пишет П.Н. Краснов, - наполнила Кантемировку шумом и скандалами. Семенов начал водворять по уездам Воронежской губернии, только что очищенным казаками, земскую полицию старого режима со всеми её недостатками – взятками и лихоимством. Это возбудило общее неудовольствие, вылившееся местами в бунты, усмирять которые приходилось казакам». (9, с. 91)

Более подробно состояние Южной армии излагает в своих мемуарах «Донские казаки в борьбе с большевизмом» начальник штаба Донской армии генерал А.И. Поляков пославший в Кантемировку в начале сентября специальную комиссию, для её инспектирования состоящую из нескольких штаб-офицеров и своих адъютантов. Привезенные ими сведения по словам Полякова его не обрадовали. «Они рисовали жуткую картину беззаботной жизни организации, на фоне которой процветало пьянство, кутежи, скандалы, самоуправство, разгул и взяточничество. Безобразное поведение прибывших вызвало в населении ближайшего района острое недовольство и справедливый ропот, готовый перейти в открытый бунт».

В боевом отношении Южная армия была равна нулю. Старшие чины в основном занимались формированием больших штабов в подчинении у которых не было ни средств, ни людей. Поляков предложил Атаману срочно принять самые суровые меры, для наведения порядка в Южной армии. Прежде всего, применением военно-полевых судов, навести

порядок в офицерском и боевом составе, половину из них просто выгнать, а из оставшихся сформировать один полк, который и обучать непрестанно днем и ночью, обставив его жизнь суровыми казарменными условиями. По мере прибытия укомплектований постепенно формировать следующие полки, сведя их в высшие соединения. По мнению генерала А.И. Полякова, только при такой системе можно было получить положительные результаты. Однако для проведения таких мер в жизнь, нужны были, прежде всего, хорошие офицерские кадры, но их не было. Получив эти сведения своего начальника штаба, генерал П.Н. Краснов обратился к генералу А.И. Деникину с просьбой командировать в Южную армию опытных офицеров из Добровольческой армии. Но последний ответил отказом под предлогом неимения офицеров, хотя Екатеринодар был переполнен офицерами резерва.

Кстати, именно меры П.Н. Краснова и его подчиненных по наведению порядка в Южной армии вызвали недовольство в её штабе. Так, например, глава её контрразведки полковник князь П.М. Бермонт-Авалов в своих воспоминаниях прямо заявил, что вмешательство П.Н. Краснова нарушило основу формирования Южной армии. «Он перемешал, - пишет Бермонт-Авалов, - отправленные по моей инициативе штабом армии целые офицерские составы кавалерийских и пехотных полков, поступивших в ряды Южной армии со своими штандартами и знаменами при условии сохранения старых наименований их полков. Офицеры таких организаций, узнав об этом, отказались от участия в дальнейшем формировании. Странно, что атаман Краснов, будучи генералом Русской императорской армии, не понимал пользы, восстановления старых полков, вносящих в новое формирование свои былые славные традиции. Так же было поступлено им и с администрацией – все планы Акацатова в этом направлении были разрушены властолюбивым атаманом». (2, с.112)

Сохраняя объективность, следует обратить внимание на то, что в последнее время отрицательная точка зрения на Южную армию начинает пересматриваться среди отечественных историков. Так, например, саратовский исследователь, профессор А.В. Посадский в статье «О воронежском крестьянстве в годы Гражданской войны» пишет следующее: «Карикатурное бурбонство старорежимной администрации становленной на воронежской земле, считается причиной неудач этой армии и главное – неуспеха в привлечении в ряды войск и в целом на свою сторону крестьян. Добровольческое ядро самоотверженно сражалось, городские слои дали ряд добровольческих формирований, среди которых выделяется боеспособностью Богучарский отряд». В качестве примера Посадский приводит мнение офицера Южной армии Н. Раевского, который в своих воспоминаниях «Добровольцы» утверждал, что администрация Южной армии была, во всяком случае, не хуже добровольческой, особенно той, «которую мы видели в 1919 году». Порядка объективно говоря, было больше у «южан» - особенно на первых порах. (6, с. 8)

Но несмотря на эту точку зрения, вне зависимости от того объективна она или нет, в 1918 году отношение к формируемой Южной армии было крайне отрицательным. В качестве примера можно указать на то, что ни один генерал бывшей Русской Императорской армии не хотел вступать на должность её командующего. От возглавления армии последовательно отказалось несколько генералов находившихся в то время на Юге России. Первоначально должность командующего решено было предложить бывшему главнокомандующему армиями Румынского фронта, генералу от инфантерии Д.Г. Щербачеву. Но войти в связь с генералом, живущим в Яссах, не удалось. Затем эта должность была предложена генералу от кавалерии, проживавшему летом 1918 года в Харькове, Ф.А. Келлеру. Прежде чем дать своё согласие он выехал в Екатеринодар где встретился с генералом М.В. Алексеевым. Получив здесь подробные сведения о формируемой новой армии, он после возвращения в Харьков категорически отказался. Следующим предложению получил генерал-лейтенант А.Н. Долгоруков, этот отказался сразу.

После предложили возглавить Южную Армию генералу Н.Н. Головину профессору Академии Генерального штаба, во время Первой мировой войны он был одним из

разработчиков Брусиловского прорыва. Головин отказался, сославшись на плохое состояние своего здоровья, что не помешало ему через несколько месяцев по просьбе генерала А.И. Деникина выехать в Сибирь в распоряжение адмирала А.В. Колчака.(3., 196)

Генерал М.Н. Драгомиров будучи проездом через Новочеркасск в Екатеринодар избегал любых разговоров по этому вопросу. В конце концов генералу П.Н. Краснову удалось с ним встретиться, в ответ на его предложение возглавить Южную армию Драгомиров ответил сразу следующее: «Это немецкая затея! Это делается на немецкие деньги лишь для того, чтобы помешать работе Добровольческой армии. Эта армия создается не на пользу, а во вред России её заклетыми врагами немцами». Краснов пытался доказать, что денежную помощь армии оказывают не немцы, а украинский гетман с целью защиты границ Украины от большевиков. Кроме того денежную помощь оказывают русские банки и Войско Донское. Все эти доводы не оказали никакого влияния на генерала Драгомирова, он категорически отказался от командования Южной армии.(9, с. 87)

Поступали предложения возглавить Южную армию и великому князю Николаю Николаевичу, который во время Гражданской войны проживал в Крыму. И Николай Николаевич после консультаций с М.В. Алексеевым категорически отказался это сделать.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что Южная армия не пользовалась большой популярностью в среде российского генералитета, никто не хотел портить свою репутацию связываясь с воинским формированием в котором генералы были и не генералы, а полковники не полковники, это относится к князю Бермонту-Авалову, который был не полковник, а вообще неизвестно кто. (11, с.175)

Тем временем в Южной армии продолжалось организационное строительство. В конце августа начале сентября 1918 года началось формирование её второй дивизии в Миллерово. Командующим её был назначен генерал-лейтенант Г.Г. Джонсон. Откуда взялись кадры на вторую дивизию, если их не удалось набрать на 1-ю непонятно. Кроме второй дивизии приступили к формированию и штаба корпуса, здесь скорее всего людей было больше чем достаточно. В целом к началу октября 1918 года в Южной армии насчитывалось до 3500 человек штыков и сабель, без обоза, почти без артиллерии и около 6000 человек не боевого элемента. Последняя цифра, скорее всего, может быть и больше. (3, с. 194.; 5, с. 213)

30 сентября 1918 года вышел приказ Донского атамана № 1192 «о создании Особой Южной армии», в составе которой должны были формироваться три корпуса: Воронежский (бывшая Южная армия), Астраханский (бывшая Астраханская армия) и Саратовский (бывшая «Русская Народная армия Манакина»). На новую армию возлагалась «защита границ Всевеликого Войска Донского от красногвардейских банд и освобождение российского государства». П.Н. Краснов надеялся использовать армию и как своеобразный барьер за которым донские казаки могли отдохнуть и перегруппировать силы, и как своеобразный противовес Добровольческой армии. Впоследствии предполагалось развернуть каждый корпус в армию и создать Южный фронт, в состав которого должна была войти и Донская армия. Средства на содержание новой «Особой Южной армии» около 76 миллионов рублей, обещал выделить гетман П.П. Скоропадский, однако до падения Украинской державы он успел отпустить лишь 4,5 миллиона рублей. (3, с. 195)

К тому времени удалось найти и её командующего, им стал генерал Н.И. Иванов Главнокомандующий Юго-западного фронта в годы Первой мировой войны. В 1918 году ему было 67 лет и старый генерал имел слабое здоровье, скорее всего он был болен рассеянным склерозом. Об этом сообщает в своих воспоминаниях генерал А.И. Поляков.(7, с.386)

Здесь крайне неэтичным выглядит поведение генерала П.Н. Краснова втянувшего заслуженного генерала Первой мировой войны, к тому же старого и больного человека, фактически в авантюру. Но Краснов использовал имя генерала Иванова, как знамя, под которой охотно пошли бы русские офицеры, то есть это фигура была чисто декоративная, все основные организационные вопросы должен был решать за него начальник штаба Особой Южной армии генерал-майор П.И. Залесский. Центром новой формируемой армии,

согласно приказу генерала П.Н. Краснова, стало село Кантемировка в то время входившее в состав Бобровского уезда Воронежской губернии. Официально приказ о назначении Н.И. Иванова командующим Особой Южной армии был издан 23 октября 1918 года под № 1276. (3, с.197)

В это время в войсках Южной армии, по словам Деникина, создалось тяжелое настроение, но в целом искусственно вызванное озлобление между «южанами» и «добровольцами» постепенно сменялось в сторону роста симпатий к Добровольческой армии. В начале ноября 1918 года оно усилилось ещё больше после того, как с открытым письмом к офицерам Южной армии обратился В.В. Шульгин. «Ваша тяжкая жертва была принесена напрасно, - писал В.В. Шульгин, - теперь после того, как Германия запросила мира, вы, конечно, сознаете, что она никого спасти не может». В качестве выхода из тупиковой ситуации Шульгин предлагал офицерам Южной армии соединиться «с людьми, которые, как и вы, любят Россию, но которые шли к её спасению другими путями». В конце ноября в Екатеринодар выехала делегация офицеров Южной армии, к которой по дороге присоединились представители Астраханской армии. Здесь состоялась их встреча с В.В. Шульгиным. Анализируя её итоги, Шульгин писал Деникину следующее: «В скором времени следует ожидать массового бегства офицеров Южной армии в Добровольческую, так как офицерство потеряло надежду на то, что верхи Южной армии перестанут его делать пугалом в глазах народа». (5, с. 214)

Назначенный начальником штаба Южной армии генерал П.И. Залесский проинспектировал её в начале сентября, и остался крайне недоволен увиденным. По его словам, все что он увидел, производило крайне отрицательное впечатление, и представляло собой «бестолковщину, вялость, кустарность и отсутствие твердой направляющей руки». Вся организация, по его мнению, шла неправильным путем: вместо того, чтобы создать полк, потом бригаду, дивизию и т.д, то есть идти от более мелких формирований к более крупным, стали работать совершенно наоборот. В результате было создано много штабов, различных тыловых учреждений, а бойцов на фронте практически не было. По словам Залесского на 3000 человек штыков приходилось более 20 000 нестроевых. Всего на фронте официально воевала одна бригада неполного состава, а в тылу у неё действовало до 40 штабов и различных тыловых учреждений. (3, с.199)

Следует отметить, что эта неполная бригада Южной армии воевала достаточно хорошо. В конце ноября – начале декабря 1918 года её перебросили из Кантемировки в состав Северо-Восточного фронта (участка) Донской армии под станцию Лиски. Отдельные части Южной армии принимали участие в боевых действиях уже с сентября 1918 года. Особенно отличился Богучарский добровольческий отряд, он же сражался совместно с донскими казаками зимой 1918 – 1919 годов под Лисками. (12, с. 83)

Такие современные исследователи, как Руслан Разин и профессор А. В. Посадский утверждают, что Воронежский корпус, особенно его «Добровольческое ядро самоотверженно сражалось, городские слои дали ряд добровольческих формирований. Среди которых, выделялся боеспособностью Богучарский отряд». (6, с. 8) Однако этому противоречат другие сведения представленные в исторической литературе. Так 8 января 1919 года П.Н. Краснов в письме А.И. Деникину № 92 просил передать части Воронежского корпуса в составе около 3000 человек под командованием генерал-лейтенанта князя Н. П. Вадбольского для усиления отряда генерал-майора В.З. Май-Маевского, действовавшего в районе Донбасса. При этом атаман подчеркивал, что его направление в Воронежскую губернию «нежелательно потому, что половина самой Воронежской губернии мобилизована большевиками и потому Воронежский корпус плохо дерется против своих и сильно дезертирует». После этой просьбы корпус был переведен на станцию Синельниково. В феврале – марте 1919 года большая часть Особой Южной армии, в которую помимо Воронежского корпуса входили ещё Астраханский и Саратовский корпуса, была

переформирована и вошла в состав 6-й пехотной дивизии и других частей Вооруженных сил Юга России. (3, с. 200)

В чем причина краха монархической революции в лице Южной армии на территории Воронежской губернии на рубеже 1918 – 1919 годов. Причины этого скорее не в замысле, а в исполнении. Уже на первом этапе её создания, который условно можно назвать киевским, были заложены основы провала всего начинания, когда, по словам герцога Лейхтенбергского были созданы штабы, структуры управления и тыла, а боевой элемент решили найти непосредственно на месте формирования из мобилизованных жителей Воронежской губернии. Однако штабы, переброшенные на территорию Воронежской губернии, так и повисли в воздухе, а мобилизованных на месте практически не оказалось. В результате из военного мероприятия создание Южной армии превратилось в чисто политическую монархическую манифестацию, которая практически не нашла никакой поддержки среди местного населения. Это можно назвать первой причиной.

Второй причиной, скорее всего, оказалась кампания, поднятая екатеринодарской прессой, контролируемой командованием Добровольческой армии, осенью 1918 года. В екатеринодарских газетах о Южной армии писались нелестные отзывы, что привело к тому, что лучшие офицеры оказались от поступления в неё, боясь скомпрометировать себя в глазах не только командования, но и всего образованного общества. Это привело к тому, что в Южную армию устремились худшие элементы. Это были те, кто не отвечал своему назначению, не удовлетворял никаким требованиям или те кого отовсюду повыгнали, как например генерала (полковника) Семенова. Причем большей частью эти люди стремились не на передовую, а на различные тыловые должности или в формируемые полки, что представляло собой ещё один способ уклонения от службы на фронте. Стремилась занять и другие тыловые должности.

При этом донские казаки, под прикрытием которых на территории Воронежской губернии формировалась Южная армия, уже к середине лета понесли большие потери в борьбе с большевиками, а Южная армия так и не вступила в бой до конца осени. Следует учесть, что например Добровольческая армия вступила в борьбу с большевиками уже практически через два месяца после начала своего создания. То есть, отряды добровольцев вступали в вооруженную борьбу с большевиками практически прямо с колес, а Южная армия полгода формировалась и смогла увеличить свой боевой состав до размеров усиленного полка.

Более того, многие участники гражданской войны, принимавшие участие в боях Донской армии Краснова прямо утверждали, что именно Южная армия привела к деморализации донцов на Воронежском фронте, и к серии поражений зимой 1918 – 1919 годов. Именно сюда стекался такой элемент, который, с одной стороны, хотел найти хоть какой-то заработок, при этом не проявляя никаких боевых качеств, а с другой стороны эти люди стремились к восстановлению старых порядков, применяя недопустимые приемы в отношении крестьянства. Это в свою очередь вызвало такое недовольство местного населения, что когда через год те же районы Воронежской губернии, где формировалась Южная армия были вновь заняты казаками, а это Бобровский, Богучарский и Новохоперский уезды, что здесь в июле 1919 г. произошло мощнейшее восстание крестьян, в котором приняло участие не несколько тысяч, а несколько десятков тысяч человек. Оно получило название Краснянское восстание и по своим масштабам сравнимо с Вешенским восстанием донских казаков. Причем, по данным красного командования, именно местные крестьяне помогли красной армии освободить эти районы летом – осенью 1919 года от белых, участвуя в боевых действиях непосредственно на линии фронта. Так на одном участке 8-й красной армии в атаку против белых пошло более 6000 крестьян, из которых только 600 человек имели оружие.

Библиографический список

1. Абинякин Р.М. Генерал-майор М.Г. Дроздовский. / Р.М. Абинякин. // Белое движение: исторические портреты. / Составитель А.С. Кручинин. М.: Астрель, Аст, 2011. Стр. 224 – 264.
2. Бермонт-Авалов П.М. В борьбе с большевизмом. / П.М. Бермонт-Авалов. В 2 книгах. Книга 1. М.: Кучково поле, 2017.
3. Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России: военное строительство, источники комплектования, социальный состав. / Р.Г.Гагкуев. М.: Содружество «Посев», 2012.
4. Гагкуев Р.Г., Балмасов С.С. Генерал Ф.А. Келлер в годы Великой войны и Русской Смуты. / Р.Г. Гагкуев/ Граф Келлер. М.: «Посев», 2007. Стр. 995 – 1142.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты: Белое движение и борьба Добровольческой армии, май – октябрь 1918. /А.И. Деникин. Мн.: Харвест, 2002.
6. Посадский А.В. О воронежском крестьянстве в годы Гражданской войны. / А.В. Посадский. / На ветрах Гражданской войны. Воронежская деревня в 1917 – 1922 гг. / Под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО – XXI, 2019. Стр. 7 – 16.
7. Поляков А. И. Донские казаки в борьбе с большевиками. / А.И. Поляков. М.: Вече, 2018.
8. Марыняк А.В. Генерал-от-кавалерии П.Н. Краснов. / А.В. Марыняк / Белое движение: исторические портреты / Составитель А.С. Кручинин. М.: Астрель, АСт, 2011.
9. Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское. / П.Н. Краснов./ Белое движение: Избранные произведения в 16 книгах. Книга 3: Дон и Добровольческая армия. М.: Голос, 1997.
- 10.Ланник П.В. Непосильная гегемония. Германская империя на фронтах Гражданской войны. СПб.: Евразия, 2023.
- 11.Лейхтенбергский Г. Как начиналась «Южная армия»/ Г. Лейхтенбергский/ Архив Русской Революции. Том 8. М.: Терра – Политиздат, 1991. Стр. 166 – 182.
- 12.Разин Р. Белый Чернозем. / Р. Разин. М.: Сеятель, 2019.
13. Фомин С.В. Золотой клинок империи. / С.В. Фомин / Граф Келлер. М.: «Посев», 2007. Стр. 11 – 990.
- 14.Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России в 1917 – 1922 гг. / М.В. Ходяков. Спб.: Питер, 2009.

*Белгородский государственный национально-исследовательский университет
соискатель кафедры российской истории
и документоведения
А.В. Акопян
Россия, г. Белгород
тел. 89601065176;
e-mail: akop_antoxa@mail.ru*

*Belgorod State National Research
University
Applicant of the Department of Russian History
and Documentary Studies
A.V. Hakobyan
Russia, Belgorod
tel. 89601065176;
e-mail: akop_antoxa@mail.ru*

А.В. Акопян

ПРИЧИНЫ УЧРЕЖДЕНИЯ МУЗЕЯ ИЗОБРЕТЕНИЙ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ ОБЩЕСТВОМ ВОЕННОЙ, МОРСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ ТЕХНИКИ

В начале XX в. в дореволюционной России происходит значительный подъем общественной жизни. Интересной организацией стало общество военной, морской и сельскохозяйственной техники, созданное при Морском министерстве России. Члены общественной организации интересовались широким спектром новинок мировой техники. Общество военной, морской и сельскохозяйственной техники проводила выставки технических изобретений и усовершенствований, получившие поддержку у правящей императорской фамилии. Так, покровителем выставок технических изобретений и усовершенствований назначили наследника престола, цесаревича Алексея Николаевича. Задачи общества военной, морской и сельскохозяйственной техники включали пропаганду технического прогресса среди широких слоев населения Российской Империи. В результате правление и члены общественной организации приняли решение о формировании постоянной экспозиции Музея изобретений и усовершенствований. Причины создания Музея изобретений и усовершенствований правлением общества военной, морской и сельскохозяйственной техники рассматриваются в данной научной статье.

Ключевые слова: Общество военной, морской и сельскохозяйственной техники, Музей изобретений и усовершенствований, общественные деятели, пропаганда технического прогресса, цесаревич Алексей Николаевич, население Российской Империи, общественная жизнь, правление общественной организации, дореволюционная Россия, члены общественной организации, изобретения военной техники, новинки военно-морской техники, усовершенствования сельскохозяйственной техники, Лондон, Париж, Мюнхен, городское управление, уставные документы, Комитет по созданию музея, временный музей, бытовой музей, политехнический музей.

A.V. Akopyan

THE REASONS FOR THE ESTABLISHMENT OF THE MUSEUM OF INVENTIONS AND IMPROVEMENTS BY THE SOCIETY OF MILITARY, MARINE AND RURAL EQUIPMENT

At the beginning of the twentieth century, there was a significant rise in public life in pre-revolutionary Russia. An interesting organization was the Society of Military, Marine and Agricultural machinery, established under the Maritime Ministry of Russia. Members of the public organization were interested in a wide range of new world technology. The Society of Military, Marine and Agricultural Machinery held exhibitions of technical inventions and improvements, which were supported by the ruling imperial family. Thus, the heir to the throne, Tsarevich Alexei Nikolaevich, was appointed the patron of exhibitions of technical inventions and improvements. The tasks of the Society of military, marine and agricultural machinery included the promotion of technological progress among the general population of the Russian Empire. As a result, the board and members of the public organization decided to form a permanent exhibition of the Museum of Inventions and Improvements. The reasons for the creation of the Museum of Inventions and Improvements by the Board of the Society of Military, Marine and Agricultural Machinery are discussed in this scientific article.

Key words: Society of Military, Marine and Agricultural Machinery, Museum of Inventions and Improvements, public figures, propaganda of technological progress, Tsarevich Alexei Nikolaevich, population of the Russian Empire, public life, board of a public organization, pre-revolutionary Russia, members of a public organization, inventions of military equipment, novelties of naval equipment, improvements of agricultural machinery, London, Paris, Munich, city administration, statutory documents, Committee for the creation of a museum, temporary museum, household museum, Polytechnic Museum.

В начале XX в. в Российской Империи возрастает количество общественных организаций самой различной направленности. В современной историографии по данной проблематике можно выделить научные статьи М.Т. Джораева рассматривающие формирование [1, с. 63 – 69] и повседневную деятельность [3, с. 121 – 126] Российского морского союза.

Несколько публикаций, связанных с темой становления [5, с. 28 – 36] и последующего развития Комитета морских экскурсий [2, с. 252 – 259], есть в научных статьях Т.Н. Лысак.

В результате М.Т. Джораев в 2021 г. защитил диссертационное исследование по организации и деятельности Российского морского союза [2], а Т.Н. Лысак тоже в 2024 г. защитила диссертацию о повседневной работе Комитета морских экскурсий [4].

Общество военной, морской и сельскохозяйственной техники представляло собой особенную общественную организацию. Прежде всего, правление и члены общества уделяли внимание новинкам военной техники. (Рис. 1)

Передвижная пулеметная точка

Надо отметить, что утверждало уставные документы и впоследствии курировало общество военной, морской и сельскохозяйственной техники Морское министерство России. Отсюда, внимание членов общественной организации к развитию мировой военно-морской техники. Тем более, что после поражения в Цусимском сражении военные моряки и

общественные деятели проводили постоянные дискуссии о путях развития русского флота.
(Рис. 2)

Аэропланосец «Императрица Екатерина II»

Правление общества военной, морской и сельскохозяйственной техники начало проводить регулярные выставки технических изобретений и усовершенствований. Надо сказать, что такая общественная инициатива получала государственную поддержку на самом высоком уровне. Например, покровителем выставок технических изобретений и усовершенствований стал наследник российского престола, великий князь, цесаревич Алексей Николаевич. Тем более, что Российской Империи в начале XX в. было, что показать мировой военной общественности в плане изобретений. Достаточно вспомнить знаменитый «Царь-танк». (Рис. 3)

Царь-танк 1915 г.

Однако выставки технических изобретений и усовершенствований носили временный характер. Поэтому, правление и члены общества военной, морской и сельскохозяйственной техники решили на постоянной основе открыть музей изобретений и усовершенствований.

Правление общественной организации аргументировала открытие музея изобретений и усовершенствований следующим образом:

1. Выставка изобретений и усовершенствований имени наследника российского престола, великого князя, цесаревича Алексей Николаевича привлекла внимание широких слоев населения государства.

2. Выставка изобретений и усовершенствований выявила проблемы у изобретателей с внедрением их работы.

3. Выставка изобретений и усовершенствований проявила отсутствие возможности у промышленников пообщаться с изобретателем для приобретения новейших технических приборов.

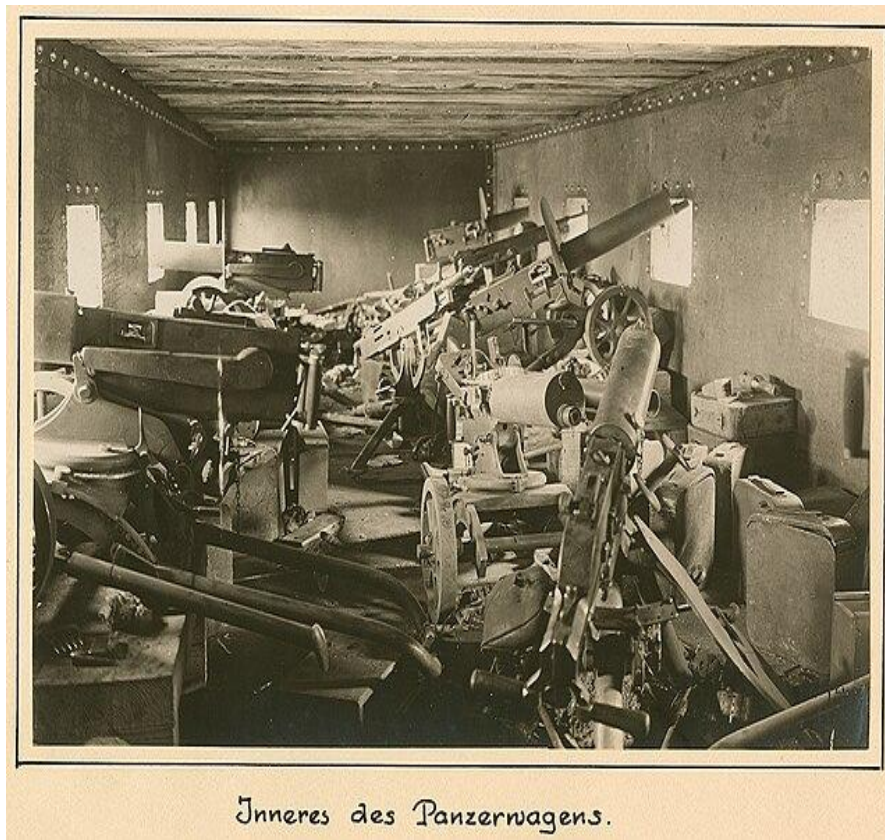
4. Надо постоянно содействовать коммуникации изобретателя и его потенциального клиента.

5. В Российской Империи, учитывая технический прогресс, просто необходим бытовой и политехнический музей.

6. В Лондоне, Мюнхене и Париже уже существуют подобные музеи изобретений, которые положительно влияют на развития технической науки и искусства.

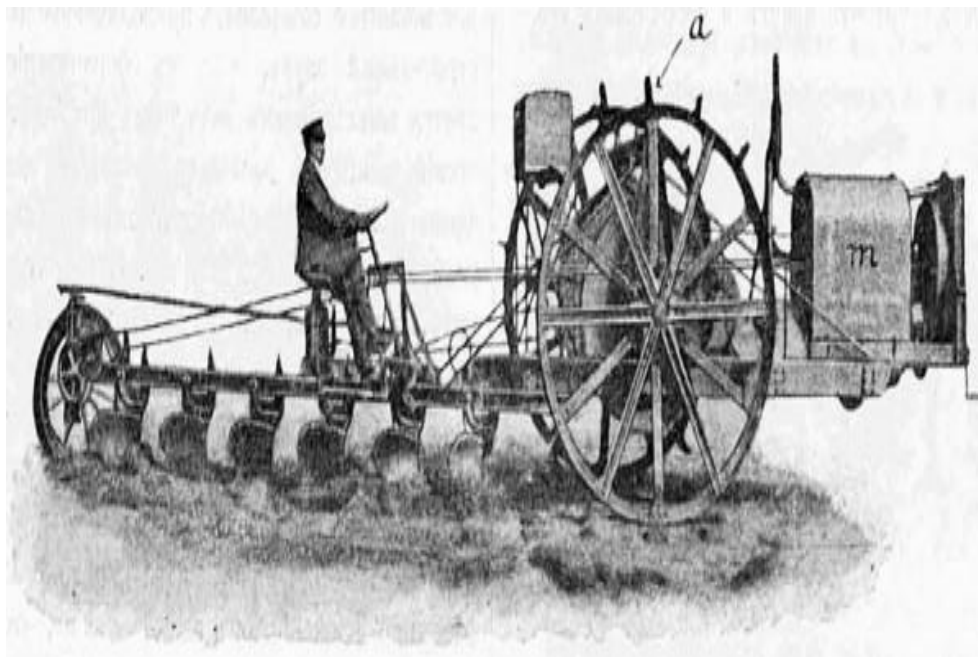
7. Для музея в Мюнхене, пользующегося особенной популярностью среди местного населения, городское управление построило специальный комплекс зданий.

8. Российская Империя обязана проявить себя на почве изобретений военной и мирной техники [7, с. 1 – 2]. (Рис. 4)

Пулеметы внутри бронепоезда

Одновременно правление общества военной, морской и сельскохозяйственной техники поднимало проблему не только технических, но мирных изобретений. Здесь имело значение внимание к развитию отечественной сельскохозяйственной техники, т.к. подавляющее большинство жителей Российской Империи в начале XX в. трудилось в сфере аграрного производства. (Рис. 5)

Трактор конструкции Штока

Правление и члены общества военной, морской и сельскохозяйственной техники сняли временное помещение для музея изобретений и усовершенствований в г. Санкт-Петербурге в доме под номером 12 на реке Мойка. В нем изобретателям предлагалось собрать техническую коллекцию изобретений и усовершенствований. Изобретатель должен был заполнить особую форму заявления на техническую новинку. Если автор изобретения не хотел оглашать его перед широкой публикой, его творение рассматривали в специальной закрытой комнате [7, с. 3].

Все изобретения изучались Комитетом и экспертами общества военной, морской и сельскохозяйственной техники. Затем их выставляли в музее изобретений и усовершенствований. Кстати, все технические новинки выставлялись в экспозиции бесплатно. Естественно энтузиасты технического прогресса из общества военной, морской и сельскохозяйственной техники ждали финансовой поддержки от меценатов и простых обывателей.

Таким образом, общество военной, морской и сельскохозяйственной техники организовало в столице Российской Империи городе Санкт-Петербурге первый отечественный музей изобретений и усовершенствований. Главной причиной созданию упомянутой музейной экспозиции стало желание правления и членов общественной организации популяризировать технический прогресс среди российских обывателей и наладить взаимовыгодное сотрудничество изобретателей и промышленников.

Библиографический список

1. Джораев М.Т. Научные исследования Российского морского союза // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. № 1 – (66). – С. 38 – 42.

2. Джораев М.Т. Организация и деятельность Российского морского союза (1905 – 1917 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 – Отечественная история / М.Т. Джораев. – Курский государственный университет. – Курск, 2021. – 211 с.

3. Джораев М.Т. Российский морской союз как организация по возрождению русского флота // Journal Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. – 2021. – Т. 10. – № 12 – С. 121 – 126.

4. Лысак Т.Н. Организация и деятельность Комитета морских экскурсий (1908 – 1917 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 5.6.1. – Отечественная история / Т.Н. Лысак. – Курский государственный университет. – Курск, 2024. – 216 с.

5. Лысак Т.Н. Формирование комитета морских экскурсий в структуре лиги обновления флота // Journal Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. – 2021. – Т. 12. – № 14 – С. 28 – 36.

6. Лысак Т.Н. Форма одежды и знаки отличия Комитета морских экскурсий в начале XX в. // Известия Юго-Западного Федерального университета. – 2021. – № 5. – Т.11. – С. 252 – 259.

7. Международная выставка новейших изобретений //Обозрение международной выставки новейших изобретений. – Предварительный выпуск, 1909. – 26 с.

УДК 94

*Воронежский государственный университет
преподаватель кафедры регионоведения и экономики
зарубежных стран
О.С. Бушнева
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(980) 340-83-39;
e-mail: Olga20231@yandex.ru*

*Voronezh State University
lecturer of the Chair of Regional Studies and Foreign
Countries Economies
O.S. Bushneva
Russia, Voronezh,
tel. +7(980) 340-83-39;
e-mail: Olga20231@yandex.ru*

О.С. Бушнева

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

Целью данного исследования является рассмотрение истории становления и деятельности Коммунистической партии Китая. Автор анализирует основные этапы развития Коммунистической партии Китая и направления ее деятельности, а также ее влияние на развитие современной Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: Китай, история, Коммунистическая партия Китая, общество, реформы.

O.S. Bushneva

HISTORY OF THE FORMATION AND ACTIVITIES OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA

The purpose of this study is to examine the history of the formation and activities of the Communist Party of China. The author analyzes the main stages of the development of the Communist Party of China and the directions of its activities, as well as its influence on the development of the modern People's Republic of China.

Key words: China, history, Communist Party of China, society, reforms.

Коммунистическая партия Китая является крупнейшей и одной из самых влиятельных партий в современном мире. Партия проделала огромный путь от небольшого идеологического общества до центральной и ключевой правящей партии в Китае. КПК смогла привлечь внимание народа, что привело к кардинальным переменам во многих сферах жизни страны. Изменения затронули политику, экономику, общество и его ценности, а как итог – изменение международного положения Китая.

Изменениям подверглись социальная и экономическая политика Китая, которая была связана с приходом партии к власти в 1949 году. Изменения коснулись аграрного сектора, индустриализации, а также имела место демократизация взглядов относительно открытости страны в международном плане, что в дальнейшем привело к открытию китайских рынков для глобальных экономических изменений. На протяжении десятилетий КПК адаптировала свою идеологию и методы работы, чтобы эволюционировать в условиях изменяющегося политического и экономического ландшафта.

В центре авторского внимания в данной статье лежат особенности исторического развития и современного существования Коммунистической партии Китая. Целью автора является анализ партии в перспективе исторических изменений и представление информации о её функционировании.

В перечень задач автора входит анализ структуры и выделение ключевых аспектов, влияющих на изменение партии в истории и оказывающих влияние на современную модель Коммунистической партии Китая.

Коммунистическая партия Китая (КПК) была основана в июле 1921 года. В период с 1921 по 1949 годы Коммунистическая партия Китая обеспечивала помощь народу в вооруженном противостоянии и безжалостной борьбе, что в конечном итоге привело к смещению империалистических и бюрократических устоев капитализма и началу новой эпохи под эгидой коммунизма. Заключением формирования и основания Китайской Народной Республики стал факт о всеобъемлющей помощи Коммунистической партии Китая народу всех этнических групп, любого пола и возраста, а также в защите независимости и безопасности страны, прав и свобод граждан, позитивно преодолев порог от демократической революции к социалистической, попутно наращивая темпы социалистического строительства, экономической стабильности и культурного развития.

Из открытых источников известно, что «I съезд КПК состоялся нелегально в конце июня—начале июля 1921 года в Шанхае. Он провозгласил конечной целью партии построение в Китае социализма. Партия из «кружка», в котором состояли представители левой интеллигенции Китая превратилась в самую большую политическую партию в мире. VI съезд состоялся в 1928 году в Подмосковье, в бывшей усадьбе Мусиных-Пушкиных Старо-Никольское. Всего с того времени было организовано 20 съездов партии, последний из которых прошёл в октябре 2022 года»[1]. Из исторической справки ясно, как и где партия смогла распространить свои ценности, с помощью которых она смогла достичь успеха как в умах множественного числа граждан, так и во всем государстве.

Важным стоит отметить историческую периодизацию существования Коммунистической партии Китая: Первый объединенный фронт (1922-1927) – который характеризуется ярко выраженной деятельностью Гоминьдана и его борьбой против вооруженных экстремистских и политических объединений. Советская республика в Китае (1927-1937) – период противостояния с идеологией Гоминьдана в области правительственных рычагов. Противостояние японской агрессии и организация (1937-1945) – итогом стала война с японцами и организация «Второго объединенного фронта». Гражданская война в Китае (1946-1949) – военные действия, которые сменились победой коммунистов и их закреплением в верхушке власти. Завершающий этап (после 1949) – укрепление, развитие и расцвет коммунистической партийной деятельности в стране, снижение социальной напряженности, нормализация политических и экономических процессов в стране, начало и последующее укрепление патриотизма, который будет играть важную роль в дальнейшем.

После третьего пленума Центрального комитета партии одиннадцатого созыва в конце 1978 года в стране начались крупнейшие перемены в истории Нового Китая. С 1979 года КПК начала проводить политику реформ и открытости, инициированную Дэн Сяопином. За более чем два десятилетия, прошедшие с начала реформ и открытости, экономическое и социальное развитие Китая увенчалось крупнейшим успехом, и страна приобрела новый облик. Это был лучший период с момента основания КНР, когда китайский народ извлек наибольшую материальную выгоду.

По состоянию на 31 декабря 2022 года, КПК насчитывала 98,041 миллиона членов, что в то время делало ее крупнейшей партией как в самом Китае, так и на всей планете [2]. На данный момент самой крупной партией пира является Бхаратия джаната парти в Индии, которая насчитывает около 15% всего населения в рядах партии [3].

Коммунистическая партия Китая является лидером китайского рабочего класса, а также китайского народа и китайской нации. В этом суть лидерства в борьбе за социализм с китайской спецификой. Партия представляет направление развития высших производительных сил Китая, китайской культуры и фундаментальные интересы подавляющего большинства китайского народа.

Рабочий класс в Китае поддерживается партией, которая заинтересована в наращивании темпов производства, развитии множественных секторов, которые требуют пристального внимания. Историческая специфика менталитета и идеологии сложилась индивидуальным для Китая образом, который оказал значительное влияние на народ в целом. Ценности Конфуция, которые и по сей день остаются важнейшими в мировоззрении граждан, тонко переплетены ценностями партии. Именно расчет данных процессов помог укорениться в народных массах идеологии, а как итог – партии в целом. В современном Китае видно, что партия смогла не только закрепиться, но развиваться невиданными темпами в экономическом плане. Согласно статистике Всемирного банка на 2020 год, Китай имеет практически 29% всего мирового производства, что во множество раз больше стран, которые идут по статистике далее [4].

Из общедоступных источников известно, что «Коммунистическая партия Китая использует марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна, теорию Дэн Сяопина и важную концепцию «трех представительств» в качестве руководства к действию» [5]. И в дополнении «Основная линия Коммунистической партии Китая на начальном этапе строительства социализма заключается в том, чтобы вести народы всех этнических групп в согласованных, самостоятельных и новаторских усилиях по превращению Китая в процветающую, сильную, демократическую и культурно развитую современную социалистическую страну, делая экономическое развитие главной задачей» [6]. Эти принципы являются важнейшими в понимании сути и основных задач Коммунистической партии Китая. Это обусловлено историческим своеобразием страны, неповторимой культурной самоидентификацией и идеологической особенностью, которая оказывает влияние как на партию и страну в целом, так и на каждого отдельного человека.

В конце следует отметить, что КПК продолжает играть важнейшую роль в функционировании множественных областей жизни страны. Партия стремится показать мировому сообществу преимущество идеалов социализма, которое выражается в наращивании темпов производства, укреплении самосознания общества, всеобъемлющее сочетание истории и современности как в повседневной жизни общества, так и в партии и государстве. Коммунистическая партия Китая успешно модернизирует экономику, а также социум, что выражается в повышении уровня жизни и общего единства народа. Партия базируется на традиционных китайских ценностях, современных требованиях и ожиданиях, а также уникальной и неповторимой истории.

Коммунистическая партия Китая продолжает оставаться важнейшей и ключевой правящей партией Китая. Помимо этого, Китайская Народная Республика является крупнейшим игроком на международной арене, которая задает мировые тенденции. Особенность политики связана с умением решать проблемы не только внутри страны, но и за ее пределами, умением адаптироваться к быстроизменяющимся мировым условиям.

Стоит отметить, что на фоне изменяющихся мировых тенденций и политических течений, переустройством различных сфер жизни общества в призме многополярности мира, а также преобразованием международных отношений в области партнерских и стратегических связей, Коммунистической партии Китая необходимо выработать не только способность разумно и хладнокровно реагировать на провокации, сохранять общую внутривнутриполитическую и культурную стабильность, но и поддерживать общемировые процессы в естественном и нормальном для них ключе. Именно поэтому важно уделить особое внимание стратегии и планированию, чтобы здраво оценивать дальнейшие шаги и пути развития. Учитывая уникальность культуры и традиций Китая, партийное руководство должно найти собственный путь модернизации в области экологии и экономического равенства среди граждан. Эффективность партии будет определяться в решимости осуществлять новые планы и прибегать к новым решениям от которых будет зависеть будущее как самого Китая, так и всего мира.

Библиографический список

1. Михеев В. В. Китай: внешний фон конституционных изменений // ИМЭМО РАН. – 2018. – URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/china-the-external-background-of-constitutional-changes> (дата обращения: 17.11.2024).
2. Ло Цзе. Отстаивание и укрепление всестороннего руководства КПК // Китай. — 2022. — № 10. — С. 21. – URL: <http://www.kitaichina.com/rzazhi/> (дата обращения: 15.11.2024).
3. Bharatiya Janata Party – URL: <https://www.bjp.org/> (дата обращения: 15.11.2024).
4. Wabiszewski K. Manufacturing by Country: China vs Other Countries // All American Made – 2024. – URL: <https://www.allamericanmade.com/manufacturing-by-country/> (дата обращения: 24.11.24).
5. Россия и Китай // Азиатское иллюстративное обозрение. – 2022. – URL: <https://ruchina.org/keywords/3pred.html#:~:text=Тройное%20представительство%20или%20концепция%20«трёх,самых%20широких%20слоёв%20китайского%20населения> (дата обращения: 16.11.2024).
6. 中国共产党新闻网 – URL: <http://cpc.people.com.cn/> (дата обращения: 16.11.2024).

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I
доктор исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории, философии
и социально-политических дисциплин
С.Л. Гуринов
Россия, г. Воронеж
тел. 891024440434;
e-mail: gurinovsl@mail.ru

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I
doctor of historical sciences, associate professor
professor of the department of history, philosophy and socio-political disciplines
S.L. Gurinov
Russia, Voronezh,
tel. 891024440434;
e-mail: gurinovsl@mail.ru

С.Л. Гуринов

**НЕОБХОДИМОСТЬ ВОЕННО-МОРСКОЙ ПРОПАГАНДЫ НА РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОМ КРАСНОМ ФЛОТЕ
(НА МАТЕРИАЛАХ ПЕЧАТНОГО ОРГАНА ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА КАСПИЙСКОГО ФЛОТА «ВОЕНМОР»)**

В 1921 г. в печатном периодическом издании политического отдела Красного Каспийского флота в газете «Военмор» вышла статья «Военно-морская пропаганда», автором которой являлся И.М. Лудри, совмещавшего одновременно две должности – комиссар и командующий Морскими силами Каспийского моря. В данной статье автор убедительно доказывал пользу военно-морской пропаганды для Рабоче-крестьянского красного флота. И.М. Лудри рассматривал эффективность военно-морской пропаганды на примере дореволюционной России. В тоже время военно-морской деятель рассуждал об успехах пропаганды и рекламы в капиталистических странах. Автором газетной статьи были намечены необходимые мероприятия для организации военно-морской пропаганды на Рабоче-крестьянском красном флоте.

Ключевые слова: военно-морская пропаганда, Рабоче-крестьянский красный флот, Крымская война 1853 – 1856 гг., дореволюционная Россия, русско-турецкая война 1877 – 1878 гг., Красный Каспийский флот, военно-морской деятель, русско-японская война 1904 – 1905 гг., сбор пожертвований, Первая мировая война, газета «Военмор», политический отдел, возрождение флота, Гражданская война, Советская Россия, трудящиеся, мероприятия, Цусима, популярные брошюры.

S.L. Gurinov

**THE NEED FOR NAVAL PROPAGANDA IN THE WORKERS' AND PEASANTS' RED FLEET
(BASED ON THE MATERIALS OF THE PRINTED ORGAN OF THE POLITICAL DEPARTMENT OF THE CASPIAN FLEET «VOENMORE»)**

In 1921, in the printed periodical of the political department of the Red Caspian Fleet in the newspaper «Voenmore», an article «Naval Propaganda» was published, the author of which was I.M. Ludri, who combined two positions at the same time - commissioner and commander of the Naval Forces of the Caspian Sea. In this article, the author convincingly proved the benefits of naval propaganda for the Workers' and Peasants' Red Fleet. I.M. Ludri considered the effectiveness of naval propaganda on the example of pre-revolutionary Russia. At the same time, the naval figure talked about the success of propaganda and advertising in capitalist countries. The author of the newspaper article outlined the necessary measures for the organization of naval propaganda in the Workers' and Peasants' Red Fleet.

Key words: Russian Russian naval propaganda, the Workers' and Peasants' Red Fleet, the Crimean War of 1853-1856, pre-revolutionary Russia, the Russian-Turkish war of 1877-1878, the Red Caspian Fleet, a naval figure, the Russo-Japanese war of 1904-1905, collection of donations, the First World War, the newspaper «Voenmore», political department, navy revival, Civil War, Soviet Russia, workers, events, Tsushima, popular brochures.

Военно-морская пропаганда существовала еще в дореволюционной России. Технологию организации и способы военно-морской пропаганды на русском флоте исследовали в следующих военных конфликтах:

1. Крымская война 1853 – 1856 гг. [6, с. 8 – 25], [7], [10, с. 61 – 77]
2. Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. [4, с. 21 – 27]
3. Русско-японской война 1904 – 1905 гг. [1, с. 25 – 32], [14, с. 41 – 47]
4. Первая мировая война 1914 – 1918 гг. [3], [5, с. 162 – 170], [17, р. 55 – 66]

При этом использовались самые различные приемы, например, восхвалялись подвиги военных моряков [9, с. 30 – 34] или распространялись почтовые карточки с военно-морскими картинками [11, с. 43 – 51]. Активно использовалась военно-морская пропаганда в период нахождения у власти Временного правительства [12, с. 61 – 62] [13, с. 262 – 267] [18, р. 96 – 102] и большевиками в годы Гражданской войны [2] [8, с. 38 – 49] [16, р. 25 – 39] [19, р. 19 – 31] [21, р. 3 – 8].

Незадолго до завершения Гражданской войны комиссар и командующий Морскими силами Каспийского моря, ставший впоследствии флагманом 1-го ранга, И.М. Лудри в печатном периодическом издании политического отдела Красного Каспийского флота в газете «Военмор» издал статью о необходимости военно-морской пропаганды на Рабоче-крестьянском красном флоте. (Рис. 1)

И.М. Лудри

Свою статью И.М. Лудри начал с тезисного изложения рекламных успехов капиталистической пропаганды:

1. В буржуазных государствах широко применяется устная и письменная пропаганда.
2. В пропагандистской работе могут участвовать учителя, чиновники, священники, буржуазные лекторы.
3. Обычно пропаганда происходит при помощи газетных публикаций.
4. Капиталисты не жалеют денежных средств для рекламы и пропаганды своих услуг на рынке [22, с. 2].

В дореволюционной России так же существовала военно-морская пропаганда. Например, плакаты во время русско-японской войны 1904 – 1905 гг. (Рис. 2)

**Плакат
Вася Флотский**

И.М. Лудри подчеркивал, что ключевым моментом в дореволюционной военно-морской пропаганде стало поражение Российского Императорского флота в Цусимском сражении во время русско-японской войны 1904 – 1905 гг. После этого, группа патриотически настроенных морских офицеров, общественных и государственных деятелей начала сбор пожертвований на возрождение русского флота. Причем данная деятельность привела к крупным денежным пожертвованиям и дискуссиям о путях развития военно-морских сил.

В результате российское общество было подготовлено к денежным пожертвованиям, происходившим в период Первой мировой войны. Организовывались целые недели помощи фронту имевшие колоссальный успех у населения [22, с. 2]. Практически все российские подданные отдавали денежные средства

Среди пропагандистских сборов присутствовали следующие виды денежных пожертвований:

1. Военный займ.
2. На табак солдату.
3. Деньги для бойцов находящихся во вражеском плену.
4. Деньги инвалидам войны.
5. Деньги раненым солдатам.
6. Военно-морской займ. (Рис. 3)

**Плакат
Москвичи! Помогите русскому моряку и войну!**

Затем И.М. Лудри обращался к успехам советской политической пропаганды в годы Гражданской войны. Автор газетной статьи отмечал, что большевикам удалось привлечь при помощи политической пропаганды внимание к голодающему Поволжью не только населения советской страны, но и прогрессивной общественности всего мира. Краткий, но емкий призыв Л.Д. Троцкого «Пролетарий, на Коня!», привел к оперативному созданию мощной конницы в период Гражданской войны [22, с. 2]. (Рис. 4)

Плакат На коня, пролетарий!

Наконец, И.М. Лудри вырабатывает ряд рекомендаций для организации советской военно-морской пропаганды:

1. Развивать военно-морскую пропаганду в органах печати.
2. Доказать всем советским трудящимся необходимость Рабоче-крестьянского красного флота.
3. Проводить лекции и другие общественные мероприятия для ознакомления трудящихся с флотской жизнью.
4. Издавать доступные для понимания населения популярные военно-морские брошюры.

Надо отметить, что впоследствии политическая военно-морская пропаганда на Рабоче-крестьянском красном флоте достигла значительных успехов. Здесь можно выделить и удачные сравнения советского флота с буржуазным [22, с. 2], и повседневную пропагандистскую работу на театре боевых действий. (Рис. 5)

Плакат Морские подступы к СССР могут быть защищены только красным флотом!

В результате на завершающем этапе Гражданской войны военно-морские деятели, такие как комиссар и командующий Морскими силами Каспийского моря, впоследствии флагман 1-го ранга, И.М. Лудри задумывались о роли военно-морской пропаганды для дела возрождения советского Рабоче-крестьянского красного флота. Более того, И.М. Лудри после наученного анализа разработал ряд ценных рекомендаций для повседневной военно-морской пропагандистской работы с населением Советской России.

Библиографический список

1. Ливенцев Д.В. Военная пропаганда в период русско-японской войны в 1904 – 1905гг. // Берегиня 777-Сова. – 2012. – № 4. – С. 25 – 32.
2. Ливенцев Д.В. Военная пропаганда на РККФ в период Гражданской войны (1917 – 1921 гг.). – Изд. НАУКА-ЮНИПРЕСС, Воронеж. 2013. – 92 с.
3. Ливенцев Д.В. Военная пропаганда на Российском Императорском флоте в начале XX в. – Изд. НАУКА-ЮНИПРЕСС, Воронеж. 2012. – 80 с.
4. Ливенцев Д.В. Военная пропаганда на Российском Императорском флоте в 1877 – 1878гг. // Берегиня 777-Сова. – 2012. – № 3. – С. 21 – 27.
5. Ливенцев Д.В. Военная пропаганда на русском флоте в 1914 – 1915 гг. // Евразийский форум. – 2012. – № 1. – С. 162 – 170.
6. Ливенцев Д.В. Военная пропаганда на русском флоте во время Крымской войны (1853 – 1856гг.) // Теория и практика инновационных технологий в АПК: Материалы научной и учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов ВГАУ, посвященные 100-летию Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I. – Изд. ФГОУ ВПО Воронежский ГАУ, Воронеж. 2012. – С. 8 – 25.
7. Ливенцев Д.В. Военная пропаганда на русском флоте во второй половине XIX в. – Изд. НАУКА-ЮНИПРЕСС, Воронеж. 2012. – 88 с.
8. Ливенцев Д.В. Военная пропаганда на флоте в октябре 1917 – феврале 1918 гг. // Берегиня 777-Сова. – 2013. – № 1. – С. 38 – 49.
9. Ливенцев Д.В. Воронежский моряк мичман Н.Н. Семенов – герой Первой мировой войны в военной пропаганде // Рубежи истории. – № 4(10). – 2020. – С. 30 – 34.
10. Ливенцев Д.В. Организация военной пропаганды на Российском Императорском флоте во время Крымской войны (1853 – 1856 гг.) // Берегиня-777-Сова. – № 1(36) – 2018. – С. 61 – 77.
11. Ливенцев Д.В. Почтовые карточки во время Первой мировой войны, как средство пропаганды на Российском Императорском флоте // Рубежи истории. – № 1(31). – 2024. – С. 43 – 51.
12. Ливенцев Д.В. Проправительственная пропаганда делегации Черноморского флота в 1917 г. // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 10 (702). – С.61 – 62.
13. Ливенцев Д.В. Противостояние военной и революционной пропаганды на флоте в период буржуазной республики (февраль – октябрь 1917 г.) // Смута как исторический и социокультурный феномен: материалы Всероссийской научной конференции. – Изд. МПГУ, Прометей, Москва. 2013. – С. 262 – 267.
14. Ливенцев Д.В. Технологии организации пропаганды во время русско-японской войны 1904 – 1905 гг. // Формирование профессиональной компетентности специалистов в системе непрерывного образования. – Изд. Научная книга, Воронеж. 2012. – С. 41 – 47.
15. Liventsev D.V. «How Our Fleet is Different from the Bourgeois One» or Distinctive Characteristics of Propaganda in the Workers' and Peasants' Red Fleet in the mid-1920s // Propaganda in the World and Local Conflicts. – 2019. – 6(1). – P. 19 – 24.
16. Liventsev D.V. Military Propaganda in the Red Navy in the Final Period of the Civil War (1920 – March 1921) // East European History. – 2019. – 5(1). – P. 25 – 39.

- 17.Liventsev D.V. Military Propaganda in the Russian Navy in the Period 1914 – 1915 // Propaganda in the World and Local Conflicts. – 2019. – 6(2). – P. 55 – 66.
- 18.Liventsev D.V. The Military and the Revolutionary Propaganda in the Russian Navy in the Period of Activities of the Provisional Government (February – October 1917) // Propaganda in the World and Local Conflicts. – 2017. – 4(2). – P. 96 – 102.
- 19.Liventsev D.V. The Organization of Military Propaganda Red Navy at the beginning of the Civil War (March 1918 – 1919) // East European History. – 2018. – 4(1). – P. 19 – 31.
- 20.Liventsev D.V. War Military Propaganda in the Baltic Fleet during the Soviet-Finnish War of 1939 – 1940 // Propaganda in the World and Local Conflicts. – 2018. – 5(2). – P. 65 – 71.
- 21.Liventsev D.V. War Propaganda on the Revolutionary Navy in October 1917 – February 1918 // Propaganda in the World and Local Conflicts. – 2018. – 5(1). – P. 3 – 8.
- 22.Лудри И. Военно-морская пропаганда // Военмор: орган политотдела Каспвоенфлота. – 21 августа 1921 г.(№ 161). – С. 2.

УДК 93/94

Воронежский государственный технический университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
А.А. Дорош
Россия, г. Воронеж
тел. 89601185552;
e-mail: andrej-dorosh@yandex.ru

Voronezh State Technical University
PhD in history, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History,
A.A. Dorosh
Russia, Voronezh,
tel. 89601185552;
e-mail: andrej-dorosh@yandex.ru

А.А. Дорош

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЗАХОРОНЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОРОНЕЖСКИХ КЛАДБИЩ**

Данная работа кратко рассматривает отдельные особенности захоронения и функционирования воронежских кладбищ до Октябрьской революции 1917 г. При подготовке настоящей статьи была использована редкая и малоизвестная литература, относящаяся к исследуемому периоду.

Ключевые слова: Российская Империя, Лига охраны могил и благоустройства Вознесенского (Чугуновского) кладбища в г. Воронеже, общественные организации, православная церковь, ритуальные услуги, иноверцы, немецкое кладбище, еврейское кладбище.

A.A. Dorosh

**ON SOME FEATURES OF BURIAL AND FUNCTIONING OF PRE-REVOLUTIONARY
VORONEZH CEMETERIES**

This work briefly examines individual features of burial and functioning of Voronezh cemeteries before the October Revolution of 1917. In preparing this article, rare and little-known literature relating to the period under study was used.

Key words: Russian Empire, League for the protection of graves and improvement of the Voznesenskoye (Chugunovskoye) cemetery in Voronezh, public organizations, Orthodox Church, funeral services, non-believers, German cemetery, Jewish cemetery.

На сегодняшней день исследования касающиеся функционирования дореволюционных кладбищ на территории города Воронежа являются актуальными, прежде всего по причине того, что из всех старинных воронежских кладбищ большая часть не сохранилась до нашего времени, т.к. была уничтожена местными органами советской власти (некоторым исключением можно считать частично сохранившееся Терновое и Остроженские кладбища, а также хорошо сохранившееся Еврейское кладбище – Авт.).

Безусловно, воронежские кладбища и существовавший порядок захоронения и организации похоронного дела имели некоторые особенности, которые кратко проанализированы в настоящей статье.

Так, интерес представляет деятельность на территории Чугуновского (Вознесенского) кладбища так называемой «Лиги охраны могил и благоустройства Вознесенского (Чугуновского) кладбища» [1].

Деятельность данной организации осуществлялась на коммерческой основе и была направлена на организацию похорон и дальнейший уход за захоронениями отдельных граждан, родственники или друзья которых обратились за услугами к вышеупомянутому сообществу. При этом, члены «Лиги охраны могил и благоустройства Вознесенского (Чугуновского) кладбища» имели скидки на оказание вышеупомянутых услуг [1, с. 3], что само по себе делало нахождение в данном обществе экономически целесообразным (несмотря на то, что члены общества платили небольшие взносы), и как следствие, привлекательным для многих горожан, чьи друзья и родственники покоились на Воскресенском (Чугуновском) кладбище.

Следует отметить, что «Лига охраны могил и благоустройства Вознесенского «Чугуновского) кладбища», в соответствии с положением устава общества, могла оказывать свои услуги и людям, находящимся за пределами города Воронежа [1, с. 3], но имеющим желание поддерживать могилы друзей и родственников в надлежащем состоянии, что делало данные услуги весьма привлекательными для широко числа потенциальных клиентов, учитывая то, что на Вознесенском (Чугуновском) кладбище обрели свой покой многие тысячи воронежцев, родственники которых не всегда проживали в городе Воронеже и имели возможность лично ухаживать за дорогими для них захоронениями.

К сожалению, на сегодняшний день о деятельности «Лиги охраны могил и благоустройства Вознесенского (Чугуновского) кладбища» известно не много. Но скорее всего данная организация существовала в весьма короткий промежуток времени и исчезла, не оставив яркого следа в истории города Воронежа, т.к. сохранившийся образец устава организации датирован 1917 годом, а с момента Октябрьской революции, произошедшей осенью того же 1917 года и установления советской власти деятельность подобных коммерческих организаций становилась попросту фактически невозможной.

Сам же факт существования на территории города Воронежа «Лиги охраны могил и благоустройства Вознесенского (Чугуновского) кладбища» наглядно свидетельствует о существовании развитого похоронного дела в городе.

Захоронение на воронежских кладбищах осуществлялись дифференцированно, с учетом вероисповедания покойного человека (впрочем, данная традиция была характерна для Российской Империи, и начала активно искореняться советской властью в рамках дехристианизации России в XX в.). Подобный подход привел к появлению обособленных кладбищ для национально-религиозных меньшинств города Воронежа.

Так, общеизвестным является тот факт, что при строительстве флота на реке Воронеж, в одноименный город были приглашены высококвалифицированные специалисты и профессиональные рабочие знающие толк в области кораблестроения и организации деятельности военно-морского флота, являвшиеся выходцами из западноевропейских стран (в широком обиходе именуемые «немцами») традиционно исповадавшие протестантизм или католицизм (следует отметить, что основная масса немецкого населения г. Воронежа была представлена лицами, исповедующими протестантизм). Многие иностранцы: собственно, немцы, датчане, англичане, голландцы – приехали со своими семьями и поселившись обособлено в Воронежской Немецкой слободе, остались в городе Воронеже после того, как активное строительство кораблей было прекращено.

С учетом того факта, что лютеран, католиков и кальвинистов, как и всех иных иноверцев, господствующая церковь запрещала хоронить на православных кладбищах, в частности к такому подходу призывал сподвижник Петра I, святой Митрофаней епископ Воронежский [2, с. 1], в городе Воронеже функционировало отдельное от православных захоронений, немецкое кладбище, находившееся на территории современного Ленинского района города Воронежа на территории тогдашней Ближней Чижовке около, в настоящее время, полностью разрушенного православного храма освященного в честь усекновения главы святого и славного Пророка Иоанна Предтечи. Затем, на месте немецкого кладбища находилось теперь уже несуществующее православное кладбище [2, с. 4-5].

По мнению озвученному А. О. Коссецким в своем труде «Древнее немецкое кладбище и Немецкая слобода в Воронеже» [2], на вышеуказанном древнем немецком кладбище, инославные христиане продолжали совершать захоронения приблизительно до 1819 года, до того момента, когда была построена на улице Большая Садовая (в настоящее время, данная улица является частью улицы Карла Маркса) новая лютеранская кирха, после чего лютеране и другие иноверцы стали погребать своих умерших на находившемся рядом Воскресенском (Чугуновском) кладбище [2, с. 6-7].

В 1866-1868 годах, место захоронения тел лютеран и католиков было специально обустроено как особая часть Воскресенского (Чугуновского) кладбища для погребения инославных. Данное лютеранское или немецкое кладбище было оснащено отдельным входом со стороны улицы Пограничной. Известно, что данное немецкое кладбище считалось лучшей частью Воскресенского (Чугуновского) кладбища по планировке и озеленению [3, с. 99].

Рис. 1

Немецкая (Лютеранская) часть Чугуновского кладбища г. Воронежа.
(фото взято из открытых источников)

По мнению известного воронежского ученого А.Н. Акиньюшина немецкая часть Воскресенского (Чугуновского) некрополя насчитывала около 2 500 могил [3, с. 99].

В середине XIX века в городе Воронеже появляется новая религиозно-этническая группа населения в лице евреев, традиционно исповедующих иудаизм. Умерших иудеев хоронили на отдельном кладбище, обустроенном воронежской еврейской общиной, находившемся за чертой города, где в те годы произрастал лес, от которого до наших дней осталось несколько вековых дубов.

Отметим, что еврейское кладбище по факту единственное сохранившееся дореволюционное кладбище города Воронежа, т.к. остальные некрополи были разрушены большевиками.

В настоящее время еврейское кладбище занимает площадь более трех гектаров и насчитывает свыше 3200 могил. Немаловажно, что до наших дней на еврейском кладбище сохранилось 115 надгробий, установленных до революционного 1917 года [4].

Рис. 2

Старинные надгробия, сохранившиеся на еврейском кладбище г. Воронежа.
(фото взято из открытых источников)

Таким образом, на основании вышеизложенного следует сделать следующие выводы:

1. В начале XIX века в городе Воронеже действовали организации, предоставлявшие, на коммерческой основе широкий спектр ритуальных услуг.
2. В городе Воронеже были представлены православные, немецкое и еврейское кладбища.
3. До наших дней из всех многочисленных некрополей города Воронежа, действовавших до Октябрьской революции, фактически сохранилось лишь еврейское кладбище.

Библиографический список

1. Устав Лиги охраны могил и благоустройства Вознесенского (Чугуновского) кладбища в г. Воронеже. Воронеж: Типо-Литогр. «Издательск. Т-ва», 1917. – 10 с.
2. Древнее немецкое кладбище и Немецкая слобода в Воронеже / [Соч.] А.О. Коссецкого. – Воронеж : типо-лит. т-ва "Н. Кравцов и К°", 1912. – 7 с.
3. Акиньшин, А. Н. Храмы Воронежа. 2. изд., испр. и доп. / А.Н. Акиньшин. – Воронеж: Кварта, 2003. – 239 с.
4. Воронежское еврейское кладбище [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://memory.evrei-vrn.ru/>

УДК 94

*Российско-Армянский (Славянский) университет
кандидат исторических наук, доцент Института
востоковедения*

А.Г. Евстратов

Армения, г. Ереван

Тел. +37498341050

e-mail: anton_nastoyashiy@mail.ru

*Российско-Армянский (славянский) университет
Магистрант Института востоковедения
(направление Индология)*

К.С. Григорян

Армения, г. Ереван

Тел: +37498528838

e-mail: qristgr@gmail.com

*Russian-Armenian (Slavonic) University
PhD in history, Associate Professor of the Institute of
Oriental Studies*

A.G. Evstratov

Armenia, Yerevan

Tel. +37498341050

e-mail: anton_nastoyashiy@mail.ru

*Russian-Armenian (Slavonic) University
Master's student of the Institute of Oriental Studies
(Indology direction)*

K.S. Grigoryan

Armenia, Yerevan

Tel.: +37498528838

e-mail: qristgr@gmail.com

А.Г. Евстратов, К.С. Григорян

БОРЬБА ПУШТУНОВ ЗА КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВЛЕНИЕ И ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА В ПАКИСТАНЕ

В данном исследовании рассматривается вопрос борьбы пакистанских пуштунов за конституционное управление и гражданские права методом ретроспективного анализа исторического прошлого народа и специфики развития пуштунского общества, в частности, заложенных в пуштунском племенном кодексе элементов демократии.

Ключевые слова: пуштуны, Пакистан, Пуштунвали, политика, конституция

A.G. Evstratov., K.S. Grigoryan

THE STRUGGLE OF PASHTOONS FOR CONSTITUTIONAL GOVERNANCE AND CIVIL RIGHTS IN PAKISTAN

This study examines the issue of the struggle of Pakistani Pashtuns for constitutional governance and civil rights using a retrospective analysis of the historical past of the people and the specifics of the development of Pashtun society - in particular, the elements of democracy embedded in the Pashtun tribal code.

Key words: Pashtuns, Pakistan, Pashtunwali, politics, constitution

Пуштуны – многочисленный свободолюбивый народ, известный особой национальной гордостью. Отличительной чертой пуштунского менталитета является необычайная воинственность [3,с.3]. Исследуя традиции пуштунов, нельзя не обратить внимания на ряд факторов, наиболее ярко характеризующих их менталитет.

Помимо серьезной политической вовлеченности представителей данного этноса, следует отметить крайне сложную экономическую ситуацию в районах проживания пуштунов, как в Пакистане, так и в соседнем Афганистане, непростое положение с правами человека, а также кризис идентичности, проблемы образования и общественного развития.

Пуштуны издавна жили в рамках собственного кодекса Пахтунвали или Пуштунвали, который утверждает, что все имеют равные права и привилегии, и никто не превосходит другого.

Будучи в значительной степени индивидуалистами, пуштуны, тем не менее, чтут свой кодекс, законы которого регулируются через джиргу – совет старейшин, избираемых всенародно. Каждый член джирги свободен и независим и не представляет интересы какой-либо группы, партии и т.д. По идее, подобная независимость предполагает, что члены джирги не могут быть коррумпированы [4].

Права и привилегии каждого члена пуштунского общества защищены джиргой. Самой значительной из них является право каждого пуштуна на свою честь. Ни один член сообщества не может нарушить какой-либо закон, установленный джиргой. Веками воспитываясь в системе джирги, каждый пуштун с большим уважением относится к её законам. Он знает, что должен заботиться о правах других так же, как и о своих [3, с. 6-8].

Корни современного пуштунского национализма уходят в XIX столетия и прочно связаны с именем Бача Хан Бабы (Хан Абдул Гаффар Хан Баба), который возглавил борьбу пуштунов против британского колониального владычества.

В 1849 году британцы разделили входящую в состав их колониальных владений территорию расселения пуштунских племен. Первоначально ее северо-запад был включен в состав провинции Пенджаб, но затем, в результате новых британских административных изменений вице-король Индии лорд Керзон в 1901 году отделил от Пенджаба земли пуштунов и дал им название Северо-западная пограничная провинция (СЗПП) [5, с. 100]. Эта территория имела в те годы громадную важность, являясь фронтиром Великобритании в ее противостоянии Российской империи в рамках «Большой игры» [1].

В 2010 году, стараниями Национальной партии Авами (НПА), уже в независимом Пакистане, данная провинция была переименована в Хайбер-Пахтунхва «Земля пуштунов». Вместе с тем, до британского завоевания Индии пуштунские земли не входили в состав последней и тяготели скорее к Афганистану.

Для обеспечения ее надлежащей защиты, Северо-западная пограничная провинция была исключена из числа территорий «благосклонности британской политики в Индии» и управлялась напрямую через чиновников, часто в нарушение каких-либо законов, без соблюдения прав населения.

Под предлогом российской угрозы Афганистан был сохранён в качестве буферного государства, за ним следовали племенные территории, за которыми - в качестве третьей линии защиты – управляемые британцами районы, одним из которых стала СЗПП. Однако ей было отказано в реформах Монтегю и Челмсфорда 1919 года, расширивших степень участия индийцев в управлении Британской Индией. Даже с началом действия «Комиссии Саймона, созданной британскими властями в 1927 году для выработки рекомендаций по устройству Британской Индии, эти рекомендации не касались Северо-Западной провинции. Сам глава комиссии Джон Саймон отмечал на этот счет: «Эта провинция подобна пороку, любое введение реформ будет действовать как спичка» [2, с.30]. Жители СЗПП и племенных территорий никогда не мирились с британской агрессией и сообща боролись за свободу и независимость.

В районе Пахтуна (пуштунских земель) не было ни одной долины, где британская армия не пролила бы кровь местных жителей. В населенных районах СЗПП движение сопротивления велось ненасильственным путем, но протестующих пытали и бросали в тюрьмы. В 1930 году под стражей содержалось до пятнадцати тысяч политических заключенных. Пуштуны проводили мирные демонстрации за гражданские права, но британские войска отвечали на это стрельбой [5, с. 102-103].

Резню на базаре Кисса Хавани в городе Пешавар 23 апреля 1930 г. кровавые события в Марданском районе, в селе Туккер, в Кохате, Хати Хель, Банну, Утманзае, Чарсадде, Базар-э-Калане и во многих других местах пуштуны до сих пор вспоминают каждый год. То же касается и других жестоко подавленных мирных демонстраций: в Хазаре, в Харипуре,

есть специальное кладбище тех, кто погиб в тюрьмах. К 1931 году 5000 членов националистического объединения «Кхудаи Кхидматгаран» (слуги божьи) и 2000 членов Партии Конгресса были арестованы [6].

В 1932 году движение «краснорубашечников» (добровольческие отряды, созданные осенью 1929 в Северо-Западной пограничной провинции Британской Индии руководством пуштунской национально-освободительной организации, и командованием Бача Хана), изменило традиционную тактику национально-освободительной борьбы и стало привлекать женщин к участию в движении [8]. Это смущало многих чиновников в консервативной Индии, в обществе же ещё более консервативных пуштунов нападать на женщин и вовсе считалось совершенно недопустимым [8].

В марте 1932 года британцы обстреляли деревню в Долине Бажадур и арестовали Бача Хана, и вместе с ним более 4000 «краснорубашечников». Британские острелы и бомбардировки в пограничной области продолжались до 1936—1937 гг. Кроме того, британские солдаты и офицеры в борьбе против пуштунского национального движения использовали целый ряд методов, подпадающих под определение военного преступления – от отравления местного населения до кастрации отдельных активистов [5, с. 104].

Последовательная борьба пуштунов все же привела к автономии провинции. Ее ассамблея начала свою работу ещё до ухода британцев в 1947 году. Таким образом, период с 1901 по 1935 гг. был отмечен активной борьбой местного населения за конституционное управление. Пуштуны были в авангарде освободительного движения британской Индии в целом, но после создания Пакистана британские законы всё еще оставались в силе в течение нескольких десятилетий, что серьезно ухудшало положение представителей данного этноса.

Целый ряд управленческих проблем, оставшихся как следствие британского правления, последовательно порождает все новые политические и культурные кризисы на территории СЗПП. Результатом принятых еще в британское правление законов являются и проявления экстремизма. Неприятие этих законов населением было очевидно еще в при их введении в 1848 году. Результатом стали непрерывные боевые действия пуштунов с британскими войсками, а затем и с пакистанской армией. У британского правительства было только одно решение этой проблемы: подкуп мулл и предоставление им более высокого статуса, чем у членов джирги и маликов (традиционных лидеров пуштунского общества). Появились малики, выбранные правительством в качестве его лоббистов, которые не были заинтересованы в решении проблем общества. Серьезной проблемой было и то, что в пуштунонаселенных районах люди были вынуждены подчиняться законам того или иного штата, хотя они резко контрастировали с законами Пахтунвали. Люди предпочли бы, чтобы их проблемы решались посредством джирги, но полиция вмешивалась в любой вопрос без необходимости, что вынуждало правонарушителя, а также пострадавших скрываться и искать убежище, оказываясь вне закона и становясь, таким образом, мафрурами (скрывающимися).

Ситуация усугублялась кризисом в образовании. Именно на этом фоне появилась фигура упомянутого Бача Хана, инициировавшего движение за социальное благополучие народа и, кроме того, основавшего организацию, нацеленную на улучшение положения афганцев «Анджуман-и-Ислахул Афгана». Он сыграл значительную роль в освободительном движении Индии и Пакистана.

Как было упомянуто выше, британцы относились к СЗПП иначе, чем к остальной части Индии. Конституционные льготы предоставлялись другим провинциям, тогда как пуштуны оставались лишенными этих льгот из-за постоянного чрезвычайного положения. Им не разрешалось принимать участие в индийской политике. Бача Хан консолидировал пуштунов вокруг организации, впоследствии ставшей «Суракн Пош Тахрик» (Движением красных рубашек), которое в конечном итоге слилось с Индийским национальным конгрессом и осуществляло свою деятельность с платформы Конгресса.

В 1947 году, с основанием Пакистана, Бача Хан и его партия продемонстрировали свою лояльность новому государству, но позиция правящей Мусульманской лиги вскоре вынудила пуштунских националистов отказаться от этой позиции. Первый антиконституционный шаг был предпринят генерал-губернатором молодой страны, когда он распустил правительство Хана Сахиба (брат Бача Хана, доктор Хан Сахиб, привёл партию к победе и стал главой правительства), имевшего к тому же большинство депутатских мест в провинциальной ассамблее СЗПП. Доктор Хан Сахиб пользовался поддержкой тридцати трех членов палаты из пятидесяти, но был уволен в нарушение конституции, а его сменщику, хану Абдул Кэйюму, тогдашний глава Пакистана Мухаммед Али Джинна дал полную свободу действий и предложил сформировать новое правительство при поддержке всего семнадцати членов [6, с. 188-190].

С возникновением Пакистана большинство пуштунов надеялись на верховенство закона и конституционное правление, ожидая от государства шагов по демократизации. Оппозиционные пуштуны сотрудничали с правительством. Убежденный противник раздела Индии и лидер движения «Кхудай Кхидматгар» Бача Хан выступил с речью в Учредительном собрании Пакистана после принесения присяги на верность в качестве его члена в марте 1948 года и высказал надежду, что с появлением нового государства старые споры закончатся. Однако лидеры правящей Мусульманской лиги спровоцировали недопонимание между Мухаммедом-Али Джинной и Бача-Ханом посредством интриг, вовлекая в них лидеров Мусульманской лиги СЗПП. Кампания проводилась контролируемые государством средствами массовой информации и и продолжалась до недавнего времени.

Бача Хан и его партия продолжили борьбу за демократию и конституционное управление в провинции, но Джинна авторитарно заблокировал любые пути к этому. Мирные демонстрации краснорубашечников, как и при британцах, были расстреляны, сотни невинных людей были убиты полицией. Лидеры были арестованы и посажены за решетку. Всё их движимое и недвижимое имущество было конфисковано.

Бача хан сформировал политическую партию, в рамках которой «Кхудай Кхидматгары» (краснорубашечники) продолжали борьбу за демократию и гражданские права, но не имели права бороться за свои конституционные и демократические привилегии. Из-за прежней связи с противостоявшим правящей в Пакистане «Мусульманской лиге» с Индийским национальным конгрессом их называли предателями, и им было отказано в участии в пакистанской политике. Такое поведение правящей Мусульманской лиги вынуждало пуштунских националистов либо уйти из политики, либо отправиться в изгнание в соседний Афганистан. В конце концов в Афганистан эмигрировал и сам Бача Хан.

Он вернулся в Пакистан только в конце 60-х гг., когда Зульфикар Али Бхутто стал премьер-министром Пакистана. Бача Хан предложил новому премьер-министру свою поддержку, но она была отклонена.

Борьба за демократию и гражданские права пуштунов в частности и народа Пакистана в целом теперь легла на плечи преемников Бача хана. Его сын Вали Хан стал политическим наследником своего отца, который вместе с прогрессивными пакистанскими политическими деятелями и альянсом других партий сформировал Национальную партию Авами (АНП). Новая партия АНП работала над восстановлением демократии и боролась против Объединенной единой силы, вследствие чего была запрещена, при этом только лидеры пахтунов были брошены в тюрьмы и названы предателями.

Такое отношение правительства к пуштунам сплотило их под националистическим движением под руководством Мавлана Башама (1880- 1976) из тогдашнего Восточного Пакистана. В 1981 году было создано Движение за восстановление демократии (ДРД), которое представляло собой общенациональное политическое движение, которое возглавляли в основном пуштуны.

В череде последующих политических перемен в Пакистане следует выделить период временного правительства Гулама Исхак Хана, который был пуштуном по национальности.

Он провел всеобщие выборы в соответствии с конституционными обязательствами, чем несколько улучшил положение соплеменников Северо-западной пограничной провинции.

В 1988 г. премьер-министром Пакистана стала Беназир Бхутто, получившая большинство мест в национальной ассамблее. Ее поддержали пуштуны, последовавшие за ней правительство ее оппонента Наваза Шарифа. Оба правительства были отправлены в отставку президентом из-за коррупции и злоупотреблений во власти, и в стране снова было введено военное положение. В октябре 1999 года генерал Мушарраф стал главой исполнительной власти страны. В качестве президента он был избран через правящую партию - Мусульманскую лигу.

Став президентом, генерал Мушарраф установил в стране авторитарный режим. Когда некоторые из его недемократических и незаконных действий были оспорены и аннулированы решением главного судьи г-на Ифтихара Чаудхари, из-за чего в стране разразился судебный кризис. Президент своим указом сместил главного судью. Эти действия вызвали мощную волну недовольства среди юридического сообщества страны. Стоит отметить, что большинство судебных юристов тогдашнего Пакистана являлись бывшими студенческими активистами, выступавшими против диктаторского правления. Многие из них по национальности являлись пуштунами.

Среди студенческих лидеров-пуштунов стоит упомянуть бывших президентов Хайберского союза, поскольку они возглавляли студенческое сообщество в демонстрациях против диктатуры. Одним из таких бывших президентов Хайберского союза исламского колледжа Университета Пешавара был доктор Ашраф Адил, который всегда серьезно и пристально обращал внимание на недемократические нормы, где бы то ни было. Будучи преподавателем Пешаварского университета, доктор Адил сыграл большую роль в движениях сопротивления такого рода. Используя платформу Ассоциации преподавателей Пешаварского университета (PUTA) д-р Ашраф Адиль вел активную политическую борьбу.

Еще одним примером студенческого лидера из пуштунов можно назвать Афрасиаба Хаттака, который сейчас он возглавляет Пуштунскую националистическую партию в Пакистане.

В целом политическая сознательность среди пуштунов выше, чем в остальных провинциях Пакистана. Это может быть связано с долгой историей их борьбы за независимость и их связью с политическими силами, которые боролись за автономию провинций.

Более того, пуштуны сыграли ключевую роль в политике Пакистана. Во всех движениях за демократию в Пакистане пуштуны оставались в авангарде этой борьбы. СЗПП – третья по величине провинция страны, но ее жители обладают бдительным политическим чутьем и интеллектом, и именно поэтому на протяжении всей истории пакистанской политики часто только пуштуны оставались в оппозиции авторитарным режимам, потому что они воспринимали идеологическую повестку, в то время как остальные партии играли в политическом поле ради власти и сиюминутных интересов. Этот процесс все еще продолжается, и всякий раз, когда в Пакистане происходит какое-то нарушение демократического процесса, первыми восстают именно пуштуны, которые не идут на компромисс в вопросах конституционного управления и верховенства закона.

Именно на этих основах зародилось Движение юристов, которое стало первым ударом, который потряс режим президента Мушаррафа. Оно началось 9 марта 2007 года и достигло своего апогея год спустя. Сила этого движения ощущалась во всем мире. Когда упомянутый выше главный судья Верховного суда Пакистана Ифтикар Мухаммад Чаудхари был отстранен от должности по поручению президента, весь пакистанский народ поддержал связанных с ним судебных юристов и выступил против президента Мушаррафа.

На передовой данного движения оказались именно юристы-пуштуны, родом из СЗПП. Они собрали вокруг себя сотни адвокатов и тысячи людей, чтобы выразить свой

протест. Они бойкотировали судебные разбирательства и проводили демонстрации протеста до тех пор, пока главный судья Ифтихар Чаудхари не был восстановлен на своей должности.

3 ноября 2007 года, когда главный судья был снова отстранен от должности, а действие конституции приостановлено. В ответ на это юристы Хайбер-Пахтунхвы, как стала называться Северо-западная пограничная провинция, вышли на улицы при поддержке политических партий. Нация, не сформировавшая до конца гражданского общества и не доверявшая руководству политиков, объединилась под энергичным руководством юристов Хайбер-Пахтунхвы.

Все более расширявшиеся народные волнения вынудили Мушаррафа не только снять военную форму, но и пойти на компромиссную сделку со своими политическими оппонентами. Более того, президенту не оставалось иного пути, как провести в стране свободные выборы. В итоге, граждане страны отдали свои голоса в поддержку независимой судебной власти в стране и категорически отвергли политические силы, поддерживавшие Мушаррафа.

Таким образом, несмотря на политическую нестабильность и криминогенность Северо-Западной пограничной провинции Пакистана с одной стороны и относительную малочисленность в общих реалиях страны ее пуштунского населения, роль пуштунов в политике данного государства являлась огромной. По сути, именно пуштунское национальное меньшинство явилось авангардом борьбы за гражданские права и конституционное правление в этой стране – как в колониальный период, так и после обретения независимости. Представляется, что культурные, социально-политические и этнопсихологические проблемы пуштунов Пакистана и Афганистана дают ключ к пониманию целого ряда общенациональных и шире – региональных процессов на пространствах Южной Азии и Индийского субконтинента, и нуждаются в глубоком исследовании, которого русскоязычному научному сообществу на данный момент не хватает.

Библиографический список

1. Джордж Натаниэл Керзон // Всемирная История, 2000. URL: https://hrono.ru/biograf/bio_k/kerzon.php. (Дата обращения: 6.08.2024).
2. Белоусова Л. А. Мусульманская лига и конгрессистские министерства в британской Индии в 1937-1939 гг. // Гуманитарные и юридические исследования (3), 2016. С. 29-33.
3. Оришев А.Б. Пуштунвали» - история жизни и философия пуштунов // Вестник экспериментального образования, 2015. С.1-4.
4. Бузынина Н. Пуштуны – «народ чести». URL: <https://afghanistan.ru/doc/13498.html>. (Дата обращения: 7.07.2024).
5. Shah Khattak R.V. An Introduction to Pakhtun Culture: a collection of essays. Peshavar, 2010. 144 p.
6. Khan A. G. (1969). My life and struggle: Autobiography of Badshah Khan (as narrated to K.B. Narang). Translated by Helen Bouman. New Delhi: Hind Pocket Books, 1969. 248 p.
7. Khan A. G. A True Servant of Humanity by Girdhari Lal Puri. New Dehli, 1985. 226 p.
8. Red Shirt movement // Britanica. URL: <https://www.britannica.com/event/Red-Shirt-Movement> (Дата обращения: 7.07.2024).

УДК 93

Воронежский государственный технический университет

*доктор исторических наук, профессор
кафедра философии, социологии, истории*

Б.А. Ершов

e – mail: bogdan.ershov@yandex.ru

Воронежский государственный технический университет

студент

Е. Б. Штейн

Россия, г. Воронеж,

тел. +7 (908) 133-97-08

e – mail: shteyn.lena@mail.ru

Voronezh State Technical University

*Doctor of Historical Sciences, Professor
Department of Philosophy, Sociology, History*

B. A. Ershov

e – mail: bogdan.ershov@yandex.ru

Voronezh State Technical University

student

E. B. Stein

Voronezh, Russia,

tel. + 7 (908) 133-97-08

e – mail: shteyn.lena@mail.ru

Б.А. Ершов, Е.Б. Штейн

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

В статье рассматриваются особенности мировоззрения Императора Николая II и его мученический подвиг во имя будущего России. Почему Государь не сопротивлялся государственным изменникам и был обречён исполнить Царский долг, подчинившись воле Божией. Император Николай II и его семья с кротостью и смирением прошли тернистый путь и были причислены к лику святых страстотерпцев.

Ключевые слова: государство, особенности мировоззрения, измена, мученический подвиг, царский долг, страстотерпцы.

B. A. Ershov, E.B. Shtein

CROWN OF THORNS OF EMPEROR NICHOLAS II

The article examines the peculiarities of the worldview of Emperor Nicholas II and his martyrdom in the name of the future of Russia. Why the Sovereign did not resist the state traitors and was doomed to fulfill the Tsar's duty, submitting to the will of God. Emperor Nicholas II and his family with meekness and humility went through a thorny path and were canonized as holy martyrs.

Key words: state, peculiarities of worldview, treason, martyrdom, Tsar's duty, martyrs.

20 октября 1894 года в Ливадии от тяжёлой болезни скончался Император Александр III. Русский народ был потрясён, потому что скоропостижная смерть Царя, чьё здоровье было крепким, вызвало бурю эмоций, глубокую скорбь и печаль. Совершенно неожиданно 26-летний Цесаревич Николай Александрович получил самодержавную власть над Россией. В одночасье на плечи молодого наследника престола легла ответственность за судьбу народа и Российское государство. Николай II пребывал в растерянности, потому что не знал, как управлять большой страной. Он делился мыслями с братом Великим князем Александром Михайловичем о том, что ещё недостаточно готов стать Царём, чтобы руководить огромным государством и об этом сильно переживал.

Николай Александрович не мог собраться с мыслями, понимая какую ответственность должен возложить на себя, за русский народ и государство.

Он боялся встать во главе управления огромной Империей, потому что сомневался в достаточной подготовленности, чтобы стать Царём. Даже испытывал страх и боялся разговаривать с министрами.

Однако, 20 октября 1894 года Николай Александрович II, преодолев страхи и сомнения, подписал Высочайший манифест о вступлении на Всероссийский престол. По этому случаю были вручены награды. Таинственный, маленький значок- одна из многочисленных почётных наград была передана Царю американской религиозной организацией под названием «Орден Тернового венца» (логотипом этой организации был крест, увитый терниями). Эта награда как будто предвещала многострадальный, тернистый путь Царствования Императора Николая II.

Николай Александрович родился 6 мая 1868 года в день памяти РПЦ Иова Многострадального. Но мальчика назвали в честь святого Николая Мирликийского и в память умершего старшего сына Императора Александра II Великого Князя Николая Александровича. Как известно, в народе существует поверье, что от рождения человека до перехода в Царствие Небесное, Господь определяет судьбу его (например, преподобный Сергей Радонежский чудотворец ещё в утробе матери, когда та пришла в церковь помолиться, три раза закричал громким голосом. Это заставило обратить особенное внимание прихожан на женщину. А в дальнейшем Господь благословляет мальчика Варфоломея будущего святого Сергея Радонежского на служение князьям и русскому народу). Через пару недель в храме Екатерининского дворца Царского Села над Великим Князем Николаем Александровичем было совершено таинство святого Крещения.

Николай рос здоровым и крепким ребёнком. Он любил гулять пешком, кататься на коньках зимой, летом- хорошо плавал и занимался греблей, атлетической гимнастикой и никогда не уставал, был отличным конным наездником, прекрасно фехтовал и обладал феноменальной памятью.

С раннего возраста Николай Александрович почитал отца и мать, испытывал к ним нежные чувства любви и уважения. Мама, Императрица Мария Фёдоровна была строгой, чем папа Александр III и всё же отношения их были особенными. Она всегда наставляла сына быть вежливым, тактичным, дружелюбным, писала, чтобы всегда помнил, когда Николай служил в Преображенском полку, - что все глаза обращены на тебя, чтобы сохранял хорошие отношения с товарищами, но не слушал сплетников.

Человеческое мировоззрение формируется с детства и закладывается с первых дней жизни. Поэтому родители Николая II воспитывали своих сыновей в целомудрии, благопристойности, прививая любовь к труду. Мария Фёдоровна разрешала немного пошалить и поиграться. Но при этом она учила детей отвечать за свои поступки, объясняла им правила поведения в обществе и наставляла хорошо учиться и искренне молиться Богу. Рацион питания тоже был простым. Дети кушали чай с бутербродом, это был простой хлеб с маслом и иногда английское печенье. А на обед были обычные котлеты с картофелем и зелёным горошком или ростбиф, очень редко дети лакомились пирожными. Чтобы купить подарки друзьям, наследникам выдавали деньги из казны, т.к. родители не хотели избаловать карманными деньгами детей.

Образование Цесаревич получил наилучшее, специально для него было составлено расписание уроков с небольшими переменами для прогулок на свежем воздухе. Воспитателем был назначен военный педагог, в дальнейшем друг, генерал Г.Г. Данилович. Не официально генерал писал Николаю II просто, без всяких титулов обращался к Великому Князю. По просьбе родителей генерал разработал пятилетнюю программу воспитания по курсу высших наук. Император Николай II в совершенстве разговаривал на французском, английском, немецком языках, но особенное внимание уделял родному русскому языку. Он не терпел в родном языке иностранных заимствованных слов и всегда их подчёркивал в докладе, чтобы заменить русскими выражениями и словосочетаниями. В мировой литературе высоко ценил А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, Достоевского Ф.М. и Н.В. Гоголя.

В военном деле Император имел дисциплинированную выдержку. Он посещал воинские части и хорошо знал морское дело. У Николая II были свои *«потешные солдаты»*, с которыми он отрабатывал тактические приёмы. Простые условия жизни воспитали в нём доброе сердце, без избалованности и высокомерия.

Мировоззрение Царя отличалось от политических взглядов элиты того времени. Император никогда не лгал и не терпел лицемерно-фальшивых людей, потому что был очень верующим человеком, соответственно принимал решения полагаясь на свою совесть, а не на честолюбие, опираясь на догматы православной веры. Самое трепетное отношение Царь имел к Священному Писанию. С детства любил стоять на службе, внимательно следил за ходом литургии, зажигал лампадки, свечи, подходил к кресту со смирением и свято почитал церковные таинства, праздники.

Вот однажды, в детстве у Николая II произошёл странный случай. В Александрии во время церковной службы началась сильная гроза. Огненный шар молнии влетел в окно, облетев паникадило, вылетел через дверь в парк. В это мгновение Николай замер от страха, затаив дыхание *«сердце чуть в пятки не ушло»*. А его дед, Император Александр II, без тревоги, спокойно перекрестился, потом улыбнулся любимому внуку. Николай, почувствовал, что страх стал уходить и понял, нужно довериться Богу, уповать на Его милость в любой ситуации. С тех пор он перестал бояться грозы и с молитвами покорялся Святой Воле Божией!

Глубокая вера в Христа Спасителя Императора Николая II проявлялась в служении отечеству и народу. Следуя за Спасителем, Государь испил свою кровавую чашу. С первого и до последнего дня он был обречён принести искупительную жертву за Россию, чтобы спасти души русского народа. Он должен был исполнить мученический подвиг и свой Царский долг во имя будущего России. Об этом есть предания, о грядущем Царствовании Николая II и его мученической кончине.

По одной из легенд рассказал монах Авель (крестьянин Василий Васильев) из Николо-Бабаевского монастыря Императору Павлу I. В будущем будет править Святой Царь, подобно Иову многострадальному, сменит он корону на терновый венец и будет предан народом своим на смерть. 12 марта 1801 года Император Павел I повелел записать это предсказание на бумаге и сохранить его в Гатчинском дворце в золотом ларце. А после его смерти через 100 лет вскрыть правящему царю. 12 марта 1901 года Император Николай II и его дорогая супруга, Императрица Александра Федоровна вскрыли и прочли послание. После этого Государь стал предчувствовать 1918 год, как последний для всей правящей Династии Романовых.

Эта легенда, описывается в книге писателя Сергея Александровича Нилуса *«На берегу Божьей реки»*. Но документальных подтверждений этого предсказания не было найдено. Посещал ли Гатчинский дворец 12 марта 1901 года Николай II или нет остаётся загадкой. Опираясь на официальные данные, записанные в камер-фурьерском журнале от 11 и 12 марта 1901 года видно следующее.

С 11 по 12 марта Государь вместе с семьей отдыхал в Александровском дворце Царского села. В эти дни к нему с визитом и докладами приезжали министры и он постоянно находился в окружении своей свиты. Расписание в эти два дня было плотным. С утра служили Божественную литургию в походной церкви, потом завтраки, затем выезды на прогулки по саду и окрестностям.

В дневнике Императора Николая II имеется подтверждающая, выше описанные события, запись (документ хранится в Государственном архиве РФ).

Можно заметить следующее, что 11 и 12 марта 1901 года Николай Александрович не посещал Гатчинский дворец. При дворе на службе у Императрицы Александры Феодоровны состояла оберкамерфрау Мария Федоровна Герингер. Эта особа была посвящена в интимные тайны Императорской четы. Возможно её мемуары породили дальнейшие основания для сказаний об этой легенде. О чём так же красочно описывает в своей книге *«Вещий инок»*

писатель П.Н. Шабельский-Борк. По его рассуждениям, император Павел I распорядился доставить монаха Авеля в Гатчинский дворец, а после беседы с ним Павел Петрович велел записать всё на листе бумаги, поставить личную печать и сохранить данное предсказание в золотом ларце до наступления времени правления праправнука Николая II. Он считал важным предупредить своего будущего потомка о крестных страданиях, которые суждено претерпеть во имя будущего России и спасти народ. А Авелю наказал молить Бога за весь Царский род и процветание Российской Державы. На конверте Павел Петрович собственноручно написал послание, чтобы вскрыл правящий потомок в столетний день его кончины.

Через сто лет 11 марта 1901 года в Петропавловском соборе архиереи отслужили заупокойную литургию по случаю мученической кончины прапрадеда Императора Павла Петровича. На литургии присутствовал сам Государь Николай Александрович со своей свитой. После службы он отправился в Гатчинский дворец. Там ему доложили о вешем письме, которое долго хранится в золотом ларце. Николай II прочитал предсказание монаха о судьбе своей и будущем России. Понимая, что ему Богом предрешено принять терновую судьбу, вынести грядущие кровавые войны, смуту и потрясения в стране, его сердце стало предчувствовать последние годы. Он понимал, что разделит кровавую судьбу России, когда будет обманут, предан заговорщиками и оставлен всем народом. Недаром он родился в день Иова Многострадального.

А вот ещё одно откровение, жившего в то время преподобного Серафима Саровского (1757 г.- 1833 г.), почитаемого старца народом. Он предсказал, что в Сарове и Дивееве будет проходить большое торжество, которое посетит сам Царь и прославит его. А народ от радости «запоёт Пасху» посреди лета. Что было ещё написано в письме никому неизвестно. Далее по предсказанию святого старца, известно, что после этого события наступят времена лихие, начнётся в России смута, много крови прольётся и рассеются русские люди по миру. Только спустя какое-то время, Россия вновь возрадуется великому торжеству Православия во всём мире. Это откровение преподобный старец написал в письме и велел передать «Четвёртому Государю, который приедет в город Саров». Так и произошло, в 1903 году в Саров приезжает Государь Николай II для открытия святых мощей преподобного Серафима Саровского и прославление его в лике святых угодников Божиих. В руки Николаю II было передано это письмо. После прочтения, Государь стал пребывать в сильном волнении и печали.

В следующем предании говорится о мученической кончине Государя так. Это были видения праведного Иоанна Кронштадтского. Ему было открыто в ночном видение в 1901 году, что возле Царского дворца бегают псы, звери грызут зубами и скорпионы лезут. На троне сидит Царь, весь бледный, читает Иисусову молитву. И вдруг он упал замертво, корона слетела. Звери и скорпионы стали топтать Помазанника Божия. Николай II предстал в белой одежде весь окровавленный, с венцом из зелёных листьев на голове, а на груди висел золотой крест. Царь стал просить молитв у Иоанна Кронштадтского за его душу и обязательно рассказать православным христианам, что он умер за веру Христову и Православную Церковь.

По поводу сновидений объясняет хранитель и директор музея-квартиры Всероссийского Батюшки протоиерей Геннадий Беловолов.

В житии Иоанна Кронштадтского, которые выпускаются в современных изданиях духовной литературы нет ни одного упоминания о странных видениях, связанных с пророческой кончиной Царя Николая II. Впервые этот текст появился в издании «Град Китеж» в 1991 году. А позже его стали массово перепечатывать другие издания, ссылаясь на первоисточник. Это видение не стоит принимать близко или отвергать без подтверждений и изучения данного предания экспертами. Это было бы духовно опасно, т.к. Иоанн Кронштадтский делал заметки в своём дневнике кратко, без изложения подробностей. На основании письменных источников, например, Апостол Иоанн Богослов свои видения пересказывал своему ученику Прохору, исследователь может понимать, кому эти сведения

были рассказаны и переданы. А здесь мы не знаем, так ли это могло быть и как на самом деле данный текст смог сохраниться и дойти до наших дней. Поэтому нельзя утверждать, что это предание является подлинным. Однако, оно является «духовным памятником».

Важными остаются факты. За годы правления Николая Александровича II много было сделано для России. Были проведены разные поддерживающие меры для крестьян. Для населения стали открываться общеобразовательные школы, вузы. С появлением электричества развивались промышленные предприятия, расширялись рабочие места. По указу Николая II в 1896 году сократился экспорт сырой нефти за границу, с целью развития собственной промышленности внутри страны. Из-за границы пошёл приток капитала и принимались другие меры, способствующие стабилизации рубля. Россия, хоть и отставала от западных держав и нуждалась в индустриализации, и всё же постепенно превращалась в энергетическую сверхдержаву. Это вызывало сильные опасения западных стран. Поэтому конкуренты старались устранить Россию, устраивая различные провокации и волнения.

Царь искренне желал привносить христианские ценности в государственную жизнь и в 1898 году обратился к странам Европы с предложениями о сохранении мира и сокращении военного вооружения. Мирные конференции прошли в Гааге в 1889 и 1907 годах.

Несмотря на стремления Государя сохранить мир, Россию всё же втянули в две кровопролитные войны. Первая война была в 1904 году. Против России начала военные действия Япония. Они официально не объявляли войны, что в последствии привело к тяжёлым революционным смутам внутри Российского государства. Вторая кровопролитная война была 19 июля 1914 года. На Россию напала Германия. Однако с начала войны временно затихли внутренние разногласия русского народа. Государь постоянно находился в Ставке, а также объезжал подразделения армии, посещал госпитали, навещал раненных и военные перевязочные пункты. Императрица вместе с великими княжнами Ольгой и Татьяной, пройдя курсы сестёр милосердия, ухаживали за ранеными в лазарете. Император вместе с наследником Цесаревичем Алексеем постоянно находился в Ставке, но в столице доверил все дела супруге Александре Федоровне, чтобы она оставалась его глазами и ушами. Министры знали о том, что Императрица регулярно отправляла письма-донесения о делах в столице и всячески негодовали. Среди них были заговорщики и враги. В столице из-за голода и перебоя с подвозом хлеба начались волнения, среди народа враги стали сеять панику. Начались забастовки с лозунгами «Долой самодержавную власть!» и пошла критика в адрес правительства.

25 февраля Государь Николай Александрович II получил сообщение о беспорядках, посылает войска в Петроград и срочно выезжает поездом в Царское Село, чтобы самому контролировать и принимать решения. На пути следования поезд был предательски остановлен в 150 верстах от Петрограда. Следующая станция Любань была захвачена мятежниками и поезд через станцию Дно (путь был закрыт) отправился в Псков. Государь понял, что это захват. В это время Императрицу и семью бунтовщики пытались захватить, убив часового в Александровском дворце Царского Села. Верные солдаты по решительной просьбе Александры Феодоровны смогли договориться с восставшими и обойтись без кровопролития. В эти тяжёлые дни Императорская семья пребывали в тревоге за судьбу Императора. 9 марта арестованного Государя Николая II перевозят в Царское Село. К этому времени акт об отречении Императора в пользу брата Великого Князя Михаила Александровича был подписан.

8 марта Государь в последний раз обращается к русским воинам, с просьбой сохранить верность и преданность родному Отечеству и Временному правительству. В последствии обращение Государя назвали «Последний приказ Николая II».

Император Николай Александрович II просил войска, отстоять Родину от злодеяний врага. Россия вместе с союзниками должны привести народ к победе.

Враги должны быть полностью разгромлены. Кто думает иначе, тот является изменником и предателем своей Родины. Государь просил доблестно защищать великую

Российскую Державу, зная мысли, каждого честного воина. Просил исполнять воинский долг достойно, слушать начальников. Если будет отсутствовать дисциплина, то это ослабление сыграет только на руку врагу. Император твёрдо верил в русских воинов, что любовь к Родине даст силы противостоять врагам Отечества. И благословил на дальнейшие подвиги.

Однако благородное обращение к войскам было намеренно сокрыто, чтобы они не услышали благородную речь Государя.

В августе 1917 года Николая Александровича, Императрицу Александру Федоровну и Великую княжну Марию сослали в ссылку. Какое - то время их заключение под стражей проходило в городе Тобольске. Потом, 30 апреля 1918 года Царя с Императрицей и дочерью Марией отправили в Екатеринбург, в дом инженера Ипатьева. Этот дом стоял на углу Вознесенского проспекта. Узники были под пристальным наблюдением стражи двадцать четыре часа. Остальных детей Великих княжон Ольгу, Татьяну, Анастасию и Цесаревича Алексея привезли к родителям чуть позднее, 23 мая.

Находившись в заключении, узники предчувствовали свою трагическую участь, но продолжали терпеливо молиться за ненавидящих, за весь народ русский. Вера заключённых давала им мужественно переносить все страдания. В последний раз Царская семья отстояла службу и причастилась Святых Христовых Таинств 1 июля 1918 года. Божественную литургию служил отец Иоанн Сторожевой в Ипатьевском доме. Приближались роковые часы... Все злодеяния и распоряжения к казни узников проходили в строжайшей тайне.

В полночь 17 июля 1918 года последний русский Царь и Помазанник Божий Николай Александрович II, Великая Императрица Александра Федоровна, Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, Цесаревич Алексей Романовы были зверски убиты в подвале. С ними приняли мученическую кончину личный врач Е.С. Боткин и прислуга и даже собаки, которые лаяли на убийц, были расстреляны. Преступники безусловно опасались, что по горячим следам вскроются их злодеяния и решили тайно вывезти тела убиенных из Екатеринбурга, чтобы уничтожить и скрыть следы кровавой расправы, а всё что осталось после надругательства скрытно захоронили.

Несмотря на все оскорбления, издевательства, насмешки Царская семья покорилась воле Божией и со смирением прожила благочестивую жизнь, исповедуя заповеди Евангелия. Они понимали, что смерть их неизбежна и смогли сохранить в сердцах духовное спокойствие и способность простить своих палачей. Последний русский Император Николай II, Императрица Александра Федоровна, Великие княжны Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, Цесаревич Алексей с кротостью подняли и пронесли свой крест на Голгофу. Победоносно побеждая зло, претерпев мученическую кончину, они пострадали за веру Христову.

20 августа 2000 года Юбилейным архиерейским Собором РПЦ Император Николай Александрович II и Императорская семья были причислены к лику святых страстотерпцев, новомучеников и исповедников Российских.

Библиографический список

1. <https://foma.ru/nikolay-ii-8-mifov-o-poslednem-imperatore.html#post-comments>
2. <https://statearchive.ru/docs.html>
3. Тайна Иоанна Кронштадтского // Православная газета «Благовест». URL: <http://www.cofe.ru/blagovest>
4. Семенов В.А. 11 марта 1901 г.: миф или реальность (пророчества Авеля и Гатчинский дворец) // Гатчина сквозь столетия. URL: <http://history-gatchina.ru/index.php>
5. Нилус С.А. Полн. Собр. соч.: в 4 т. М.: Сибирская благовонница, 2009. Т. 4
6. Андреев И.М. Учитель умиления и радости // Православный путь. Джорданвилль, 1953.
7. <https://vera-eskom.ru/2021/06/sonnoe-otkrovenie-protoiereya-ioanna/>
8. <https://azbyka.ru/days/sv-nikolaj-ii-romanov>

УДК 94(47).084.3

*Московский авиационный институт
кандидат исторических наук, ассистент кафедры
истории
Н.А. Заяц
Россия, г. Москва
тел.: 8-952-955-92-52
e-mail: nikza91@yandex.ru*

*Moscow Aviation Institute
PhD in Historical Sciences, assistant of department of
history
N.A. Zayats
Russia, Moscow
tel.: 8-952-955-92-52
e-mail: nikza91@yandex.ru*

Н.А. Заяц

**УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ВАЛУЙСКОМ УЕЗДЕ ВОРОНЕЖСКОЙ
ГУБЕРНИИ В ЯНВАРЕ – МАРТЕ 1918 Г.**

В статье анализируются причины и условия процесса формирования и функционирования первого Валуйского Совета в 1918 г. Для этого воссоздан общий ход событий, выделены причин победы советов в ходе политической борьбы с прежней властью, определены состав и первая деятельность Совета, выделены местные черты революционного процесса. Исследование проведено на основе протоколов Валуйского Совета, воспоминаний участников событий, литературы по теме.

Ключевые слова: Воронежская губерния; Валуйки; советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; большевики.

N.A. Zayats

**ESTABLISHMENT OF SOVIET POWER IN THE VALUYSKY DISTRICT OF THE
VORONEZH PROVINCE IN JANUARY – MARCH 1918**

The article analyzes the reasons and conditions for the formation and development of the first Valuyky Soviet in 1918. For this general course of events in the region, the reasons for the victory, the councils in continuing the struggle with the previous government, the power and the first activities of the Council, the allocation of local features of the revolutionary process are highlighted. The study is based on the minutes of the Valuyky Soviet, the memoirs of the participants in the events, and literature on the topic.

Key words: Voronezh province; Valuyki; Soviets of workers', soldiers' and peasants' deputies; Bolsheviks.

История появления и установления советской власти на местах в 1917-1918 г. богата и многообразна и не раз затронута исследованиями [1, 5, 11]. Но до сих пор в ней есть неисследованные лакуны. В том числе почти не изучен вопрос о ее победе в Валуйском уезде Воронежской губернии в 1918 г. Во многом этому мешает почти полное отсутствие документов. Сохранились лишь, хотя и в неполном объеме, протоколы Валуйского Совета за 1918 г. Их во многом дополняют архивные воспоминания ветеранов революции, несмотря на их противоречия и скудную информативность. Все же на этой основе можно выписать картину установления в Валуйском уезде советской власти. Целью статьи является изучение организации советов Валуйского уезда в начале 1918 г. Задачами при этом ставятся: воссоздание общего хода событий на основе хронологического метода, выделение причин победы советов в противостоянии с прежней властью, определение специфических местных черт этого процесса.

Небольшой город Валуйки на границе с Украиной стал в конце 1917 г. ареной важного противостояния. После взятия власти большевиками в Воронеже 30 октября 1918 г. сопротивление им пыталась образовать главная политическая сила губернии, партия эсеров.

Однако их влияние в Воронеже постоянно ослабевало. Главной их опорой оставалось крестьянство, от которого зависел вопрос о власти в масштабах губернии. 21-23 ноября 1917 г. в Воронеже прошел 3-й губернский крестьянский съезд. На нем было решено созвать 29 декабря в Валуйках съезд для организации против большевиков волостных земств и крестьянских союзов.

Отдаленный Валуйский уезд был выбран потому, что он отличался сильным влиянием эсеров. Хозяйство его было в основном сельским, преимущественно кустарная промышленность ограничивалась железной дорогой, маслобойками, кожевенными мастерскими и мельницами. Население состояло из крестьян с большой долей торговцев и купцов. Большую роль играла заметная доля помещичьих земель, среди которых особенно известно имение графини С.В. Паниной. Совет рабочих депутатов в Валуйках хотя и был, но малодеятельный. Тем не менее, и он постепенно левел. 11 ноября 1917 г. его главой стал большевик от рабочих маслозавода И.Г. Замаренов, который потребовал национализировать Валуйский народный дом. Новый президиум Совета стал проводить агитацию среди солдат и рабочих города, которые долго были под влиянием эсеров [1, л. 1].

Власть здесь осуществлял комиссар Временного правительства А.И. Пеленкин (видимо, выполнявший и обязанности начальника земской милиции) и военный комендант Кузнецов. Их поддерживало проэсеровское земство, которым управлял осевший тут со времен политсылки 1916 г. преподаватель коммерческого училища, меньшевик Г.С. Лордкипанидзе. К земству примыкали земельная управа и ее глава, старый эсер Гуков и городской голова Плохотников. Земство сразу отнеслось к Совнаркому враждебно и призвало «всецело поддерживать свои законные власти, порядок и нормальное течение жизни, так как вне этого не может быть спасения Родины и завоеваний революции» [2, с. 202]. Как можно понять из прессы, оно создало высший орган власти на время до созыва Учредительного собрания – Комитет спасения родины и революции, куда вошли представители партий, местной Украинской рады, Совета и председатель комиссии по выборам в Учредительное Собрание [3].

По скудным упоминаниям мемуаристов ясно, что реальной опорой власти была вооруженная сила: земская милиция и команда выздоравливающих при военной канцелярии, находившаяся под эсеровским влиянием (хотя и от нее в Совете был делегат, большевик И.В. Фугель). Численность команды составляла сотни или даже будто тысячи человек. Были, видимо, и какие-то другие военные части гарнизона – скорее всего, 235-й запасной пехотный батальон [4, с. 118]. Но, похоже, они были уже разложившимися и ненадежными.

В деревнях власть была у созданных осенью 1917 г. волостных проэсеровских земств, в основном из интеллигентов, опиравшихся на сельские сходы. Так, большевик Д.Л. Романенко вспоминал о Казинском земстве: «Политическая группировка составляла социал-революционную неорганизованную и неоформленную ячейку, и она представляла из себя просто группу из купеческих сынков, агрономов, фельдшеров и учителя, вообще сельской интел[л]игенции, поддерживаемой кулацким слоем населения. Группа эта, всю свою деятельность проводила исключительно через общие собрания населения, куда в то время собирались старики, женщины и подростки» [5, л. 1-1об.]. Земства уверенно охраняли имения – тот же Романенко первым делом увидел у земской управы пулемет для предотвращения погрома имения Гаевского. Ему вторят другие воспоминания: «Помещичьи имения, которых в этом уезде значительное количество, рьяно охранялись так называемыми эсеровскими эмиссарами до созыва Учредительного собрания, которое якобы должно было решить вопрос о земле» [6, л. 2].

Благодаря агитации эсеров крестьянский съезд прошел в Валуйках 28 декабря 1917 г. – 1 января 1918 г. По данным эсеров, на него собралось 450 чел., хотя большевики в своих изданиях называли другие цифры: 160 чел. в первый день и 260 – на второй [7, с. 153; 8, с. 7]. Роль оппозиции взяли на себя пробольшевистские солдаты-фронтовики, которые с конца 1917 г. стали возвращаться в уезд и формировать в своих деревнях Советы. Так, большевик А.Х. Рудофиленко вспоминал, как участвовал в выборах волсовета в своем с. Долгое:

«Солдаты возвратившие из фронта имели большое влияние на крестьян не бывших в армии, нам на собрании некоторые крестьяне задавали вопросы, а когда будем выбирать волостной совет и не может земство прислать солдат конечно на это было раз’яснено» [9, л. 1].

Главным организатором стал уроженец д. Насоновка А.Ф. Авилов, фронтовик и эсер-максималист, делегат II съезда Советов крестьянских депутатов. В конце декабря 1917 г. он организовал группу фронтовиков, явившихся на съезд. Сам Авилов рассказывал: «мы... всей массой около 100 человек потребовали рассказать о том, кто такие большевики на самом деле, чего они требуют и как должен быть решен вопрос о земле, о мире» [6, л. 3-4]. Это встретило сочувствие части собравшихся. Спор закончился тем, что Кузнецов открыл огонь и будто даже убил оратора. Фронтовики и некоторая часть крестьян покинули съезд. Остаток вынес резолюцию с требованием передать власть в центре Учредительному собранию, а на местах – земствам и милиции [7, с. 153; 8, с. 7]. Также съезд решил провести волостные съезды в защиту Учредительного собрания и послать в Петроград от каждой волости делегата с наказами и резолюциями в его поддержку [9, л. 1].

По словам Авилова, им тогда была создана «боевая группа» из фронтовиков, чтобы арестовать земство, однако ее «с помощью неразоруженной милиции и части при воинском начальнике рассеяли». Похоже, это было в тот же день 28 декабря. Отряд, без оружия напоминавший скорее демонстрацию, просто вошел в город, но вскоре был разогнан грузовиками с пулеметами [6, л. 4]. Впрочем, свидетель К.В. Шальнев вспоминал, что толпа из 100 фронтовиков все же взяла арсенал воинского начальника, и он сам раздавал по списку оружие. Но вскоре приехал автомобиль Кузнецова, который, пригрозив пулеметом, их разоружил [5, л. 29об.].

Видимо, параллельно и воронежские большевики пытались разогнать съезд. Командир Воронежской рабочей дружины М.А. Чернышев вспоминал, что был отправлен на это во главе отряда в 25 человек, с 1 орудием и 5 пулеметами [10, л. 4об.]. На поезде они тайно прибыли в город. Так как он был заполнен войсками, они сначала разведали обстановку и узнали от солдат, что гарнизон настроен «революционно». Предполагалось захватить грузовики и «открыть в центре города сильный пулеметный огонь», но дружинник Борис Быковский, бывший фельдфебель, убедил товарищей в недостатке сил. Отряд уехал за пополнением в Воронеж, однако там его послали на пополнение Калединского фронта, и план сорвался [11, л. 9-10].

Однако местные фронтовики справились и сами. Вскоре после съезда они начали агитацию по деревням и, как утверждал Авилов, он быстро собрал новый отряд: «Дней через шесть было поднято восстание в деревнях и селах, окружающих город Волуйки: Насоново, Рождествено, Борисовка, Мандрово и другие, и всей массой восставших, прежде всего фронтовиков, мы двинулись в город, обезоруживали милицию, войскового начальника и провозгласили Советскую власть, организовав Бюро по созыву уездного съезда Советов» [6, л. 5-6]. Видимо, собирал людей не только Авилов. Фронтовик Н.П. Крюков писал, что сам собрал в своем с. Самарино 8 человек, в Потловке – 6, а также 6 винтовок, 2 обреза, 1 наган и 2 дробовика. Все они пошли на Валуйки, но у села Борисово набрели на Авилова и примкнули к нему. Весь отряд, по словам Крюкова, насчитывал всего 32 человека. Этого, однако, хватило: солдаты легко взяли арсенал и город. Пеленкин, Кузнецов и прочие скрылись, а команда при военной канцелярии была без сопротивления распущена по домам [12, л. 9-10]. Обращает внимание легкость переворота. Возможно, силы властей ослабили разгон Учредительного собрания в Петрограде и укрепление Воронежского Совета, который в декабре 1917 г. провел альтернативный губернский крестьянский съезд, что местные жители не могли не знать. Достоверно известно, что какая-то часть делегатов, ушедших с эсеровского съезда, в итоге приехала на него.

Милиция и солдаты Валоек были легко разагитированы. Шальнев вспоминал, что выступал перед солдатами и комитетом полка «в ведении Пеленкина» в Коротояке: «Мне дали бумагу, чтоб 45 солдат находящиеся в ведении милиции перешли в мое ведение. Полк

решил идти за нами. Со мной прибыло в Валуйки еще 40 человек. Взяли по[д] охрану и контроль почту и телеграф, казначейство, здание с'езда в Нардоме и станцию Валуйки. Я был на контроле телеграфа» [5, л. 28об.]. Глава Совета Замаренов, судя по всему, перетянул на свою сторону гарнизон, и единственным препятствием осталась команда выздоравливающих: «С воинскими частями города установилась тесная связь с совдепом, за исключением команды выздоравливающих, где эс-эры Галкин и другие Фугелю срывали работу». Тогда Замаренов возглавил комиссию, которая команду успешно распустила [1, л. 3]. Судя по протоколам совета, это было в начале февраля 1918 г. [13, л. 256]

Бюро по созыву съезда разослало по местам эмиссаров, которые практически целиком были солдатами. По словам Замаренова, он «использовал солдатское собрание во дворе управления воинского начальника 700 чел., которые разбились по волостям и от каждой такой группы было избрано по 3 человека на волость организаторов волостных совдепов вместо волостных земств. Вручены были каждому инструкции по организации волостных и сельских советов и выборы делегатов на первый уездный съезд Советов» [1, л. 2]. Фронтвики легко завоевали крестьянство и сформировали при его помощи советы на селе. Как отмечал один из них: «Особой борьбы с социалистами не было и она была на столько слаба, что стоило выступить несколько раз на собраниях и разъяснить старикам и женщинам о положении сыновей и мужей на фронте и, что эти господа голосуют за то, что бы они не возвратились до тех пор, пока они превратятся в пушечное мясо, – они быстро обострялись и авторитет этой группы сразу уже падал» [5, л. 2]. Неудивительно: ведь даже в сохранившихся резолюциях делегатов, поехавших от эсеровского съезда на защиту Учредительного собрания, попадаются требования, совпадающие с декретами Совнаркома: мир, раздел земли и отбирание «в пользу трудового народа» фабрик [13, л. 279].

Вскоре в Валуйках прошел «съезд крестьянской бедноты» из 300 делегатов. Дата его созыва противоречива. В литературе обычно указывается, что он шел 25-26 января, но находящиеся в архиве протоколы утверждены за 26 и 27 января; видимо, первое заседание 25 числа было учредительным [13, л. 189-190]. Собрался съезд в здании Валуйского народного училища. Он постановил создать Совет крестьянских депутатов и «вливать его в существующий в Валуйках Совет рабочих и солдатских депутатов» в здании винного склада. Съезд избрал исполком, который недолго называли «Советом Комиссаров» [14, с. 45].

Первым главой объединенного Валуйского Совета был избран студент Т.В. Рындин, по некоторым свидетельствам, бывший меньшевик, а заместителем – сам Авилов [15, с. 52]. Последний, если верить воспоминаниям, стал и главой волостного совета пригородной слободы Уразово [1, л. 6]. В воспоминаниях сам Рындин утверждал, будто «состав съезда на 30% состоял из рабочих, процентов на 50 состоял из крестьян только что вернувшихся с фронта, остальная часть представляла собой крестьянскую бедноту, которая на селе являлась активом». На съезде неудачно выступили и эсеры, а также сделал длинный отчет глава земства Лордкипанидзе [16, л. 3]. Выступления их на фоне большевистского духа съезда были очень бледными, что эсеров и кадетов искренне разочаровало [1, л. 5].

Состав избранного Совета и его исполкома неясен, так как документы на этот счет не сохранились, а мемуаристы дают очень неточные сведения. Численность Совета мемуаристы называют и в 25, и в 50 человек. По воспоминаниям и протоколам за январь 1918 г. видно, что в исполком вошли А.Ф. Авилов, Т.В. Рындин, И.Л. Рындин, И.Г. Замаренов, Г.Н. Полухин, С.М. Толстой, Т.Х. и А.Х. Рудофиленко, Киселев, Гребнев, Филатов, Мирошников, Топчиев, Порев и, возможно, другие лица [9, л. 2; 10, л. 4]. Характерно, что нет упоминаний некоторых местных лидеров большевиков вроде И.В. Фугеля, который попадет в исполком позднее. Похоже, местная группа большевиков в событиях участвовала слабо.

Вообще вопрос о партийном составе Совета плохо понятен. Известно, что в Валуйках большевики были еще с весны 1917 г., а на 1-й партийной конференции в Воронеже 6-8 октября присутствовали делегаты их организации в 80 чел. [17, с. 176] В то же время, по воспоминаниям коммунистов, их группа оформилась только в конце января 1918 г., вскоре после съезда, при этом непонятно, сколько в ней состояло людей [18, л. 2]. Сам И.Г.

Замаренов вспоминал, что на съезде было 126 большевиков [1, л. 4]. Видимо, имелись в виду убеждения, так как другой участник событий А.Х. Рудофиленко вспоминал: «...в составе УИК”а 1-го созыва не было членов партии большевиков, был один максималист т. Авилов А. Члены УИК”а сочув[в]ствующие большевикам». По его словам, первое собрание по созданию парторганизации прошло 1 марта 1918 г. Был избран уездный комитет, протокол его утвержден в губкоме партии, который выслал в Валуйки печать и партбилеты. Похоже, первым главой укома ожидаемо был лидер валуйских большевиков в 1917 г. Иосиф Георгиевич Замаренов, ставший «уездным комиссаром» [9, л. 3]. Однако на 2-м уездном съезде, который был открыт 8 марта 1918 г., он вступил в конфликт с исполкомом [13, л. 195]. На посту председателя укома его сменил как раз приехавший солдат Степан Матвеевич Толстой (в апреле-мае он также был и председателем Совета), а после эвакуации исполкома из-за нашествия немецких оккупантов – Андрей Харлампович Рудофиленко.

Кроме того, в воспоминаниях показательно обходится вопрос, были ли в Совете сочувствующие другим партиям. Можно все же предполагать что, как и в других уездах, в Совете были беспартийные и левые эсеры. По крайней мере, известно, что сам Рындин считал себя левым эсером и представлял Валуйки на 2-м губернском крестьянском съезде в феврале 1918 г. [19, л. 51]. Как видно из протоколов, на 2-м Валуйском съезде Советов его вновь сменяет Авилов, похоже, имевший на выступлениях большой успех [13, л. 191].

Новоизбранный совет энергично взялся за работу, укрепляя свою власть и проводя революционные преобразования. Первым делом были взяты на учет продовольственные запасы, упразднены продовольственная и земельная управа, запрещен вывоз хлеба, взяты на учет для реквизиции главные товары города, распределявшиеся через кооперативы и потребительские лавки. Старая армия была распущена, и по уезду началось формирование красногвардейских отрядов. Для набора денежных средств имущие классы были обложены крупной контрибуцией в 5 млн. руб. Началась национализация частных предприятий и заведений [5, л. 2; 9, л. 3; 13, л. 189-193; 16, л. 5].

Особенно важно было проведение «Декрета о земле», который дал одержать советам убедительную победу на местах. Авилов писал: «Помещичьи имения были немедленно захвачены, наиболее крупные из них сохранялись на предмет организации государственных экономий. Все остальное и прежде всего земли крупных помещиков и кулаков[,] в том числе земли крупных кулаков были распределены между крестьянами. Надо сказать, что Валуйский уезд исключительно насыщен помещиками и крупными кулаками. Масса крестьян этого уезда крайне малоземельна. Отсюда понятно, что большевистская партия и советы в крестьянской массе пользовались исключительной популярностью, исключительной любовью» [6, л. 5]. Эти слова подтверждаются рядом других данных. Как вспоминал Романенко, работа его волостного совета поэтому привлекла симпатии «свыше 75% населения на сторону большевиков» [5, л. 2]. 9 марта 1918 г. на 2-м уездном съезде было оглашено, что в уезде окончательно закончилось создание местных советов и земельных отделов [17, с. 241].

Располагался исполком в здании винного склада. В феврале он постепенно наладил свою работу, выделив из себя несколько отделов. По протоколам можно выявить продовольственный, земельный, хозяйственный и военный отделы. Некоторое время параллельно существовало и земство, в которое был послан для наблюдения комиссар Полухин. Однако оно в конце февраля, ссылаясь на свой общевыборный характер, попыталось потребовать от исполкома отчет, за что было распущено [9, л. 2]. 5 марта 1918 г. в Воронеж пришла телеграмма, что управление земством приняла коллегия из 10 человек [20, л. 151]. Дату ликвидации городской думы, увы, установить не удалось. Так или иначе, альтернативы новой власти окончательно не осталось. Таким образом, начало марта 1918 г. – окончательный срок установления в Валуйском уезде Советов.

Таков был процесс формирования советской власти в этом регионе. Как показывают факты, он повторял общегубернскую и, шире, общероссийскую тенденцию. Советы были

утверждены силами революционных фронтовиков, проникнутых большевистскими убеждениями, которые завоевали местных рабочих, крестьян и солдат благодаря активной социальной работе, «Декрету о земле» и «Декрету о мире». Были в этом процессе и некоторые специфические черты, вызванные особенностями уезда. В Валуйках дольше сохранялось влияние эсеров, что привело к вооруженному, хотя и бескровному перевороту. Ввиду аграрного характера уезда местный Совет был слаб из-за инертности рабочих и солдат. Соответственно, слабой была и местная группа большевиков, которая приняла малозаметное участие в событиях, кроме некоторых своих лидеров. Победу революционеров-фронтовиков во многом обеспечила недееспособность местной власти, которая не имела реальной опоры, кроме быстро разложившейся военной силы. Также видно, что серьезным фактором победы Советов было наличие в уезде заметного числа помещичьих земель, что легко дало советам популярность среди широких слоев крестьянства.

Библиографический список

1. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 604.
2. Герасименко Г.А. История земского самоуправления. Саратов: Поволж. акад. гос. службы им. П. А. Столыпина, 2003. 243 с.
3. Воронежский телеграф. – 1917. – №245. – 15 дек. – С. 3
4. Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. Воронеж, 1916. 649 с.
5. ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 609.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 15а. Д. 397.
7. Воронков И.Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Воронеж: Кн. изд-во, 1952. 196 с.
8. Комаров А., Крошицкий П. Революционное движение. Хроника. 1918 г. (Губернии Воронежская и Тамбовская). Воронеж: Коммуна, 1930. Т. 1. 187 с.
9. ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 608.
10. ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 507.
11. ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 536.
12. ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 607.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 3. Д. 100.
14. Фефелов В.М. Установление советской власти в уездных центрах Воронежской губернии // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. XXXI. 1960. С. 28-51.
15. Осыков Б.И. Белгородский алфавит: краткий краеведческий справочник. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1990. 208 с.
16. ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 610.
17. Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917-1918 гг. Воронеж: Кн. изд-во, 1957. 475 с.
18. ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 612.
19. ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 514.
20. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 35.

УДК 93/94

Воронежский государственный технический университет
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и истории
Д.В. Ливенцев
Россия, г. Воронеж
тел. 89802481930;
e-mail: liva2006@yandex.ru.

Voronezh State Technical University
doctor of historical sciences, candidate of law sciences, professor, professor of the department of philosophy, sociology and history
D.V. Liventsev
Russia, Voronezh,
tel. 89802481930;
e-mail: liva2006@yandex.ru.

Д.В. Ливенцев

ВОЕННО-МОРСКАЯ ПРОПАГАНДА СРЕДИ ВОЕНМОРОВ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО КРАСНОГО ФЛОТА В 1921 Г. (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ КАСПИЙСКОГО ФЛОТА «ВОЕНМОР»)

Статья рассматривает пропаганду большевиков на Рабоче-крестьянском красном флоте на завершающем этапе Гражданской войны. В то время советская власть начала широко декларировать возрождение мощного военно-морского флота. Одновременно высказывались возможные пути развития советских военно-морских сил. Военные моряки, выбравшие в Гражданской войне сторону советской власти, надеялись на необходимость своих профессиональных навыков для защиты молодого пролетарского государства. В свою очередь, политические отделы военно-морских соединений использовали идею строительства советского флота в пропагандистских целях. Подобный подход можно наблюдать по публикациям в периодическом органе Красного Каспийского флота газете «Военмор».

Ключевые слова: политический отдел, пропаганда, Рабоче-крестьянский красный флот, Гражданская война, строительство флота, советская власть, периодическое издание, партийное собрание, Каспийский флот, инициатива военных моряков, история революции, Эстония, Финляндия, Латвия.

D.V. Liventsev

NAVAL PROPAGANDA AMONG THE VOENMORES OF THE WORKERS' AND PEASANTS' RED FLEET IN 1921 (USING THE EXAMPLE OF THE NEWSPAPER OF THE CASPIAN FLEET «VOENMOR»)

The article examines the propaganda of the Bolsheviks in the Workers' and Peasants' Red Fleet at the final stage of the Civil War. At that time, the Soviet government began to widely declare the revival of a powerful navy. At the same time, possible ways of developing the Soviet naval forces were expressed. The sailors who chose the side of the Soviet government in the Civil War hoped for the need for their professional skills to protect the young proletarian state. In turn, the political departments of the naval formations used the idea of building a Soviet fleet for propaganda purposes. A similar approach can be observed in publications in the periodical organ of the Red Caspian Fleet, the newspaper «Voenmore».

Key words: political department, propaganda, Workers' and Peasants' Red Fleet, Civil War, fleet construction, Soviet government, periodical, party meeting, Caspian Fleet, initiative of military sailors, history of the revolution, Estonia, Finland, Latvia.

На завершающем этапе Гражданской войны советское правительство начало проводить пропагандистскую кампанию, связанную с будущим строительством отечественного военно-морского флота. Нельзя не отметить, что в то время Черноморского флота практически не существовало [4], нужно было возрождать военно-морские силы на Дальнем Востоке [3] и русском севере [6], боевые корабли сохранились только на Балтийском море [2]. Одновременно серьезно пострадал и торговый флот, потерявший часть морских и речных судов [5].

В 1921 г. Каспийский красный флот представлял собой боеспособное соединение, которое могла решать оперативные задачи в ходе Гражданской войны, но не шло, ни в какое сравнение с иностранными военно-морскими силами ведущих мировых держав. Впрочем, в целом Рабоче-крестьянский красный флот включал в свои ряды остатки боевых кораблей царской России. Именно в периодическом издании Каспийского флота «Военмор» в 1921 году выходит статья «Задача партии в деле воссоздания флота», которая тезисно намечает организационные меры по государственному строительству советских военно-морских сил. (Рис. 1)

**Плакат
«Корабль готов к спуску!»**

В начале статьи констатируется мысль, что Рабоче-крестьянский красный флот находится в упадке. Собственно у советского флота имелся личный состав и устаревшие корабли преимущественно на Балтийском море. Ведущие мировые морские державы в начале 1920-х гг. массово вводили в боевой состав своих флотов новейшие линейные корабли. Автор пропагандистской статьи отмечал, что у советской власти отсутствуют экономические возможности строительства современных линейных кораблей и крейсеров. Однако существовало необходимость отремонтировать имеющиеся в боевом строю корабли Российского Императорского флота.

Затем приводились весомерные аргументы о необходимости Советской России иметь мощный военно-морской флот:

1. РСФСР окружена враждебными капиталистическими странами.

2. У Советской России большая протяженность морских границ нуждающихся в защите.

3. РСФСР далее во время Гражданской войны остается самой сильной военно-морской державой на Балтийском море по сравнению с флотами Латвии, Финляндии и Эстонии.

4. Рабоче-крестьянский красный флот надо привести в боевую готовность для защиты Советской республики [1, с. 2]. (Рис. 2)

**Плакат
Враг опасен с моря. Укрепляйте красный флот!**

Автор пропагандистской статьи приводит мнение, что в условиях Гражданской войны по большей части воевали речные флотилии, и восстанавливать Рабоче-крестьянский красный флот не было возможности. При этом акцентируется внимание, что юристы и экономисты не строят флот, данное занятие только для профессиональных военных моряков. Однако само дело восстановления Рабоче-крестьянского красного флота в организационном плане должна взять на себя партия большевиков.

Собственно от военных моряков до 1921 г. не поступало инициативы, связанной с восстановлением Рабоче-крестьянского красного флота. Автор пропагандистской статьи призывал именно профессиональных военморов проявить полезную инициативу в восстановлении Рабоче-крестьянского красного флота, что могло облегчить деятельность советской власти в решении данной проблемы.

Для подобной деятельности по организации государственного строительства Рабоче-крестьянского красного флота надо выполнить ряд пунктов:

1. На партийных собраниях военные моряки должны постоянно ставить вопросы, касающиеся возрождения Рабоче-крестьянского красного флота.

2. Надо информировать советских моряков о мероприятиях по строительству Рабоче-крестьянского красного флота.

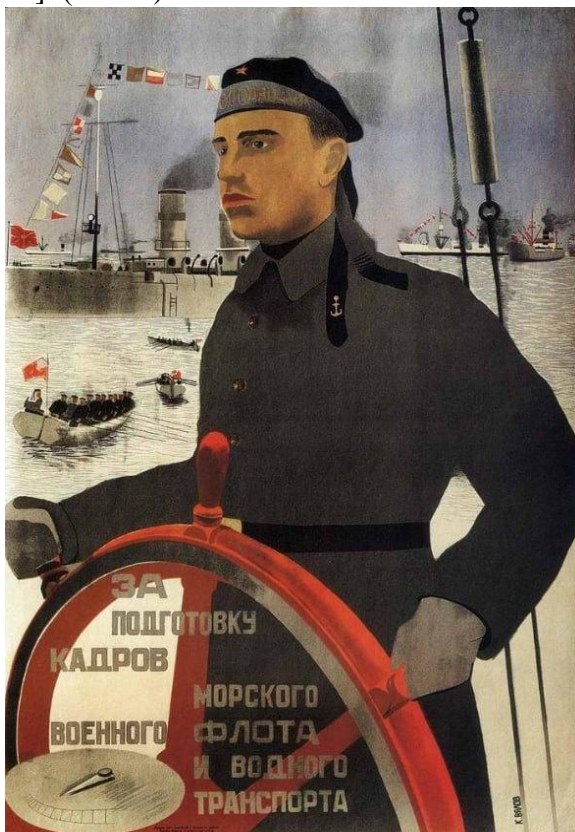
3. Нужно проявлять творческую инициативу в деле государственного возрождения Рабоче-крестьянского красного флота.

4. Военные моряки должны овладевать специализированными военно-морскими знаниями.

5. Существует необходимость привлечь к работе по государственному строительству Рабоче-крестьянского красного флота грамотных военно-морских специалистов дореволюционной России.

6. Важно охватить в деле государственного возрождения Рабоче-крестьянского красного флота широкие массы специалистов и неспециалистов в военно-морском деле.

7. Для возрождения Рабоче-крестьянского красного флота надо привлечь партию большевиков и комсомол [1, с. 2]. (Рис. 3)

**Плакат
За подготовку кадров морского военного флота
и водного транспорта**

Автор пропагандистской статьи отмечал, что некоторые организационные мероприятия по восстановлению Рабоче-крестьянского красного флота под руководством партии большевиков уже успешно осуществляются.

Среди мероприятий по восстановлению Рабоче-крестьянского красного флота автор пропагандистской статьи выделял:

1. По инициативе партийных организаций проведена перепись всех советских военморов в военно-морских соединениях кораблей и береговых частей Рабоче-крестьянского красного флота.

2. В военно-морских соединениях кораблей и береговых частях выявлены советские военморы Рабоче-крестьянского красного флота разделяющие политические взгляды партии большевиков и сочувствующие коммунистам.

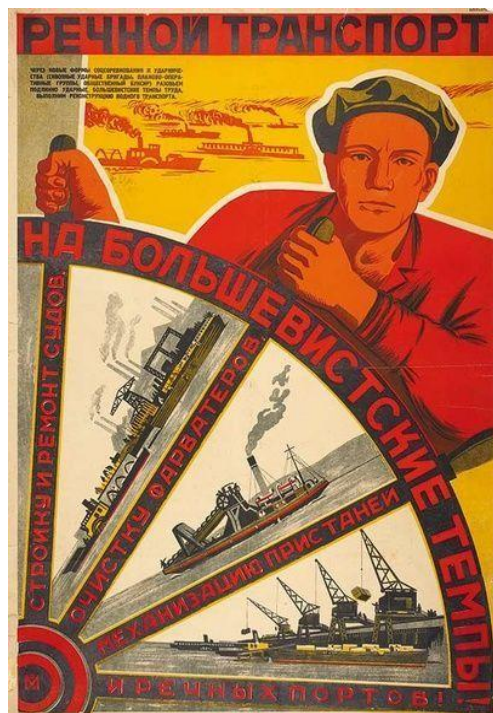
3. Началась проверка судового состава в военно-морских подразделениях Рабоче-крестьянского красного флота для последующего комплексного восстановления и ремонта пригодных кораблей.

4. Одновременно приводится в порядок ремонтная база и мастерские для кораблей Рабоче-крестьянского красного флота, и подбираются профессиональные кадры инженеров и рабочих на судостроительных заводах.

5. Накапливаются материальные и финансовые ресурсы для восстановления Рабоче-крестьянского красного флота.

6. Проводится ревизия пригодных кораблей гражданского флота для последующего включения их в качестве вспомогательных судов в боевой состав Рабоче-крестьянского красного флота.

7. Идет восстановление непосредственно гражданского флота, который может стать одной из основ формирования корабельного состава Рабоче-крестьянского красного флота [1, с. 2]. (Рис. 4)

**Плакат
Речной транспорт**

В завершении автор пропагандисткой статьи высказывал мнение, что советские военморы смогут восстановить и построить против капиталистических стран свой небольшой, но боевой Рабоче-крестьянский красный флот [1, с. 2]. Нельзя не отметить, что хотя предпочтение отдавалось государственному строительству сухопутной армии уже в следующем 1922 г. комсомол взял шефство над возрождаемым Рабоче-крестьянским красным флотом. (Рис. 5)

**Плакат
Комсомол шеф над красным флотом**

Таким образом, уже на завершающем этапе Гражданской войны советская военноморская пропаганда начала кампанию посвященную возрождению Рабоче-крестьянского красного флота. Газета «Военмор: орган политотдела Каспвоенфлота» принимала в данной пропагандистской кампании серьезное участие. Несмотря на то, что приоритетным направлением в начале 1920-х гг. считалось развитие сухопутных вооруженных сил, в пропагандистских целях комсомол взял шефство над государственным строительством Рабоче-крестьянского красного флота.

Библиографический список

8. Военмор Шутов Задача партии в деле воссоздания флота // Военмор: орган политотдела Каспвоенфлота. – 2 сентября 1921 г.(№ 163). – С. 2.
9. Дважды Краснознаменный Балтийский флот. – Москва, 1989. – 342 с.
10. Краснознаменный Тихоокеанский флот – М.: Воениздат, 1981. – 318 с.
11. Краснознаменный Черноморский флот – М.: Воениздат, 1987. – 334 с.
12. Под флагом России. История зарождения и развития морского флота – Москва, 1995. – 415 с.
13. Северный флот России – Мурманск, 1996. – 399 с.

УДК 94

*Воронежский государственный университет,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
факультета международных отношений
В.Н. Морозова.*

*Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 224-74-02;
e-mail: morozova@ir.vsu.ru*

*Воронежский государственный университет,
магистрант факультета международных
отношений*

*М.В. Ерохин
Россия, г. Воронеж,
тел. 89518735061
e-mail: erokhin@ir.vsu.ru*

*Voronezh State University,
PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Politics Chair,
International Relations Department
V.N. Morozova.*

*Russia, Voronezh,
tel. (473) 224-74-02;
e-mail: morozova@ir.vsu.ru*

*Voronezh State University,
Master's degree student, International Relations
Department*

*M.V. Erochin
Russia, Voronezh,
tel. 89518735061;
e-mail: erokhin@ir.vsu.ru*

В.Н. Морозова, М.В. Ерохин

**ОДНА СТРАНА, ДВА ПУТИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗДЕЛЕНИЯ ДВУХ КОРЕЙ**

Исторический аспект разъединения корейского полуострова — это сложный и многогранный процесс, начавшийся после Второй мировой войны и идущий вплоть до сегодняшних дней. В результате губительных последствий мирового конфликта и вмешательства извне Корея была разделена на две зоны влияния и противоборства двух держав: советскую и американскую. Это в свою очередь ознаменовало образование в будущем двух совершенно разных государств: Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Кореи. Позже, в 1950-х годах, конфликты, возникшие на почве идеологических и политических разногласий, привели к Корейской войне, которая закончилась без официального мирного договора и установления границы между двумя странами, но оставила после себя две части одной страны, которые на сегодняшний день не видят предпосылок к объединению.

Ключевые слова: Северная Корея, Южная Корея, история разъединения государства.

V.N. Morozova, M.V. Erokhin

**ONE COUNTRY, TWO PATHS: THE HISTORICAL ASPECT OF THE SEPARATION OF
THE TWO KOREAS**

The historical aspect of the disengagement of the Korean peninsula is a complex and multifaceted process that began after World War II and continues to this day. As a result of the devastating consequences of the world conflict and outside interference, Korea was divided into two zones of influence and confrontation between two powers: the Soviet and American. This in turn marked the future formation of two very different states: the Democratic People's Republic of Korea and the Republic of Korea. Later, in the 1950s, conflicts arising out of ideological and political differences led to the Korean War, which ended without a formal peace treaty and the establishment of a border between the two countries, but left behind two parts of the same country, which today see no prerequisites for unification.

Key words: North Korea, South Korea, history of state disunity.

Разделение некогда единых территорий относится к одной из самых трагичных и сложных страниц истории.

Глобальные конфликты, идеологические противоречия, стремление к обособленности и независимости привели к тому, что на корейском полуострове два государства под влиянием двух других мировых сил стали чужаками друг для друга на родной земле. Именно поэтому следует понимать исторический контекст, а точнее, как экономические, политические и культурные разногласия смогли привести к неизгладимому следу на данной территории.

Еще задолго до событий, произошедших после Второй Мировой войны, Корея была единым государством, ведущим жесткую изоляционную политику, и мало интересующимся внешним миром. Вплоть до конца XIX века страна была фактически вассалом Китая, выплачивала Поднебесной дань, а правители Корейского полуострова назначались строго с разрешения императора Китая. Так было до момента начала китайско-японской войны и в последующее подписания договора, по которому Корея выходила из протектората Китая, что дало шанс Японии «вступить» на континент и продвигать в стране свои интересы [1].

Стоит отметить, что для Кореи это было не столько упущением, сколько новой возможностью, ведь в лице многих стран Япония того времени была довольно развитым государством, с которым выгодно вести дела. Однако, как говорится, бойся своих желаний. По договору 1910 года Япония полностью вошла в жизнь Кореи, закрепила свое влияние во внешней политике государства, экономике и культуре. В то время Корея для Японии была слабым и не прогрессивным государством, по факту колонией, которой еще многому стоило научиться у страны восходящего солнца. Тем временем в России происходили знаковые исторические события, и советская власть была заинтересована в распространении своей идеологии на развивающиеся страны в Африке, Азии и т.п. Некое подобие идеи перманентной революции Л. Троцкого. Данные идеи нашли свое распространение как в Китае, так и в Корее. Впоследствии в первой четверти XX века в Корее появилось национально-освободительное движение. Таким образом, в Корее появилось два крыла, а именно правое, которое представляли националисты и левое во главе с коммунистами. Несмотря на различия в идеологиях, они имели на тот момент общую цель, в именно обретение независимости государства в будущем в условиях колониального настоящего. В 1920-х была создана организация «Сингахве», которая представляла синтез националистов и социалистов в виде единого фронта. Курс Коминтерна, включающий в себя отказ от сотрудничества с партиями националистического толка, сильно повлиял на союз левых и правых в Корее, и ввиду этого «Сингахве» прекратила свое существование спустя четыре года после образования.

В экономическом плане разделение Кореи сильно сказалось на стране и ее будущем. Дело в том, что, когда Корея была единым государством, экономика страны сильно зависела от метрополии, а именно: например, детали для станков изготавливали на севере, а собирали их уже на юге и таких примеров было множество. Поэтому две части одной страны были крайне тесно связаны друг с другом, что в будущем сказалось на неравномерном развитии Кореи. В этом вопросе решающую роль сыграла Япония, так как в годы протектората страны восходящего солнца, Северная провинция была переделана японцами в промышленную часть государства, а южная - в землевладельческую. В частности, из-за этого и после создания Республики Корея и КНДР культурные и экономические связи между ними были очень слабыми [2].

После поражения Японии во Второй мировой войне США и СССР договорились, что Корея в течение пяти лет будет находиться под их опекой, после чего получит независимость. Летом 1945 года было принято решение разграничить зону ответственности на полуострове по 38-й параллели (зоне разграничения двух японских армий, которые контролировали северные и южные провинции). Территории к югу от 38 параллели попали под влияние США, а к северу – СССР. С 1946 года две части полуострова еще больше начали отдаляться друг от друга. По поручению Сталина в северной части было создано дружественное Советскому Союзу социалистическое государство. Националисты же на юге

оказались включены в управление Американской администрации, в культурном плане ориентируясь на запад и, в частности, на Вашингтон.

Созданная в Северной Корее в 1946 году Трудовая партия быстро превратилась в значимую силу. Правое движение на севере было подавлено, а на юге борьба левой и правой партии продолжалась вплоть до 1947 года, когда в Совете Безопасности ООН было принято решение о проведении на полуострове выборов в Национальное собрание.

СССР не допустил выборную комиссию на север и бойкотировал эту резолюцию, ввиду чего выборы прошли лишь в южной части. Левые силы на юге страны также бойкотировали выборы, так как справедливо считали, что это еще больше разделит страну. Однако их было меньшинство и внести свою лепту они так и не смогли. За выборы выступало лишь правое крыло, от которого и был выбран президент Южной Кореи - Ли Сын Ман. Он с самого начала был убежденным антикоммунистом и симпатизировал идеям капитализма.

К 1948 году на территории некогда единого государства образовалась два новых: РК и КНДР. Примечательно, что с самого начала существования двух Корей в Конституции каждой было прописано, что их территорией является именно весь полуостров.

В 1950-х годах в Северной Корее предводителем народа Ким Ир Сенем началась пропаганда военного объединения Северной и Южной Кореи. В это же время в Южной части полуострова началось подобие гражданской войны. Левые и левоцентристские радикалы проявляли свое недовольство путем демонстраций, терактов, подначивания народа к массовым волнениям. Юг охватила волна восстаний, как военных, так и гражданских. Одним из самых крупных стало восстание на Чеджудо в 1948 году. Это все побудило Ли Сын Мана к радикальным мерам в борьбе с расколом общества. К концу 1948 года был введен закон о «национальной безопасности», который препятствовал свободному распространению коммунистических и социалистических идей северокорейцев с левого крыла. В конечном итоге на южной части полуострова развернулась настоящая охота на ведьм, которая проявлялась в массовых репрессиях и гонениях на коммунистов.

Современные историки утверждают, что в той же Американской военной администрации не было проявления такой жесткости в обращении с левыми силами [3]. Во время начала войны в 1950 году Советский союз выступил на стороне Северной Кореи, хотя и не поддерживал ее открыто. Однако Китай, который отправил тысячи добровольцев для участия в конфликте на стороне КНДР, совсем не стеснялся своего вмешательства. На стороне Южной Кореи выступили США и многие другие союзники-сателлиты Америки, которые и добились отправки миротворческого контингента ООН на полуостров. У северокорейцев на момент начала ведения боевых действий было в личном пользовании более ста советских танков, столько же боевых самолетов, из которых больше половины составили советские ЯКи [4]. Кроме того, у них находилось почти двести тысяч солдат, обученных по большей части советскими инструкторами [5]. Южная Корея обладала меньшим человеческим потенциалом, однако имела при себе примерно тысячу орудий залпового огня и минометов, предоставленных им американцами [6]. Янки также подарили южанам танки, самоходные артиллерийские установки, самолеты и почти сотню боевых кораблей, чем северная сторона похвастаться не могла. Сложилась ситуация, при которой в воздухе и на суше преимущество было у северокорейцев, а на море — у их южных соседей. Но главная проблема заключалась в том, что с обеих сторон воевал один и тот же народ, один этнос.

Война не принесла никакой пользы для Южной или для Северной Кореи. Более того, она поселила в сердцах людей жестокость, отголоски которой дошли и до сегодняшних дней. Северокорейские войска при поддержке СССР и Китая продвинулись вглубь полуострова вплоть до Пусана, который являлся важным стратегическим и логистическим узлом на полуострове. И лишь вмешательство США позволило Южной Корее сохраниться как отдельному государству до наших дней и удержаться южную часть под своим контролем.

Обеими воюющими сторонами нередко применялось насилие и пытки. Северокорейцы массово казнили пленных солдат Америки и миротворцев ООН. Жертвами могло стать и мирное население. Южнокорейцы были не менее жестоки в своих деяниях. Так, например, в городе Сенчён за полтора месяца войны было зверски убито около сорока тысяч человек, что составляло четверть населения города [7]. Способы убийства мирных жителей были ужасающими даже для того времени. Складывалось впечатление, что северокорейцы и южнокорейцы как будто соревновались в том, кто из них выступит более кровожадным в этой войне. Был ли это способ запугивания, или же издержки войны, историки спорят до сих пор. Но стоит заметить, что сегодня свидетельства о военных преступлениях северокорейцев принимаются на мировой арене без каких-либо сомнений [8].

Однако, с другой стороны, приписывание похожих или даже более ужасных случаев со стороны южнокорейцев часто сопровождается демократическими оговорками Запада, такими как «возможно» или «не доказано, но...».

Таким образом, мечты Ким Ир Сена об объединение двух Корей военным путем не осуществились, и война, окончившаяся в 1953 году, лишь больше укоренила разделение полуострова на два государства, как на международной арене, так и в сердцах самих корейцев. Также эта война еще больше создала зависимость для Северной Кореи со стороны СССР и Китая, и Южной Кореи – со стороны США, которая продолжается и по сей день, проявляясь в том, что КНДР сейчас фактически живет на деньги КНР, а армия Южной Кореи до сих пор частично подчиняется генштабу Вашингтона. По окончании войны две части полуострова сильно пострадали в экономическом плане, и союзники были вынуждены помогать им справиться с финансовым разрывом, который образовался после конфликта.

Но здесь следует отметить некую несправедливость, ведь на момент окончания корейской войны СССР еще сам не полностью оправился после Второй мировой войны, а США быстро вернулись в стабильное русло. В итоге при поддержке Запада Южная Корея, которая до этого была преимущественно страной с аграрным сектором, смогла превратить свою экономику в одну из самых быстро развивающихся в мире. Но и в настоящее время есть в южнокорейском обществе люди, которые недовольны таким тесным сотрудничеством с США, заявляя, что это загоняет их страну в очень сильную зависимость.

А вот КНДР так и не посчастливилось создать экономический рай, обещанный коммунистами. Несмотря на поддержку СССР, Северной Корее так и не удалось выйти из «топа» самых бедных стран. Более того, после прекращения поддержки со стороны советов ситуация в КНДР еще больше обострилась вспыхнувшим в стране голодом, который до сих пор считается одним из самых страшных событий, унесшим тысячи жизней.

На сегодняшний день, 38-я параллель представляет собой линию на карте, по которой была создана демилитаризованная зона на расстоянии четырех километров от границ Северной и Южной Кореи. Сегодня на полуострове нет никаких дипломатических отношений между РК и КНДР, также, как и нет признания друг друга как отдельного государства. Южнокорейцы и северокорейцы рассматривают друг друга как оккупантов их родной земли. Ситуацию усугубила также ядерная программа КНДР, которая ввела Северную Корею в состояние холодной войны с Южной Кореей при поддержке коллективного Запада. Нельзя не согласиться с тем, что сегодня по факту нет ни одного государства, которое бы по-настоящему желало объединения на полуострове, поскольку выгоды от этого получится извлечь разве, что корейцам. США вряд ли захочет терять плацдарм и пункт дислокации в Южной Корее на случай непредвиденного конфликта с Китаем. Аналогично и Китай не может позволить себе потерять грозного союзника в лице Пхеньяна. Здесь к вопросу проблематики воссоединения Кореи стоит добавить еще и вопрос о наличии целого ряда государств, которые препятствуют этому, преследуя свои интересы.

На данный момент в истории Корейского полуострова, нет человека, который бы внес в процесс нормализации отношений Северной и Южной Кореи больше, чем Ким Дэ Чжун. Одержавший в 1997 году победу, Президент Южной Кореи, сразу же направил все свои силы на сглаживание углов в конфликте между двумя странами. Его «политика солнечного света»

до сих пор вызывает множество споров. Одни называют это прорывным решением южнокорейского руководства, другие лишь пиар ходом, дабы заработать очки перед народом. Данная стратегия была направлена на налаживание экономического сотрудничества без вмешательства во внутреннюю политику друг друга. По сути, это было направлено на поэтапное планомерное развитие отношений Северной и Южной Кореи. Одной из основных идей было то, что даже при политических разногласиях диалог между Пхеньяном и Сеулом все равно должен сохраняться. И даже северокорейское руководство, которое всегда с опаской и негативом относилось к решениям Южной Кореи об объединении, поддержало старт и развитие данной инициативы. А развитие диалога между КНДР и РК и между КНДР и США подтверждают правильную направленность данной концепции, учитывая, что в то время даже Билл Клинтон одобрил эту идею. Политика давала свои плоды, и даже испытания баллистических ракет и инцидент в Желтом море не приостановили экономическое взаимодействие КНДР и РК. По плану «политики солнечного света» Южной Кореей были проработаны механизмы включения КНДР в международную политическую жизнь, планы развития рыночных экономических механизмов. Уже этот пункт ставит под сомнение построение в стране с упором на социалистическую экономику, рыночных механизмов. Это и является главным препятствием, КНДР давно дала понять, что вовлечение страны в какую-либо инициативу на неравных правах, сразу перечеркивает вовлеченность Пхеньяна. А именно в «политике солнечного света» Северная Корея выступает лишь в качестве инструмента, объекта политики, над которым проводятся манипуляции. По большей части именно из-за этого и прошлое и нынешнее руководство Южной Кореи не понимает, как лучше подступиться к возобновлению проведения данной политики, чтобы она имела значимые плоды. Разные президенты по-разному воспринимали правильность данного пути, что привело к тому, что отношения двух стран то налаживались, то вновь накалялись.

В 2018 году в обществе еще больше засиял луч надежды, когда лидеры двух Корей встретились, пожали руки и даже обговорили план объединения государства мирным путем. Но этим надеждам не суждено было сбыться, когда после подначивания США Южная Корея вновь начала обвинять северного соседа в агрессивных действиях и нежелании сотрудничества, что отдалило перспективу мира, даже заставив Северную Корею убрать из своего внешнеполитического курса пункт о мирном воссоединении.

Стоит отметить, что именно Южной Корее следует добиться стабильности в своем поведении, поскольку наблюдается тенденция, при которой каждое новое правительство в Сеуле то пытается наладить отношения с Пхеньяном, то еще больше их накаляет. Одна из самых насущных внутренних проблем на сегодняшний момент, это проблема разделенных семей. В случаях, когда происходит небольшая разрядка между Северной и Южной Кореей, члены семей из двух государств получают неофициальное разрешение на встречу. Однако даже в таком раскладе страны не осуществляют абсолютно никаких совместных проектов, не разрешен официальный въезд южнокорейцев на Север и северокорейцев на Юг. Исходя из этого главную проблему, которую надо решить мировому сообществу, если оно вправду стремится примирить РК и КНДР, это восприятие общества. Молодежь, которая сейчас растет в Южной Корее, представляет северокорейцев как террористов, которые устраивают дебош на границе, пускают ракеты и пытаются развязать ядерную войну. В представлении северных корейцев, «неправильные» корейцы – это южане, которые во всем слушают Америку. При этом идея воссоединения остается одной из основных национальных идей и Южной Кореи, и Северной Кореи.

Разделенная история Корейского полуострова останется в мировой политике на долгое время. Другой вопрос состоит в том, смогут ли в будущем извлечь урок из того, как политические интересы отдельно взятых сторон могут привести к губительным последствиям для совершенно неповинного населения.

С одной стороны, мы видим Южную Корею, страну, которая смогла словно Феникс возродиться из пепла и стать одной из самых быстро развивающихся стран мира. Сегодня, это страна с хорошо развитыми демократическими институтами, развитой мировой торговлей, страна, открытая к сотрудничеству с другим миром. Как пример, можно привести южнокорейскую музыку, фильмы, и даже кулинарию, которые известны во всех странах, что говорит о сильном культурном влиянии Южной Кореи на международной арене.

На оборотной стороне медали стоит Северная Корея, государство авторитарного толка с абсолютно «голой» экономикой, не способной существовать без помощи третьей стороны. Политическая система страны опирается на культ личности, а население подвергается жесткому контролю, что хорошо позволяет изолировать общество от внешнего мира. В этой стране свое собственное телевидение, свои сайты, много запретов, что еще больше усложняет вопрос о возможном будущем объединении.

Различия в идеологии, отсутствие открытости к диалогу, обострение конфликтов нерегиональных игроков, все это затрудняет процесс переговоров так же, как это было много лет назад. В призме современных вызовов, важно продолжать искать пути разрешения конфликта, пути к открытию нового окна диалога, даже если старые методы не работают. История разделения Кореи должна научить мировое сообщество всем ценностям диалога, взаимопониманию и терпению в решении важнейших вопросов. На сегодняшний день всем мировым лидерам должно быть понятно, что новый мир невозможен без взаимопонимания и учета интересов всех сторон.

Библиографический список

1. Ланьков А.Н. К северу от 38 параллели: Как живут в КНДР / А.Н. Ланьков. – М: Альпина, 2024. – 524 с.
2. Михеев В.В. Объединение Кореи: возможные вызовы и «ловушки» / В.В. Михеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 33 с.
3. Ланьков А.Н. КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи / А.Н. Ланьков. - М: Восток-Запад, 2005. - 448 с.
4. Забровская Л.В. Корейские концепции объединения страны и позиция России / Л.В. Забровская // Россия и АТР. - 2014. - №2. – С.81-90.
5. Ланьков А.Н. Не только кимчхи / А.Н. Ланьков. – М: Альпина, 2020. – 608 с.
6. Джунхуо С. Корея Южная и Северная. Полная история / С. Джунхуо. – М: АСТ, 2021. - 321 с.
7. Курбанов С.А. Очерки истории Северной Кореи / С.А. Курбанов. – СПб: СПбГУ, 2022. - 417 с.
8. Ланцова И.С. политика «солнечного тепла» как модель управления межкорейским конфликтом: истоки, итоги, перспективы / И.С. Ланцова // Вестник МГУ. – 2012. - №6. – С. 91-98

УДК 93/94

*Воронежский государственный технический университет
соискатель кафедры философии, социологии и истории*

*Д.С. Нестреляева
Россия, г. Воронеж
тел. 89612951799;
e-mail: Rigajad@bk.ru*

*Voronezh State Technical University
Applicant of the Department of Philosophy,
Sociology and History*

*D.S. Nestrulyaeva
Russia, Voronezh
tel. 89612951799;
e-mail: Rigajad@bk.ru*

Д.С. Нестреляева

**ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ ПАРОХОДА «АЯКС» В ОКРЕСТНОСТЯХ
ВОДНОГО РАЙОНА СВЕАБОРГА В 1892 Г.
(НА МАТЕРИАЛАХ СВЕАБОРГСКОГО ВНЕОКРУЖНОГО ОБЩЕСТВА
СПАСЕНИЯ НА ВОДАХ)**

Многие водные районы Балтийского моря и Финского залива отличаются сложными навигационными и погодными природными условиями. Для снижения статистики человеческих жертв от водной стихии общественными деятелями и представителями местной администрации, как филиал Всероссийского общества спасения на водах, было организовано Свеаборгское внеокружное общества спасения на водах. К сожалению, атаманы и матросы на свеаборгских спасательных постах и станциях не всегда могли предотвратить столкновения и крушения пассажирских и грузовых судов. Одним из таких случаев стала трагическая гибель парохода «Аякс» в окрестностях водного района Свеаборга. Материалы и отчеты Свеаборгское внеокружное общества спасения на водах детально анализируют крушение парохода «Аякс» произошедшее в 1892 г. После чего, руководители отчеты Свеаборгского внеокружного общества спасения на водах дают аргументированные советы для того, чтобы подобных катастроф не случилось в будущем.

Ключевые слова: Всероссийское общество спасения на водах, Свеаборгское внеокружное общество спасения на водах, общественные деятели, Финский залив, общество Балтийское море, представители местной администрации, трагическая гибель, пароход «Аякс», дореволюционная Россия, природные условия, навигационные условия, спасательные станции, спасательные посты, спасательные полустанции, атаманы, матросы, общественная жизнь, уставные документы, человеческие жертвы, Гельсингфорс, непроницаемая переборка, железное судно.

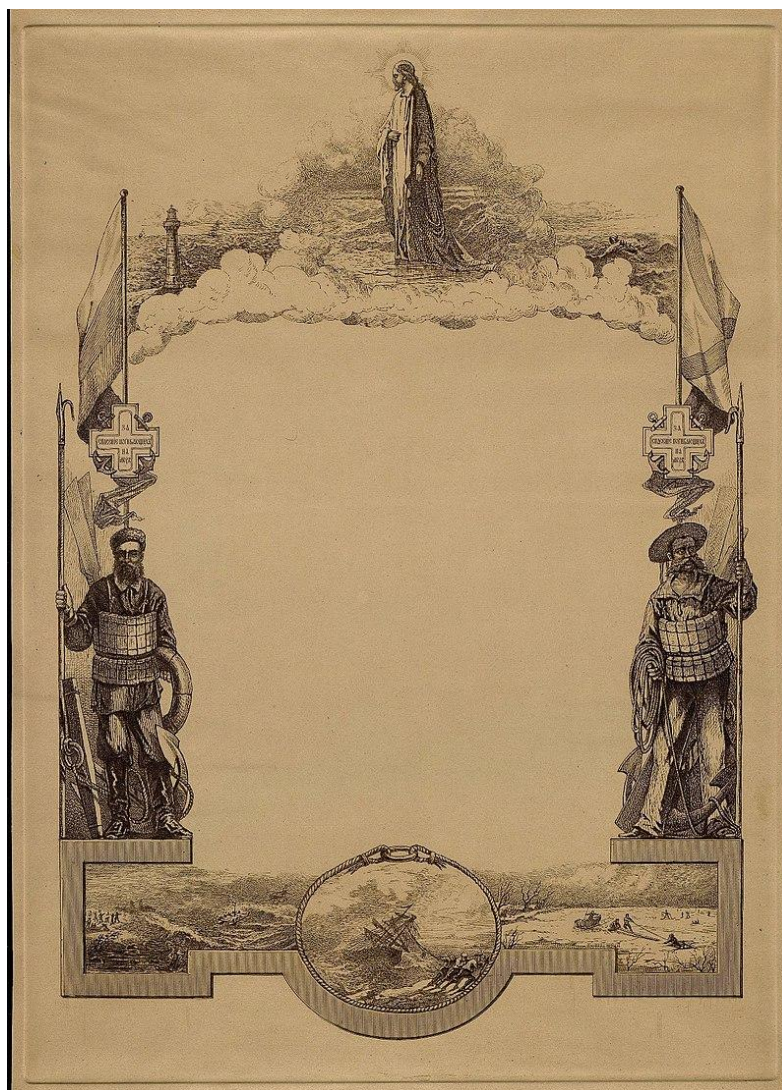
D.S. Nestrulyaeva

**THE TRAGIC DEATH OF THE STEAMER AJAX IN THE SURROUNDING AREA IN
1892, THE WATER DISTRICT OF SVEABORG WAS FOUNDED.
(BASED ON THE MATERIALS OF THE SVEABORGSKY OUTSIDE THE DISTRICT
WATER RESCUE SOCIETY)**

Many water areas of the Baltic Sea and the Gulf of Finland are characterized by difficult navigational and weather conditions. In order to reduce the statistics of human casualties from the water element, public figures and representatives of the local administration, as a branch of the All-Russian Water Rescue Society, organized the Gothenburg Non-circumferential Water Rescue Society. Unfortunately, the chieftains and sailors at the Gothenburg rescue posts and stations could not always prevent collisions and wrecks of passenger and cargo ships. One of these cases was the tragic death of the steamer Ajax in the vicinity of the water area of Sveaborg. Materials and reports of the Gothenburg Non-Circumferential Water Rescue Society analyze in detail the wreck of the steamer Ajax that occurred in 1892. After that, the heads of the reports of the Gothenburg Non-circumferential Water Rescue Society give reasoned advice so that such disasters do not happen in the future.

Key words: All-Russian Water Rescue Society, the Sveaborg Non-circumferential Water Rescue Society, public figures, the Gulf of Finland, the Baltic Sea Society, representatives of the local administration, tragic death, the Ajax steamer, pre-revolutionary Russia, natural conditions, navigation conditions, rescue stations, rescue posts, rescue half-stations, atamans, sailors, public life, statutory documents, human casualties, Helsingfors, impenetrable bulkhead, iron vessel.

В 1872 г. в дореволюционной России создали Всероссийское общество спасения на водах. У общественной организации появлялись филиалы в крупных губернских городах. Само общество привлекло в свои ряды чиновников, общественных деятелей меценатов и представителей духовенства. (Рис. 1)

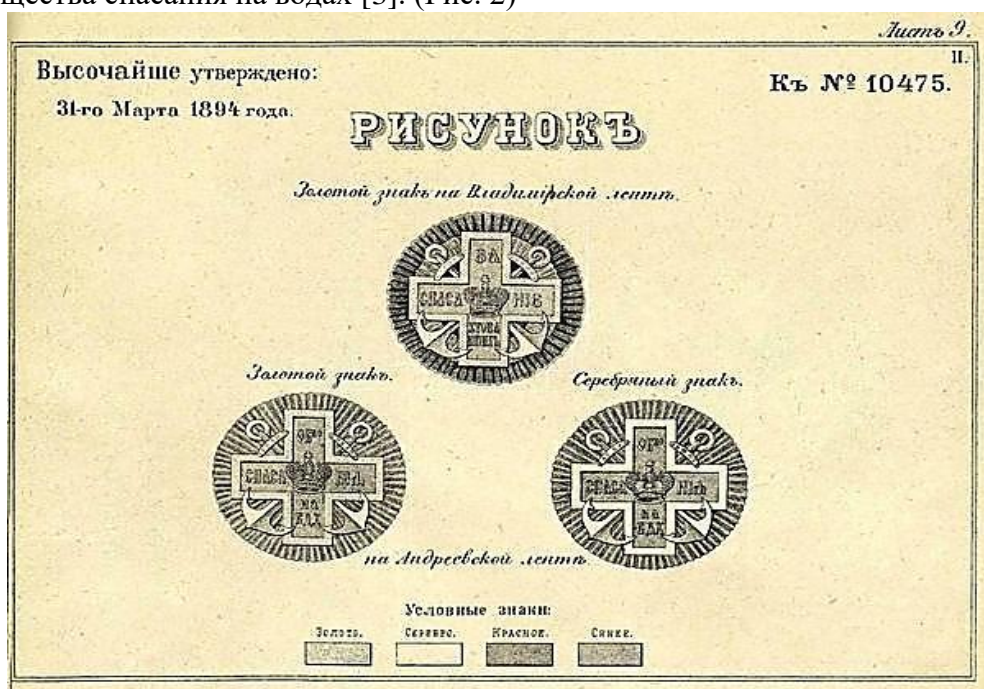

**Рамка наградного листа
«За спасение погибающих на море» в конце XIX в.**

В современной российской историографии существует ряд работ и публикаций рассматривающих историю деятельности дореволюционных окружных обществ спасения на водах.

Например, А.М. Безуглов проанализировал повседневную деятельность Воронежского окружного общества спасения на водах [1] [2, с. 26 – 33]. Недавно вышел ряд научных статей С.А. Воробьевой исследовавших становление [5, с. 63 – 69] и развитие [4, с. 225 – 232] Тифлисского окружного общества спасения на водах.

Нельзя не отметить, что научная работа Н.В. Гавриковой завершилась защитой диссертацией об обществах спасения на водах Москвы и московского региона [6]. В свою очередь, А.М. Безуглов тоже защитил кандидатскую диссертацию по истории Воронежского окружного общества спасения на водах [3]. (Рис. 2)

Знаки общества спасения на водах

Конечно, крепость Свеаборг нельзя не отнести к крупным городам Российской Империи. Однако в 1883 г. при поддержке начальника гарнизона крепости Свеаборг формируется Свеаборгское внеокружное общество спасения на водах. Внеокружной общественной организация называлась из-за того, что крепость Свеаборг не являлась административным центром Финляндского генерал-губернаторства. (Рис. 3)

Вид крепости Свеаборга и Гельсингфорса

Надо отметить, что атаманы и матросы общественной организации содержали, нередко на собственные денежные средства, спасательные станции, посты и полустанции. Важным моментам в работе спасательных постов станций стало не только спасение утопающих, но проведение пассажирских и грузовых судов по безопасным фарватерам в сложных навигационных условиях Финского залива и Балтийского моря. Атаманы и матросы Свеаборгское внеокружное общество спасания на водах неоднократно за свою профессиональную деятельность удостоивались наград Всероссийского общества спасания на водах. (Рис. 4)

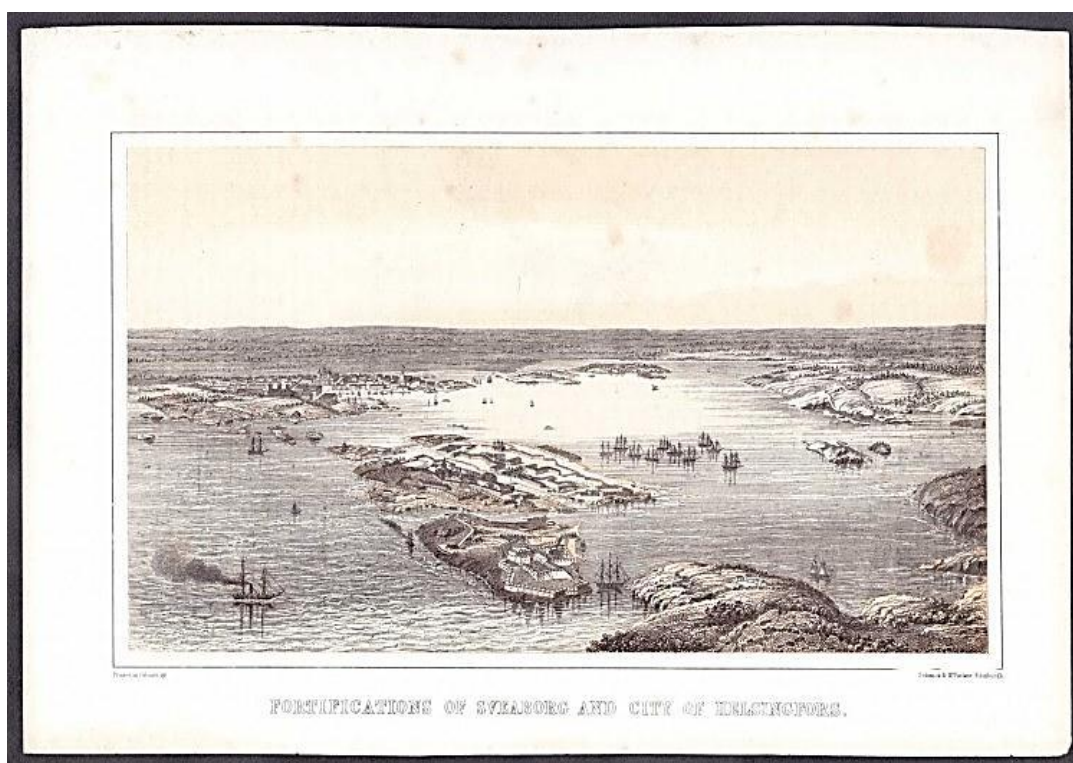

Медаль общества спасания на водах

При этом не всегда спасателям Свеаборгского внеокружного общества спасания на водах удавалось во время прийти на помощь пассажирским и грузовым пароходам в 1892 г. произошло трагическое крушение парохода «Аякс», о котором сохранились документальные свидетельства в материалах, относящихся к истории Свеаборгского внеокружного общества спасания на водах.

Пароход «Аякс» возвращался из населенного пункта Борго с празднования пятидесятилетия местной пожарной команды в Гельсингфорс. На борту пассажирского судна находились восемьдесят человек. В окрестностях водного района крепости Свеаборг пассажирский пароход «Аякс» столкнулся в тумане с другим пароходом «Руненберг» и развалился на две части. Все люди находящиеся в каютах парохода «Аякс» сразу утонули. Экипаж парохода «Аякс» не смог из-за быстрого времени затопления судна оказать помощь пассажирам [7, с. 28].

Среди погибших от водной стихии было значительное количество детей и женщин. Полиции в Гельсингфорсе пришлось разогнать толпу на пристани, требовавшую выдачи тел погибших. В столкновении обвинили капитана парохода «Руненберг». (Рис. 5)

Общий вид на крепость Свеаборг

По мнению, руководства и членов Свеаборгского внеокружного общества спасания на водах трагическая гибель пассажирского парохода «Аякс» произошла из-за отсутствия на судне водонепроницаемых переборок. Правление Свеаборгского внеокружного общества спасания на водах сделало следующие выводы:

1. Необходимо строить пассажирские и грузопассажирские суда с водонепроницаемыми переборками.
2. Надо проверять на судостроительных заводах качество водонепроницаемых переборок на спускаемых на воду пассажирских и грузопассажирских судах.

Таким образом, создание Свеаборгского внеокружного общества спасания на водах в 1883 г. было оправдано сложными навигационными и природными условиями Финского залива Балтийского моря. Подтверждением данному факту служит трагическая гибель экипажа и людей пассажирского парохода «Аякс» при столкновении в другом судном.

Библиографический список

1. Безуглов А.М. Воронежское окружное общество спасания на водах (1875 – 1917 гг.). – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. – 104 с.
2. Безуглов А.М. Первое десятилетие деятельности Воронежского общества спасания на водах // Евразийский форум. – 2015. – № 1. (7). – С. 26 – 33.
3. Безуглов А.М. Формирование и деятельность Воронежского окружного общества спасания на водах (1873 – 1917 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 – Отечественная история / А.М. Безуглов. – Курский государственный университет. – Курск, 2021. – 215 с.

4. Воробьева С.А. Награды спасателей на воде в городе Тифлисе во второй половине XIX – начале XX века / С.А. Воробьева // Известия Юго-западного федерального университета. Серия: История и право. – 2021. – № 6. – Т.11. – С. 225 – 232.

5. Воробьева С.А., Третьяков А.В. Создание Тифлисского окружного общества спасания на водах / С.А. Воробьева., А.В. Третьяков // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – № 4 (60). – С. 63 – 69.

6. Гаврикова Н.В. История становления и развития службы спасения на водных коммуникациях России в 1875 – 2000 гг.: на материалах Москвы и Московского региона: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 – Отечественная история / Н.В. Гаврикова. – Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – Москва, 2008. – 23 с.

7. Гибель парохода «Аякс» близ Свеаборга // Спасание на водах: орган состоящего под Высочайшим покровительством Ее Императорского Величества государыни императрицы Марии Федоровны Общества спасания на водах. – 1892. – № 8. – С. 28 – 29.

УДК 94(47)+81'373.21

Воронежский государственный технический университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
композиции и сохранения архитектурно-
градостроительного наследия
П. А. Попов
Россия, г. Воронеж,
тел. 8-903-858-18-55;
e-mail: pavelpopov3000@mail.ru

Voronezh State Technical
University
PhD in History, Associate Professor of Composition and
Preservation of Architectural and Urban Heritage
Chair
P. A. Popov
Russia, Voronezh,
tel. 8-903-858-18-55;
e-mail: pavelpopov3000@mail.ru

П.А. Попов

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЛЕТОПИСНЫХ БИТВ НА РЕКАХ КАЯЛЕ И КАЛКЕ НА ОСНОВЕ КОМПЛЕКСНОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОДНОКОРЕННЫХ ГИДРОНИМОВ ОТ ДОНА ДО ДНЕПРА

Локализация летописных рек *Каяла* (битва 1185 г. отражена в «Слове о полку Игореве») и *Калка* (битва 1223 г.) впервые осуществлена в результате комплексного изучения древних гидронимов на обширной юго-западной территории России. Подвергнуты критической ревизии предыдущие версии об этимологиях гидронимов *Оскол*, *Ворскол* (*Ворскла*), *Калитва*, *Чёрная Калитва*, *Кальмиус*, *Кальчик* и др. Исторические факты увязаны с природно-географическими данными. Показано, что названия с общим корнем *кол* (*кал*) характеризуют сколы берегов: в одних случаях – меловых, в других – каменистых. *Каяла* с высокой вероятностью впервые локализована как нынешняя *Чёрная Калитва*: имеем единый смысл тюркского и русского названий и непротиворечивость летописных фактов. Объяснена ситуация в бассейне р. *Кальмиус*, где текли реки *Калки* (*Калы*).

Ключевые слова: топонимика, топонимия, гидронимия, историческая топонимика, историческая география, комплексный подход в топонимических исследованиях, топонимика России, «Слово о полку Игореве», *Каяла*, *Суурлий*, *Сальница*, *Калка*, *Оскол*, *Ворскол*, *Ворскла*, *Калитва*, *Чёрная Калитва*, *Россось*, *Кальмиус*, *Кальчик*, битва на Каяле, битва на Калке.

Р.А. Попов

LOCALIZATION OF THE CHRONICLE BATTLES ON THE KAYALA AND KALKA RIVERS ON THE BASIS OF A COMPREHENSIVE TOPONYMIC ANALYSIS OF SINGLE-ROOT HYDRONYMS FROM THE DON TO THE DNIEPER

The localization of the chronicle rivers *Kayala* (the battle of 1185 is reflected in the "Word about Igor's Regiment") and *Kalka* (the battle of 1223) was first carried out as a result of a comprehensive study of ancient hydronyms in the vast southwestern territory of Russia. The previous versions on the etymologies of the hydronyms *Oskol*, *Vorskol* (*Vorskla*), *Kalitva*, *Chernaya Kalitva*, *Kalmius*, *Kalchik*, etc. have been critically revised. Historical facts are linked to geographical data. It is shown that names with a common root *kol* (*kal*) characterize the chips of the chalk shores or rocky shores. *Kayala* is localized for the first time as the current *Chernaya Kalitva* with high probability: we have a common meaning of the Turkic and Russian names and the consistency of the chronicle facts. The situation in the *Kalmius* River basin, where the *Kalks* (*Kals*) rivers flowed, is explained.

Key words: toponymy, hydronymy, historical toponymy, historical geography, an integrated approach in toponymic research, toponymy of Russia, "The Word about Igor's regiment", *Kayala*, *Suurliy*, *Salnitsa*, *Kalka*, *Oskol*, *Vorskol*, *Vorskla*, *Kalitva*, *Chernaya Kalitva*, *Rossosh*, *Kalmius*, *Kalchik*, the Battle of Kayala, the Battle of Kalka.

Ранее автор данной статьи выделял стадии развития исторической топонимики России и, отмечая крупные успехи науки на втором этапе – в советском периоде с 1920-х по 1980-е гг., – тем не менее, отмечал и объективные недостатки ее развития. Несмотря на декларированный комплексный подход с использованием географических, исторических и лингвистических методов, на практике часто доминировала первичность лингвистического анализа, с «гадательной» методикой расшифровки древних гидронимов – лишь по их внешней схожести со словами из словарей иностранных языков, в отрыве от физико-географических данных, а иногда и от исторической картины. Те же пороки топонимики, к сожалению, остались и на современном, четвертом, этапе, что усугубляется массовым тиражированием в социальных сетях давно устаревших сведений, взятых из топонимических словарей [1].

В случае реального применения комплексного топонимического анализа выводы о наиболее вероятных этимологиях влияли бы и на разрешение исторических вопросов. Однако слабость топонимического аспекта хорошо видна на примере изучения знаменитого памятника истории и литературы «Слово о полку Игореве», где фигурирует р. *Каяла*, на которой дружина князя Игоря Святославича потерпела поражение от половецкого войска. В Ипатьевской летописи под 1185 г. также есть фраза «*на реце Каялы*», однако по поводу местонахождения летописной реки многие годы ведутся не прекращающиеся и не приводящие к приемлемому результату споры, причем разброс мнений огромен: от суждений о вымышленности названия реки и неисторичности якобы поздней вставки в летопись – и до поисков реальной реки на самых различных территориях. Есть даже обстоятельные энциклопедические справочно-обзорные статьи (автор А. Г. Бобров), посвященные вероятным прототипам *Каялы*, а также соседним рекам *Сюурлий* и *Сальница*, упомянутым в летописи [2. Т.1.с.31–36; Т.4.с.263–267; Т.5.с.89–91].

При локализации места битвы на р. *Калке*, где в 1223 г. монголо-татарские войска одержали верх над объединенными русскими и половецкими силами, разногласий мало: большинство исследователей сходятся на районе Приазовья, так как в летописях есть более четкие топографические привязки. Однако интерпретации названия не увенчались общепризнанным мнением.

Очевидно, что везде нарушен один из важных методов комплексности: не ведется широкий поиск топонимов-аналогов с одинаковыми или созвучными корнями, не выясняются природно-географические этимологии как основополагающие для древних гидронимов. И это при том, что исследователи уже давно указывали на реальные реки с названием «Каяла», которое топонимист А. И. Попов произвел от тюркского слова *kajaly* – «скалистая» [3.с.45–189]. Неопровержимо, что тюркские и славянско-русские топонимы часто подобны, они порой даже общие благодаря тесному контакту народов. Значит, требуется комплексное рассмотрение топонимов, которые могут иметь славянский корень *кал* (*кол*) в общем глагольном значении «колоть, раскалывать» и аналогичный тюркский корень. В данной статье заполняется существенный топонимический провал по этой проблеме.

Еще в 1812 г. филолог А. Х. Востоков, один из основоположников русской топонимики, предлагал поставить в единый ряд топонимы, имеющие похожие буквы в завершении: *Оскол*, *Ворскла* (ранее *Ворскол*), *Деркул*, *Ингул*, *Телигул* и др. [4]. Тем самым он дал толчок будущему лингвистическому направлению топонимики. К сожалению, отсюда проистекают и лингвистические злоупотребления анализом схожих топонимических формантов вместо поиска географического смысла корней и соответствующих аналогов. А. Х. Востоков первый направил по ложному следу многих искателей этимологий, ибо они добавляли в тот же ряд *Воргол*, *Псёл*, *Хорол* и др., внимая лишь созвучиям и ища «речные» суффиксы, но игнорируя, что русские корни многих существительных мужского рода, не обязательно топонимов, завершаются на *ол* (*ёл*): пол, стол, помол, подол, осёл, орёл и т.д. Да и с корнем *кол* их немало с самыми разными приставками: скол, укол, откол, прокол, раскол, прикол... Да и в других языках всегда можно найти не какие-либо особые топонимические

форманты, а одинаковые суффиксы и окончания и просто одинаковые сочетания звуков в корнях.

В конце концов попытки увидеть в завершениях гидронимов особый формант днепровского междуречья привели в тупик. К сожалению, среди сторонников такого поиска был и крупный советский топонимист В. А. Никонов [5.с.90]. Впрочем, здесь необходимо уйти от критики к пониманию того, что научный уровень своего времени, своего этапа топонимики не мог перешагнуть ни один из ученых. Не побывав на реках, не увидев воочию их реальные географические отличия и не взаимодействуя с учеными, которые могут увидеть, трудно приблизиться к истине в расшифровке древних названий. Современный этап, характеризующийся повышением уровня информативности, позволяет приступить если не к полному комплексному анализу, то к его результативному началу, и далее давайте приступим.

Оскол – река в Курской, Белгородской, Харьковской областях, левый приток (главный) реки *Северский Донец* (длина 472 км). До 1928 г. часть реки относилась к юго-западной территории Воронежской губернии. На Осколе расположены г. *Старый Оскол*, г. *Новый Оскол*. Несложное, на первый взгляд, название, сначала вроде бы нашло объяснение в словарях маститых филологов, а затем стало удивительным препятствием для ведущих советских топонимистов.

Река Оскол впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1185 г. при описании битвы, широко известной из «Слова о полку Игореве». Князь Игорь, отправившись в поход, дождался у Оскола брата Всеволода, шедшего из Курска: «...*И то рекъ, перебрете Донъць, и тако прииде ко Осколу, и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ бяше шель инемъ путемъ ис Курьска*» [6.с.431]. Таким образом, гидроним был известен русским с глубокого средневековья. Понятно, что в течение веков русский язык претерпевал значительные изменения, поэтому и форма, и смысл слова сейчас уже воспринимаются не в точности так, как оно было понятно древним людям. В «Книге Большому Чертежу» (1627 г.) гидроним тот же: «*А по левой стороне Муравскои дороги вытекла река Оскол...*» [7.с.61].

Вопреки идее А. Х. Востокова, И. И. Срезневский приводил совершенно идентичное русское слово «оскол» в значении «скала» [8.Т.2.с.719]. В.И. Даль ставил равенство между словами «оскол» и «осколок» – «*отколота, отломанная часть чего-либо*» [Т.2.с.1806], но, подчеркну, не считал столь прямолинейно, как И. И. Срезневский, что это «скала». М. Фасмер писал о гидрониме Оскол, опираясь на значение, указанное И. И. Срезневским, как на вероятное, и сюда же присовокуплял родственные понятия «осколок, скала, щель», а также названное иностранными авторами польское *oskola* в значении «сбор березового сока с помощью специальных надрезов» [10.Т.3.с.160]. Однако В. А. Никонов в 1966 г. почему-то заявил, что получающееся старославянское значение – «испещренная расщелинами местность» – «*маловероятно*», не делая пояснений маловероятности. В целом справка В. А. Никонова максимально непредвзята и поэтому чрезвычайно противоречива. С одной стороны, он счел, что «*происхождение названия то же, как и Ворскла (Воргол) и других, образующих значительный ареал в междуречье Днепр – Дон*» – по А. Х. Востокову, с другой – что «*ни значение, ни языковое происхождение не установлены, неясна и связь с группой -ол (Псел, Хорол) или с тюркским -кол, -гул «озеро, река» (Ингул, Тилигул)*» [5.с.314]. И поэтому в последующие десятилетия безрезультатный поиск этимологии пошел по пути розыска лингвистических аналогий с завершающим формантом – то ли *-ол*, то ли *-кол*, – но не по путям определения главной географической сущности реки и уточнения датировок гидронимов в обозначенном ареале. Увы, таков исход всех камеральных исследований в их отрыве от комплексности.

В. А. Прохоров в 1977 г. цитировал В.А. Никонова, не выдвигая своей версии [11.с. 133–134]. Г. П. Смолицкая констатирует, что «*существует несколько версий <...> разной степени аргументированности и достоверности*». Она пересказывает В. А. Никонова, затем упоминает мнение А. И. Попова о возможной паре *Оскол* и *Ворскла (Ворскол)* аналогично

паре *Ломов* и *Нарломов*, где виделись мордовские корни *вир* (*вор*) и *нор* (*нар*) и, наконец, останавливается на сообщении на «аргументированной», по ее мнению, версии филолога И. Г. Добродомова (1986). Будто бы здесь формант *-кол* – «бродячее» слово, широко представленное в языках Северной Европы в первую очередь в значении «река»: *маньчжурское голо, монгольское гол, бурятское гол, калмыцкое пол и др.*», а первая часть *Оск* – якобы искаженное название ираноязычного народа аланов *ас*, или *яс*. Выходит, что гидроним порожден тюрками для указания на реку соседей, ирано-аланов – «река ясов». Сегодня пора заметить, что столь ужасная «гибридная» версия может быть порождена исключительно кабинетными умозрительными теоретизированиями в отрыве от каких бы то ни было документальных аргументов насчет того, когда именно, как именно и на каком конкретно месте могли создать такую искривленную словесную конструкцию разноязычные народы (нужных источников и быть не может за давностью лет). Самое ужасное, что аргументом для лингвистов становится не проживание ясов на Осколе – напротив, гипотетическая «ясская река» «свидетельствует о проживании этого народа в долине Оскола» [12.с.249–250]. Е. М. Поспелов кратко пишет о «реке осов», не называя автора данной мысли [13.с.419]. Современным белгородским краоведам остается лишь списать на иноязычность всё непонятное: «Позже славянское население нашего края восприняло иноязычные гидронимы, адаптировало их к своей фонетической системе <...> Таковы названия многих рек в Белгородской области: *Ворскла, Валуй, Короча* <...> *Оскол* <...> и др.» [14.с.15].

Давайте же посмотрим с высоты сегодняшней науки, какова природно-географическая сущность реки. Филологическим фантазиям очень недостает хотя бы одного описания долины. А ведь это сделано еще в 1897 г. в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, где употреблено слово «скалы»: «*Оскол весьма живописен: не имея нисколько суровости характера от скал в берегах, река окаймлена высокими обрывистыми берегами, часто меловыми, иногда из пестрых песков и мергелей. Особенности крутизны находим по реке Апочке в верхнем течении Оскола; затем в средней части <...> Крупные высоты (до 100 саж.) окаймляют течение реки Оскол у города Старого Оскола. Высоты эти тянутся на 40 верст <...> При вступлении Оскола в Воронежскую губернию есть еще высоты в 80–90 саж. <...> Местность в Бирючском уезде становится очень пересеченной <...> Ниже Валук на 15 верст снова подходят живописные холмы в 85 саж. и сжимают русло, подступая к реке: разница высот 40 саж. (на харьковской границе). <...> Оскол течет среди сплошных меловых образований, покрытых здесь олигоценным ярусом снежно-белых песков...» [15.Т.22.с.279].*

Конечно, любого топонимиста сразустораживает предполагаемое тождество *река* = *скала*, но надо видеть воочию все ее берега (это очень впечатляющие виды), чтобы понять, что русский корень *кол* здесь, с большой вероятностью, имел несколько другой и вполне подходящий смысл. Долина реки вынула оскол, то есть громадный осколок, из меловых отложений. Это объект, не тождественный скале, но объект, который осколил берега. Итак, этимология гидронима, очевидно, такова: «река, которая создала оскол берегов». Получаем в гидрониме две приставки: *о-* и *-с-*. Очевидно, в народных понятиях мел воспринимался как камень, в отличие от черноземов и песков, которые реками плавно размывались.

Удивительно, а впрочем, и закономерно: оказывается, правильная, на наш взгляд, этимология слова «Оскол» была указана опытным географом Ф. Н. Мильковым еще на втором этапе развития топонимики – в 1987 г. В брошюре, посвященной ландшафтам, он обращал внимание на главную красоту Оскола (да и как можно, в конце концов, ее игнорировать?): «*Справа и слева от реки то прямо над ее прозрачными водами, то отодвинутые от нее поймой и полосой надпойменных террас высятся крутые меловые склоны <...> Из-за меловых обрывов получила и свое название река...*». Только Ф. Н. Мильков почему-то выбрал из В. И. Даля слово «оскалина» (не «оскол») – «*на горе, голое, ободранное, облупленное место*» [16.с.58]. Увы, несмотря на декларирование комплексного подхода, такие мнения географов не нашли отражения в топонимических словарях, а

географы и не стремились изменить догмы лингвистов. Научные школы развивались, редко пересекаясь.

В простом славянском происхождении гидронима еще больше убеждает поиск природно-географических аналогов.

Ворскла (ранее Ворскол) – река, левый приток р. *Днепр*, в Белгородской области России и на Украине в Сумской и Полтавской областях (длина 464 км). Ныне впадает в Каменское (бывшее Днепродзержинское) водохранилище.

Река упоминается в русских летописях при описании событий XII в. В Московском летописном своде конца XV в. читаем, что в 6613 (1105) г. русские князья «... възлождыше надежду на бога поидоша въ 2-ю недѣлю поста, а в пятокъ быша на Хоролъ, а в недѣлю крестную выидоша на поле и стаа на рѣцѣ Гѣлтѣ, ожидающе вои, и оттуду доидоша Върьскла» [17.с.26]. В именительном падеже получаем: *Върьскол*. В Ипатьевской летописи те же события датированы 6619 (1111) г.: князья «...поидоша возложивше надежду на Бога <...> и поидоша въ 2 недѣлю поста, а в пятокъ быша на Сулъ; в субботу поидоша и быша на Хоролъ, и ту и сани пометаша; а в неделю поидоша, в ню же хрестъ цѣлуютъ, и приидоша на Пслъ и оттуди стаа на рѣцѣ Голтъ, ту пождаша и вои, и оттудо идоша Върьскла...» [6.с. 192]. В той же летописи под 6682 (1174) г.: «Того же лѣта, на Петровъ день, Игорь Святославичъ, совокупивъ полкъ свои, и гъа в поле за Ворьсколь, и стрѣте Половьцѣ...» [6.с.387]. Википедия дает неточный пересчет последнего года на современное летосчисление – не 1174, а 1173-й, да к тому же утверждает, что якобы только с этого года и встречается название в письменных источниках.

«Книга Большому Чертежу» еще указывает название в мужском роде: «...А Ворскол река вытекла ис под Муравския дороги и пала в Днепр...» [7.с.62]. Позже название закрепилось в женском роде, более подходящем объекту «река».

М. Фасмер в 1950-е гг. полагал, что *Ворскла* происходит от древнерусского слова «вѣркати», «вѣрчати», то есть «ворчать» [10.Т.1.с.356], но он не проверял в натуре, «ворчит» ли, то есть шумит, журчит ли эта река как-то так особенно, чтобы древние люди считали «ворчание» ее главным свойством. Все-таки надо отдать должное М. Фасмеру: тот хорошо понимал, что в древности многие реки были наречены по их природному «поведению», что и подтверждается сегодня (Ведуга – «ведёт», Матыра – «мотается» и т. д.).

Академик Б. А. Рыбаков проявил себя в вопросе о Ворскле прежде всего как историк, игнорируя ряд лингвистических и географических требований. Однако именно он в 1982 г. обратил внимание на то, что раннее написание слова «Ворьсколь» явно наводит на мысль о его двух корневых составляющих. Он счел, что название «очень хорошо этимологизируется» следующим образом: праславянское *ворь* – «ограда», *сколь* – сокращение от *сколот*, а в целом – «Ограда сколотов» [18.с.308]. Сколоты – самоназвание скифов. Б.А. Рыбаков считал, что они были праславянами. По мнению автора, *Ворскла* была «пограничная праславянская река», отделявшая сколотов от номадов. Также рекой сколотов он считал и реку *Оскол*. Сейчас общепринята точка зрения на то, что скифы принадлежали к ираноязычным народам, не славянским. Жаль, что книга Б. А. Рыбакова переиздается в стереотипном виде, лишенном каких бы то ни было комментариев [19.с.197]. Дело даже не в скифах, а в том, что если древние славянские (и не только славянские) гидронимы состоят из двух корней, то первая часть слова обязательно является определением ко второй, основной части термина. Если взять рыбаковские слова «ограда» и «сколот», получим «ограждающий сколот» (или «огражденный сколот»), а не «ограда сколотов». Почему «сколот» вдруг сокращен до «скол», разумеется, тоже неясно.

Специалист по мордовским этимологиям А. И. Попов предполагал такую же этимологию в топонимах, начинающихся на *вор-* (Ворскол, Воргол, Воронеж), выдвигая мысль (но не более того) о том, что мордовский корень *вир* в значении «лес» мог трансформироваться в *вор*. В случае с Ворсклой он пояснял, что еще в XIX в. на этой реке было много лесов. Но как истинный ученый он подчеркнул: «Разумеется, такое

предположение требует еще тщательной проверки по другим местным названиям...» [20], а впоследствии свою мысль не развивал.

С 1921 г. существует ираноязычная версия, зачинателем которой был историк и филолог А. Л. Погодин. Он толковал «ворс» как осетинское слово в значении «белый». В 1987 г. версию развил филолог И. Г. Добродомов. Характерно, что этот автор даже не пытался рассмотреть природно-географические характеристики реки и без объяснений отверг мнение украинского топонимиста А. С. Стрыжака о том, что *Ворскла* берет начало на территории, тяготеющей к *Белгороду*, к белым (меловым) почвам (но есть ли мел на самой *Ворскле*, не проверил никто!). И. Г. Добродомов утверждал (даже без оговорки «предположительно» и даже со странным усилением «несомненно»), что «иранское происхождение и связь с прилагательным со значением «белый» <...> несомненны, только указывает она не на физико-географическое своеобразие реки, а на именуемый <...> «белый» этнос (народ), который проживал в районе Поворскля. Дело в том, что иранское прилагательное употреблялось в качестве названия народа аорсы, жившего в Северном Прикаспии на рубеже нашей эры и вошедшего во II в. н. э. в состав сарматских племен во главе с аланами». Однако в статье не названы чьи-либо исторические или археологические исследования. А вторая часть гидронима, по И. Г. Добродомову, будто бы «имеет характер бродячего слова, широко представленного во многих языках Северной Евразии: корейском, маньчжурском, солонском, монгольском, калмыцком, а также в тюркских языках, где слово представлено уже с древнетюркской эпохи в форме *qol* «долина; вади». Тюрки якобы дали название «Ворскол» реке аорсов (наконец-то добавлено слово «видимо») [21]. Таким образом, здесь подхвачена идея А. З. Востокова о поиске гидронимического форманта *-кол*, но процитированные выводы – не только бездоказательны, со многими натяжками, но и с недопустимыми нарушениями комплексного подхода в топонимике. Автора оправдывает лишь всеобщая социализация этимологий в советское время.

И опять констатируем насущную задачу: пора ревизовать такое стремление к аффиксу *-кол*, которое много лет затмевает географическую составляющую комплексного подхода и игнорирует приоритетный принцип наименования рек древним человеком, а именно: обозначить реки как природные ориентиры. И вновь замечаем, что в топонимических справочниках последних лет до ревизий очередь, увы, не дошла. Возможно, продолжает сказываться постсоветская мода на поиски более древних корней топонимов, иранских или вообще индоевропейских. Г. П. Смолицкая среди всех версий выделяет версию И. Г. Добродомова, останавливаясь на ней более подробно [12.с.61]. Е. М. Пospelов только одну эту версию и приводит [13.с.147]. Получается, что подлинно научных ориентиров вообще нет?

Из книги в книгу переходит народная легенда о реке, ставшей «вором»: Петр I в дни Полтавской битвы, переправляясь через *Ворсклу*, будто бы уронил в воду монокль и воскликнул: «*Вор стекла (скла)!*». Все понимают, что это выдумка, но более красивой, а главное, одновременно правдивой, истории в книгах не разыскать...

Одна из причин многолетнего топонимического «тупика» – отсутствие в широком доступе для историков и лингвистов такой литературы, которая давала бы научную географическую характеристику реки. Но ведь давно существовала возможность воспользоваться опять же словарем Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, чтобы понять, что на *Ворскле* есть высокий берег, местами с выступами мела, и именно в этом ее схожесть с рекой *Оскол*:

«Основною коренною породою бассейна р. Ворсклы является мел, который, часто обнажаясь в Псёле (Псле), почти не показывается над уровнем р. Ворсклы. Он представляет круто наклоненную к юго-западу поверхность, вместе с которой падают и все остальные пласты <...> Сверху пласты эти покрываются ярусом глин <...> Река прорезает эти пласты так, что домывается до мела (при уровне 70–80) у Борисовки; далее русло р. Ворсклы падает медленнее падения пластов, поэтому мел уходит под воду <...>

Река Ворскла <...> несудоходна и не сплавная, так как маловодна. Маловодность ее быстро увеличивается за последние годы вследствие усиленной вырубki остатков прежних крупных лесов, которые, по-видимому, достигали громадных размеров; отдельные представители сохранившихся колоссов дубов, вязов, кленов указывают на утерянное богатство» [Т.7.с.233–234].

На современном этапе помощь топонимике в познании географии поступает, как и во многих других случаях, от очевидцев – не маститых ученых, но местных краеведов, которые фиксируют внешний облик реки и распространяют информацию в сетях. Из заметки на сайте краеведческого музея Грайворонского района Белгородской области (без подписи автора): *«Ворскла всегда имела достаточно характерное строение берегов, которое сохраняется и по сей день. Её правый берег, в отличие от пологого левого, почти повсеместно высок и обрывист, и эта крутизна в древности являлась весьма труднопреодолимой преградой для степных конников».* Поэтому, по мнению музея, наиболее правдоподобное объяснение названия таково: «скалистая преграда», с учетом древнеславянских слов «вър», «вор» – «защита, ограда» и «скол» – «скала» [22]. Несомненно, что эта версия – самая близкая к истине. Только в нее необходимо внести некоторые поправки.

Во-первых, в составном славянском гидрониме необходим порядок слов, о котором уже говорилось выше: *слово, играющее роль определения + определяемое слово.* Действительно, искомое древнерусское значение слова *вор*, или *вора* (древнерусский вариант написания в мужском роде *вѣр*) подтверждено и в словаре И. И. Срезневского – «*ограда, забор, преграда*» [8.Т.1.с.306], и в словаре М. Фасмера – «*забор, ограда*» [10.Т.1.с. 350]. Вероятно, с *вор* связаны *ворота*, *воротник* и т. д. В гидрониме после первого слова остается не суффикс *-кол* или *-ол*, а второе слово *скол* с приставкой *с-* и корнем *-кол* – аналогично гидрониму *Оскол* (в котором, как уже было замечено, две приставки *о-* и *-с-*). Аналогична и смысловая нагрузка слова: главное здесь – не скалистые берега (точнее, скалистый берег) объекта, а то, что сам объект создает этот берег, то есть значение слова – «река, скальвающая берег», точнее, «река, которая делает приметный скол берега». Складывая два слова вместе, получаем: «ограждающий скол», или «ограждающая река, которая делает приметный скол берега». Не исключено, что имя *Ворскол* понадобилось для отличия от *Оскола*: там произведен скол на обоих берегах, а тут имеем скол наподобие ограды – одного скального берега.

Необходимо также добавить, что древние люди чаще всего давали название рекам исходя из природных особенностей их устья (а не среднего течения, где на *Ворскле* находится г. *Грайворон*). Великолепно фото, изображающее *Ворсклу* с высоты «птичьего полета» где-то в районе устья [23]. К этому снимку необходимы географические и геологические уточнения, но и без них хорошо видно, как на излучине реки высокий обрывистый берег образует красивую ограду и преграду, опоясывая нагорное плато.

Калитва (Белая Калитва, Большая Калитва) – река, левый приток р. *Северский Донец* в Ростовской области (длина 308 км). При впадении *Калитвы* в *Северский Донец* стоит г. *Белая Калитва*.

В 2008 г. краснодарский географ и педагог А. В. Твёрдый в топонимическом словаре Кавказа развил идею советского филолога П. Я. Черных, высказанную в 1957 г., о наличии древнеславянского корня *kal* (*кал*) в значении «грязь» [24]. А. В. Твёрдый напомнил, что в современном русском языке значение корневого слова «кал» сужено («испражнение»), однако в древних славянских языках оно часто означало «жидкая грязь», «топь», «болото», «слякоть». *«Топоним Калитва – такое же структурное образование, как и слова типа битва, жратва, бритва, молитва <...> в которых выделяется суффикс -тва, присоединенный к глагольной (инфинитивной) основе».* Однако далее следует более чем спорное утверждение: *«Первоначальным значением слова калитва, вероятно, было «грязная вода» или «топкое, грязное место» [25.с.160].* Совершенно непонятно, почему автор привел в доказательство меловые толщи по берегам *Белой Калитвы*, а также *Чёрной Калитвы*.

Может, реки так размывали мел, что вода становилась слишком мутной? Нет, ни одного факта не существует. Это же не горные реки, а привычные водотоки, каких по России тысячи, с достаточно прозрачной водой, с оседающим на дно грунтом в случае его размывания, без каких-либо особенных болот и топей. В чем же «провинились» тогда две реки, почему они объявлены автором «грязными»? Особенно парадоксально, что обычно слово «грязь» ассоциируется с чернотой, а здесь имеем ярчайшие «белые» берега, отраженные в названии *Белая Калитва* (а *Чёрная Калитва* названа так по «черным», то есть листовым лесам, где черные стволы и ветви). Попутно замечу, что автором некорректно указан состав всех перечисленных им слов: *-а* на конце является окончанием и не входит в состав суффиксных частей этих слов.

Истинный смысл гидронима будем искать, рассматривая его вкуче с названием *Чёрная Калитва*, тем самым подойдя вплотную и к вопросу о битве на *Каяле*.

Чёрная Калитва – река, правый приток р. *Дон* в Воронежской и Белгородской областях (длина 162 км). На ней находится воронежский районный центр г. *Россошь*, а в Белгородской области она дала имя селу *Калитва*.

Очередной «твердый орешек» для топонимистов. В.А. Прохоров объяснял первую часть названия «черными», то есть листовыми, лесами в долине реки. И действительно, верное объяснение многих названий с определением «черный» к 1970-м гг. уже прочно вошло в топонимику России (в отличие от более древних топонимов-аналогов с корнем *ворон-*). Однако по поводу «Калитва» В.А. Прохоров не смог выдвинуть никаких приемлемых версий: «*Вторая часть названия неясна*» [11.с.178]. Белгородские исследователи также занесли гидроним в число названий «неясной семантики» [14.с.18]. Ведущие топонимисты России проигнорировали в словарях обе Калитвы, и Белую, и Чёрную. А версия А. В. Твёрдого о грязи уже отмечена выше как несостоятельная.

В первую очередь необходимо рассмотреть, в чем заключается такое географическое сходство двух рек, которое реально соответствовало бы их древним названиям, и с какими иными реками есть такое же подобие и внешнее, и семантическое. Оказывается, бесспорное сходство *Белой Калитвы* и *Чёрной Калитвы* – не мнимая грязь, а опять-таки меловые берега! Таким образом, теперь констатируем бросающуюся в глаза особенность сразу четырех рек: *Оскол*, *Ворскол* (*Ворскла*), *Калитва*, *Чёрная Калитва*, и во всех четырех случаях есть основание выделить корень *кол-* (*кал-*) с очень большой вероятностью. Итак, *Калитва* – «река, являющаяся результатом скалывания берегов», или «река, раскалывающая берега», «река, колющая берега», а *Чёрная Калитва* – «река, колющая берега и заросшая лесом с черными стволами и ветками, в отличие от *Белой Калитвы*».

Датировка всех четырех гидронимов, по-видимому, совпадает – до XII в. включительно. Основные притоки Дона ниже Воронежа русскоязычное население осваивало и называло во время второй волны славянской колонизации в XI–XII вв. В числе охваченных рек, несомненно, была и *Чёрная Калитва*. «Дозорная книга» 1615 г. упоминала *Калитвянский ухажей*, то есть территорию, отданную на откуп на берегу Калитвы [26.с.140]. «Книга Большому Чертежу» в 1627 г. сообщала: «*А ниже Серета, верст с 40, с Крымской стороны, пала в Дон река Калитва Чорная. А ниже Калитвы, верст с 20, пала в Дон, с Нагауской стороны, речка Мамонец*» [7.с.83]. Как видим, воронежская река зафиксирована под нынешним названием, причем употреблялось как полное наименование, так и сокращенное, из одного слова – *Калитва*. Возможно, ранее это была просто *Калитва*, как и более южная река, а затем в XVI–XVII вв., во время третьей волны славянско-русской колонизации, добавились слова-определения для отличия двух рек.

Локализация летописной Каялы

«Слово о полку Игореве» сообщает о месте, где грядет битва Игоревой дружины с половцами, так: «*Ту ся копием приламати, ту ся саблямь потручяти о шеломы половецкыя, на рьць на Каяль, у Дону великаго!*» [27.с.32].

В течение XIX – XX вв. исследователи вели длительные споры по поводу локализации *Каялы* на географических картах. Поскольку «Слово...» – литературное

произведение, немало авторов склонились к тому, название *Каяла* вымышлено, что это образ, который, в частности, мог быть произведен от слов «каяться», «покаяние». Даже академик Б. А. Рыбаков поддержал сомнительную связь со словом *qajaly* из лексикона кыпчакских племен в значении «печаль», имея в виду его литературное сближение с древнерусским *каяти* [28.с.234].

Только в Ипатьевской летописи при описании битвы 1185 г. есть фраза «на реце *Каялы*», да и то она подозрительно вставлена в завершение событий. Создается впечатление, что писцы внесли реку *Каялу* в Ипатьевскую летопись при ее позднем переписывании, уже после прочтения «Слова...». В других русских летописях такая река не фигурирует. Однако далее будет показано, что критика Ипатьевской летописи безосновательна, она может происходить лишь из первого, поверхностного, обманчивого впечатления.

Прежде всего, в целом на карте России *Каяла* – совершенно не мифический топоним, о чем свидетельствуют наблюдения А. И. Попова. В оренбургской степи отыскиваются гидронимы *Большая Каяла (Каялы)* и *Малая Каяла (Каялы)*, с полным основанием сопоставимые с тюркским *qajaly* в другом значении – «скалистая», ибо там наблюдаем именно скалистые берега. А. И. Попов выделял корень *кай-* – «скала» и распространенный тюркский аффикс *-лы (-ли)*. Он считал, что *Каяла* в «Слове...» – не вымышленное, а типично кыпчакское название и что это какая-то река в бассейне *Дона* [29]. Добавлю, что русский и тюркские языки испытывали сильное взаимное влияние, особенно при непосредственных контактах населения. Поэтому начальные части корней *кай* и *кал* могут иметь неслучайное созвучие.

Подчеркну, что многочисленные ошибки историков и литературоведов были трудно поправимы из-за невразумительного истолкования топонимистами ряда названий и из-за невнятного сопоставления реальных гидронимов с основой *кай* и *кал (кол)*. Ныне мы обязаны бросить новый взгляд на эту проблему в топонимическом аспекте – в связи с ревизией этимологий для гидронимов в междуречье *Днепра* и *Дона*.

Приступая далее к анализу древних текстов, будем обращать внимание только на факты, а также на те случаи, когда факты отсутствуют.

Несколько других гидронимов в «Слове...» создают реальную и точную географическую картину: *Дон, Донец, Днепр, Сула, Волга, Дунай, Стугна*. *Каяла* – словно исключение в этом ряду: либо она полностью мифична, либо автор «Слова» подправил какое-либо известное ему реальное русское название, переделав его в тюркское (добавил букву *я*) для создания образа половецкой реки и для усиления трагедийности событий, либо, наконец, «Слово...» – действительно исторический первоисточник XII в., автор которого владел настоящим названием реки, таким же настоящим, как и *Дон, Донец, Днепр, Сула, Волга* и т. д., но впоследствии забытым или измененным.

Проанализируем не литературный, а чисто исторический источник – Ипатьевскую летопись, где, к счастью для нас, названы многие подробности того же самого похода Игоря Святославича, князя Новгород-Северского. Мне уже приходилось выступать против так называемой фальсификации русских летописей. Историки облегчают себе работу, когда объявляют неясное фальсифицированным. На самом деле все русские летописцы, дублируя списки, переписывали факты достаточно ответственно, а потому объективно. Только с течением веков могли оказаться неточно переписанными забытые древние топонимы. Но, как мы сейчас убедимся, в Ипатьевской летописи почти нет противоречий и в трактовке топонимов.

Начнем с *Дона*: в летописи есть такое слово не в начале, а в конце рассказа. Оно присутствует в связи с сожалением, что великая река осталась непокоренной Игорем. Что ж, Создатель «Слова...» имел полное право поставить *Дон* сразу в начало повествования – как главную реку, к которой стремились русские. Фраза «*испити шеломом Дону*» стала крылатой. Но Ипатьевская летопись следует прежде всего не символам и образам, а последовательности похода, и поэтому начинает с реки *Донец*, как кратко называли

Северский Донец. Князь Игорь с дружиной, в которой были и его родственники, выехал во вторник 23 апреля, по пути «*перебрде Донъць и тако прииде ко Осколу*» («переправился через Донец и так пришел к Осколу») и там два дня ждал своего брата Всеволода, ибо тот «*шелъ инемъ путемъ ис Курьска*» [б.с.431]. Река *Оскол* тянется с севера к югу более 400 километров, и невозможно указать точное место встречи князей. Но двухдневное (не большее) ожидание Игорем Всеволода означает, что братья избрали для встречи оптимальные пути. Всеволод не пошел из Курска самым длинным, самым невыгодным путем. Он не двигался не на юг, чтобы потом свернуть в сторону врага на восток. Он отправился, по крайней мере, на юго-восток, так что оптимальным местом встречи братьев выглядит среднее течение *Оскола*. Соответственно и битва разворачивалась несколько восточнее этого места (а не восточнее нижнего течения *Оскола*, куда «помещают» ее многие историки). Ведь, судя по летописи, далее события разворачивались достаточно стремительно. Далеко от места встречи русская дружина не ушла.

«*...И оттуда поидоша к Салницъ*» [б.с.431]. Историки так и не нашли реку *Салницу* (*Салницу*) на современной карте. При этом не однажды сделаны верные замечания: русские «пошли», но не сказано, что «дошли» или «подошли» к *Салнице* или «перешли» ее. Со своей стороны добавлю и другое бесспорное замечание: и не сказано, что «не дошли» и «не перешли». Так или иначе, не она сыграла ключевую роль. Битва произошла на другой реке. Русские выехали в ночь, а в обеденное время уже повстречали половцев. Те, «*собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонъ рѣкы Сюурлия*» («стали на противоположном берегу реки Сюрлий»). Русские: «*И яко быша к рѣцѣ ко Сюурлию, и выѣхаша ис Половѣцкихъ полковъ стрѣлци, и пустивше по стрѣль на Русь, и тако поскочиша; Русь же бяхуть не переѣхалъ еще рѣкъ Сюрлия; поскочиша же и ти пол(ци) силы Половѣцкихъ, которитъ же далече рѣкы стояхуть. Святослав(ъ) же Ольговичъ, и Володимѣръ Игоревичъ, и Ольстинъ с Коуи, и стрѣлци, поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ помалу идяста, не роспусыаста полку своего*» [б.с.431–432]. («И когда приблизились к реке Сюрлий, то выехали из половецких полков стрелки и, пустив по стреле на русских, ускакали. Еще не успели русские переправиться через реку Сюрлий, как обратились в бегство и те половецкие полки, которые стояли поодаль за рекой. Святослав же Ольгович, и Владимир Игоревич, и Ольстин с ковуями и стрелками бросились за ними, а Игорь и Всеволод шли медленно, не нарушая строй своих полков».) Русские взяли много пленных, но Игорь, видя огромное скопление половцев, предложил ночью возвращаться домой, чтобы враг не смог догнать утром. Наутро, по его мнению, лишь лучшие из половецких конников смогли бы переправиться. Однако родственники Игоря посетовали на уставших коней, и русским пришлось остановиться у *Сюурлия* на ночлег. В субботу уже подошло «бещисленное множество» половцев. Игорь принял мужественное решение сражаться и «*доити рѣкы Донця*». Здесь, вероятно, описка писцов: надо бы *Дона*, а не *Донца*. Явно ошибаются те исследователи, которые сразу отбрасывают Игоря далеко назад, к *Северскому Донцу* (и, соответственно, *Каялу* они тоже «отыскивают» в бассейне *Донца*). Ну не парадокс ли? Игорь изрекает: «*Оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то от Бога ны будетъ грѣхъ сихъ выдавше, пойдемъ; но или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ*» [б.с.432–433]. («Если поскачем — спасемся сами, а простых людей бросим, а это будет на нас грех перед Богом, предав их, уйдем. Так либо умрем, либо все вместе останемся живы».) И вдруг после этих слов русские «спешились и двинулись, сражаясь» – не на восток к *Дону*, а обратно на запад, к *Донцу*?!

Далее летописец рисует немалую картину сражения: вряд ли она ограничивалась каким-либо небольшим участком у реки. Игоря ранили, но «*бишася крѣпко ту днину до вечера, и мнози ранени и мертви быша в полкохъ Рускихъ*» («сильно сражались весь день до вечера, и многие были ранены и убиты в полках русских»). Воскресенье принесло русским неминуемое поражение. Уже плененный, Игорь видел брата Всеволода ожесточенно бьющегося. Всеволод же бился так упорно, что ему не хватало оружия, «*и бяху бо ся идуще вкругъ при езерѣ*» («и бились, обходя вокруг озера»). И тут летописец окончательно

констатирует трагедию, внезапно для современного читателя называя Каялу: «И тако, во день святого Воскресения, наведе на ня Господь гнѣвъ свой: в радости мѣсто наведе на ны плачь, и во веселье мѣсто желю, на рѣчь Каялы» [б.с.433]. («И так в день Святого воскресения низвел на нас Господь гнев свой, вместо радости навел на нас плач и вместо веселья — горе на реке Каялы».)

Сюурлий – синоним *Каялы*? Такое мнение распространено. Одним из первых его высказал А. Смирнов в Воронеже в 1879 г. [30.с.93]. Нет, не будем спешить с выводом, пока не откроем географическую карту.

Восточнее среднего течения *Оскола* ищем подходящие реки в бассейне *Дона* и ближе к *Дону*. Так как конные войска переправились через *Сюурлий*, эта река должна протекать примерно по линии север – юг, но не запад – восток. Стало быть, не подходит река *Потудань*. Но как раз поперек былого движения русских и половцев протекает река *Россошь*, впадающая слева в *Чёрную Калитву*, а последняя течет уже с северо-запада и, заворачивая затем на восток, впадает в *Дон*. Если в этой местности стремиться двигаться к *Дону*, если не стоять на месте, а сражаться, то именно побережье *Чёрной Калитвы* и становится главным ориентиром.

Теперь зададимся вопросом об этимологии слова *Сюурлий*. В энциклопедии представлены невероятно разнящиеся предполагаемые тюркские этимологии: «разлив воды», «быстрая река», «счастливая река», «с крутым подъемом», «много быков», «изобилующая мошкаррой», «имеющая поросль камыша», «река с волоком» и др.) и не отдано предпочтение ни одной [2.Т.5.с.89–91]. Вся эта мозаика, в большинстве своем околонучная, показывает комичную, но привычную ситуацию, когда версии базируются только на гаданиях по созвучиям слов и не приближаются к комплексности исследования. И все-таки в этой мозаике выделяется достаточно приемлемая этимология, опирающаяся на хорошее знакомство со словообразованием в тюркской гидронимии. Ряд лингвистов сходится в том, что слово разбивается на три части: *су-* (*сю-*) – «вода»; *-ур-* – некая отличительная особенность реки и *-лий* – русифицированный суффикс, который служит для образования прилагательного и может преобразовываться из тюркского *-лы* (*-лу*) в славянские варианты *-ла*, *-лай*, *-лий*, *-ий* и др. К. В. Кудряшов отождествлял *Сюурлий* с татарским словос *суярлы* в значении «слияние рек» и «разлив воды» [31]. Развивая эту версию, М. Ф. Гетманец, ссылаясь на «су ур – поливай» в словаре В. В. Радлова, дает такую трактовку гидронима: «бьющая, поливающая, разливающаяся вода» и пытается уточнить, в чем здесь отличие от варианта К. В. Кудряшова: разлив «не как разлитая вода, а как разливающаяся, льющаяся вода». Отличие, прямо скажем, невелико, но главное, что М. Ф. Гетманец, к сожалению, считает рекой *Сюурлий* реку *Голую Долину* в бассейне *Северского Донца*, вблизи города *Славянска*, абсолютно не поясняя, почему именно *Голая Долина* «разливается» или «льется». Далее автор «движется» на юго-восток, уже отталкиваясь от *Голой Долины*, и всячески пытается доказать, что *Каяла* – это небольшая речка *Макашиха* (здесь, однако, топонимические аргументы идут в ход: на *Макашихе* обнаруживаются каменистые, в трактовке автора – скалистые «в прошлом» берега) [32].

Немаловажно уточнение Е. С. Отина: «В тюркской гидронимии географический термин *су*, как правило, употребляется после собственного имени: препозитивное же *су* теряет признаки термина, приобретая функции определения» [33.с.85]. Однако собственная этимологическая точка зрения Е. С. Отина выглядит далекой от реальности: во-первых, он считает, что именно *Сюурлий* «зашифрован», опозитивирован в «Слове...» под словом *Каяла*; во-вторых, надеется на связь гидронима с тюркским термином *саур* (*сауыр*) в обозначении холмов с округлыми вершинами и ищет реальные холмы совершенно в другом районе – в Приазовье [32.с.88], уходя от наиболее вероятных этимологий всё дальше и дальше...

Давайте все же разберемся, что это значит: река льется, разливается? Или, с учетом того, что *су* в начале топонима должно быть определением перед основным словом-термином, – происходит «водный разлив»? Разве не все реки делают то же самое?

Смысловая нагрузка появляется в случае «слияния рек», то есть устья. Но если устье народ вынес в название, значит, это должно быть какое-то особенное, примечательное, в чем-то единственное устье по отношению к той реке, куда вливается обозначаемый приток.

Река *Россошь* идеально соответствует таким географическим особенностям, ибо они же, собственно, и отражены в ее нынешнем русском имени, существующем со времен третьей колонизации Воронежского края (XVI–XVII вв.). Слово *россошь*, или, по-другому, *рассоха*, *россоха*, означает развилку реки, место ее раздвоения на два похожих русла. Если смотреть снизу вверх по течению *Чёрной Калитвы* (что и делали первопроходцы, плывшие от Дона), то *Россошь* – приток, раздваивающий основную реку на две реки. Термин «россошь» раньше был распространен в русском языке. По верному замечанию В. П. Загоровского, он часто встречается в документах XVII в., и даже в пределах Воронежского края имеем несколько речек, названных этим словом [34.с.111]. Следовательно, значение слова *Сюурлий* в рамках заданного морфемного состава должно означать место или реку, где «вода заметно разливается на части» или, наоборот, «вода заметно сливается в одну реку». Итак, с очень большой вероятностью *Сюурлий* следует отождествить с *Россошью*.

Возвращаясь к летописи, замечаем, что логически правильно, в конце повествования, где и сообщается о решающих боях, названа *Каяла*. И абсолютно логично совпадение смысла названий и по-тюркски, и по-русски: *Каяла* – она же *Калитва*, а точнее, нынешняя *Чёрная Калитва*. Причем не «река, текущая среди скал», а «река, колющая берега». И озеро, которое может фигурировать в летописи, обнаруживаем здесь же, возле впадения *Россоши* в *Чёрную Калитву*, рядом с современным городом *Россошь*. Оно сохранилось даже сейчас, при повсеместном истощении природных водных ресурсов. Надо думать, что более 800 лет назад озеро было несравненно крупнее, полноводнее. И то, что *Каяла* названа в «Слове» быстрой («разлучились братья на берегу быстрой *Каялы*»), находит объяснение: все притоки, стекающие в Дон с высокого правого берега, убыстряются или, во всяком случае, убыстрялись в нижнем течении.

Таким образом, в случае отождествления *Каялы* с *Чёрной Калитвой* нет никаких оснований подозревать тексты или *Ипатьевской* летописи, или «Слова о полку *Игоре*» в подлогах, мистификациях, фальсификациях. И лишь в этом случае получаем полное отсутствие противоречий во всех составляющих комплексного анализа – исторической, географической, лингвистической. А примеры гидронимов *Каяла* – *Калитва* и *Сюурлий* – *Россошь* подкрепляют убеждение автора данной статьи в том, что русскоязычное население никогда не заимствовало бездумно в свой лексикон топонимы, оставленные предыдущими народами. И в данном случае оно не копировало их, трансформируя на свой лад. Но, вступая в тесный контакт со смежными тюркскими народами, оно могло понимать смысл названий и, как неизбежность, давало свои понятные названия в том же смысле.

Остается еще найти на карте *Сальницу*. Если события развивались так, как описано выше, то *Сальница* – это, скорее всего, нынешняя *Ольховатка*, левый приток *Чёрной Калитвы* выше *Россоши*. Полк *Игоря*, безусловно, достиг и миновал ее, ибо она неизбежно была на его пути. Слова с корнем *сал-* имеют в русском языке два основных значения: первое – жировое отложение в природном организме и получаемый из него продукт; второе – различные прокладки (сальники). В словаре В. И. Даля находим диалектное донское слово «салы» – «связанные вряд камышовые пуки, на которые казак, переправляясь вплавь с лошастью, кладет седло, вьюки и пр.» [9.Т.4.с.14]. Возможно, в древности отличительной чертой *Ольховатки* (более глубокой, нежели сейчас) были именно переправы, а впоследствии, после окончательной русско-славянской колонизации местности, прежние стратегические пути потеряли актуальность.

Первым исследователем, указавшим место сражения князя *Игоря* у слияния рек *Россоши* и *Чёрной Калитвы*, был Н. Н. Поливанов, горный инженер по профессии. Его племянник, московский историк-любитель и географ А. М. Поливанов дополнил эту гипотезу [35]. К большому сожалению, их версия мало известна, а одна из причин, вероятно,

в недостаточности предоставленных ими аргументов. А. М. Поливанов оригинально уточняет координаты переправы Игоря Святославича через *Северский Донец*, используя данные о солнечном затмении в 1185 г. (его видели воины). Затем автор верно направляет Игоря Святославича к *Дону* как к месту итоговой битвы, не разворачивая его назад к *Северскому Дону*. Район *Россоши* и *Чёрной Калитвы* определяется исходя из гидрологических соображений. Здесь во время позднего половодья (вода *Дона* подпирает воды притоков) происходил крупный разлив рек. В Ипатьевской летописи это явление могло быть названо «морем», где утонули многие воины («а прочии в моръ истопоша») [б.с.434]. Однако попытки автора привлечь на помощь топонимические данные приводят его к явной неудаче – к неправильному отождествлению *Каялы* с *Россошью*.

А. М. Поливанов выделяет в гидрониме *Сюурлий* части *су* – «вода» и *ур* – «бить, разливаться» (не делая ссылок на мнения лингвистов), но неубедительно отождествляет эту реку с *Ольховаткой* на том основании, что во время разлива там замечен «быстрый подъем уровня воды со стороны, противоположной стоку реки» (а ведь именно этот автор проследил великий разлив *Россоши!*). *Сальницу* он еще менее убедительно пытается объяснить как реку с «сальной» водой и лишь поэтому ставит равенство с названием *Чёрная Калитва*. При объяснении слова *Каяла* берется в расчет лишь версия Н. А. Баскакова о происхождении от названий болотных растений «осока» либо «рогоз»... и, значит, ничего не остается, как приписать этот гидроним, а заодно и осоку с рогозом нынешней реке *Россошь* без каких-либо особых доказательств [35.с.8].

Тем не менее, А. М. Поливанов сумел привлечь убедительные данные об археологических находках в окрестностях города *Россошь*, соответствующих XII веку, включая последние находки в 2003 г., и сам участвовал в организации экспедиций в 1970-е гг. На дне р. *Россошь* нашли наконец-то копья, на ее правом берегу в кургане – остатки кольчуги и фрагменты меча знатного воина. Что ж, находки вполне соответствуют нашему выводу о том, что р. *Россошь* – это бывшая *Сюурлий*, а наш вывод о том, что р. *Чёрная Калитва* – это бывшая *Каяла*, может служить хорошим уточнением к главной находке Н. Н. и А. М. Поливановых – находке района битвы.

Удивительно, что во многом верный взгляд Н. Н. и А. М. Поливановых на место битвы совершенно не учтен в 2014 г. в словаре Е. С. Отина. Крупнейший специалист в области тюркско-русских этимологий лишь вскользь подтвердил, что «каялы» переводится с тюркского как «скалистая, каменистая», но не попытался найти реальные «скалистые» реки в русской гидронимии. Он обоснованно не принял точку зрения академика Б. А. Рыбакова о том, что плачущая Ярославна из «Слова...» имеет в виду *Каялу* как приток *Днепра*. Но в целом Е. С. Отин, к большому сожалению, примкнул к ряду кардинальных скептиков. Считая, что у «поэтической Каялы» реальным был только тюркоязычный (половецкий) прообраз, автор напрасно не поверил «некоторым исследователям», искавшим объективность и реальность в словах «на реце на Каяле, у Дона великаго». «...Мы считаем малоперспективными попытки связать этимологическое значение гидронима ('каменистая', 'скалистая') с природными признаками мнимых географических объектов...», – написал автор словаря и толкования «некоторых исследователей» объявив ошибку, а в результате, без сомнения, сам допустил ошибку [33.с.84–93]. Таковы характерные результаты лингвистических изысканий в отсутствие, повторюсь, реальных комплексных топонимических исследований.

Локализация летописной Калки

Не меньший интерес представляет и *Калка* как неоспоримо существовавшая река, прочно названная в летописях. Локализоваться она, казалось бы, должна проще и увереннее. Посмотрим, изменится ли локализация и этимологизация, если подключить к поискам новые элементы комплексного исследования.

В последнее время общепризнана дата битвы 1223 г., что убедительно показано в современном обобщающем труде К. А. Аверьянова [36]. Однако в источниках имеются

разночтения. Ипатьевская летопись, описывая события весны 6732, т. е. 1224 г., сообщает: русские князья перешли Днепр, «и устрѣтоша Татареве полкы Рускыя, стрѣльци же Рускыи побѣдиша и, и гнаша в поле далеце <...> Оттуда же идоша 8 дни до рѣкы Калкы, стрѣтоша и сторожъеве Татарьскыи; сторожемъ же бившимъся с ними <...> Татаромъ(ъ) же отѣхавшимъ напрочьне рѣцѣ Калкѣ. Устрѣтоша и Татарове Половецкыя полкы (и) Рускыя, Мъстиславъ же Мъстиславичъ повелѣ впередъ перейти рѣку Калку Данилови с полкы, инѣмъ полкомъ с нимъ; а самъ по немъ перейде, еха же самъ во сторожѣ; видившу же ему полкы Татарьскыя, приѣхавъ рече: «вооружитесь» ...» [б.с.496]. («И встретили татары полки русские, стрелки же русские победили их и гнали в поле далеко <...> Оттуда же шли 8 дней до реки Калки, встретило их охранение татарское; охранение же (русское) билось с ними <...> Татары же отошли напрочь (к) реке Калке. Встретили татары половецкие полки русских, Мстислав Мстиславич же повелел вначале перейти реку Калку Даниилу с полком и другим полкам с ним, а сам после них перешел, ехал же сам в охране, когда же увидел полки татарские, то приехал (и) сказал: "Вооружитесь".»)

Трудно согласиться с К. А. Аверьяновым, который переводит одну из фраз иначе: «Татары отошли к другой реке Калке» [36.с.22] – получается, будто фигурируют две реки Калки. Стоящее в исходном тексте летописи слово «напрочь» (в другом списке «напрочьне») можно заменить синонимами «бесповоротно», «совершенно» и т. д., но никак не словом «другой». Более того, при переписывании текста летописцами здесь явно допущена какая-то механическая погрешность (по крайней мере, не хватает предлога), и можно допустить, что по смыслу, возможно, надо бы «отошли напрочь от реки Калки» (не «к реке»), ведь из дальнейшего текста ясно, что галицкий князь Мстислав Мстиславич форсирует эту реку без какого-либо боя. Тем не менее, из «Книги Большому чертежу» (1627) явствует: действительно, Калок было несколько. И их поиск (в отличие от поиска Каялы) облегчен как раз тем, что они попали в «Книгу...», которую историки использовали с XVIII в. «А от верх речки Мюса к верх речке Елкуваты; а верх речки Елкуваты курган высок, а на нем 3 человека каменных. А от речки Елкуваты к верху речкам к Калам. А те речки все по левои стороне тое дороги пали в море», – говорится в «Книге...» при описании Кальмиусской дороги [7.с.68].

В Первой Новгородской летописи река, куда пришли русские полки после 9 дней преследования «татар» (также в 6732 г.), именуется в мужском роде Калк (Калак): «и заидоша за Калакъ рѣку», а далее киевский князь Мстислав стал «на горѣ, над рѣкою надъ Калкомъ, бѣ бо мѣсто то камянисто» [37.с.40].

Упоминание в «Книге...» надежных исходных ориентиров – реки Мюс (Миус) и местности с курганами, на которых стояли половецкие каменные бабы, – позволяет поголовно всем историкам локализовать события в бассейне нынешней реки Кальмиус и ее притоков. Однако исследователи разнятся в определении притоков и в особенности в трактовке гидронимов. В. Н. Татищев в XVIII в. считал, что Калка – это Кальмиус. Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона заявлял, что Калка – «ныне р. Калец, впадающая вместе с р. Кальмиусом в Азовское море» [15.Т.14.с.51]; и по сей день правый приток носит такое имя. В. В. Саханев, изучавший в 1910 г. место битвы в полевых условиях и используя «Книгу Большому чертежу», назвал две реки: Кальмиус и еще один его правый приток Кальчик. К. В. Кудряшов в 1954 г. разворачивал события от р. Кальчик до р. Каратыш. К. А. Аверьянов, анализируя мнения предшественников, назвал свой вариант: Кальчик и его левый приток Малый Кальчик [36.с.129]. Несмотря на различия в версиях, бесспорно, что имеем группу схожих гидронимов с корнем кал-, и они относятся к рекам, впадающим друг в друга. Добавлю, что доныне существует речушка – фактически ручей – Калка, впадающая в Кальчик.

Какова же этимология всех «Калок»? Рассмотрим подробно топонимическую картину на главной реке, там самым проясним и родственные названия притоков с одним древним корнем.

Кальмиус – река, основная водная артерия в Донецкой народной республике (длина 209 км), впадает в Азовское море на территории г. *Мариуполя*.

М. Фасмер, не изучая в натуре реальные географические особенности ни одной из рек бассейна *Кальмиуса*, дал филологическое объяснение летописному гидрониму *Калка*: «производное от *кал*». Автор не пояснил здесь значение корня, но в его словаре – единственное русское слово *кал*, от старославянского *каль* в значении «грязь, лужа». Комментатор словаря О. Н. Трубочев, ссылаясь на Е. С. Отину, добавил «о связи *Калка* с названием реки *Кальмиус* (в XVII в. – *Кала*)» [10.Т.2.с.163,169]. Таким образом, выходит, что словарь Фасмера трактует *Калку* как «грязную» реку, выбирая из всех значений корня *кал* самое простое – очевидно, по аналогии с известным диалектным словом «калуга» («болото, топь»), от которого ведется название города *Калуга* (по-украински «калюга» – «лужа, грязь»).

Замечу, что едва ли не любую реку можно заподозрить в «грязности», так как рядом всегда есть заболоченные участки, а на дне реки оседает ил и, даже если дно песчаное, то быстрины течения и тем более действия человека (и тем более в нынешнее время) наводят муть на воду. Но какова же должна быть целая группа рек, чтобы именно их сочли грязными ранние поселенцы?!

Крупный специалист в области гидронимии, порожденной контактами тюркского и русского населения, Е. С. Отин полностью поддержал точку зрения М. Фасмера. Посмотрим, каковы его аргументы в области географии. «*Название реки Калки <...> хорошо соотносится с гидрографической характеристикой Кальмиуса (тождественность Калки и Кальмиуса или его правого притока Кальчика сегодня у большинства учёных уже не вызывает сомнений) – реки с мутной и очень минерализованной водой, топким руслом и берегами*». В подтверждение – сноска на статью А. А. Соколова 1952 года, на тот факт, что *Кальмиус «протекает в VI зоне мутности», а летом «вода Кальмиуса становится ещё более минерализованной, доходя до 1–533 мг/л*». [33.с.64]. Позвольте, но факта минерализации воды недостаточно. Где же доказательство «топкого русла», причем какой-то особой топкости русла и берегов? Доказательства нет. Из-за того, что приазовские топонимы не поставлены автором в один ряд с гидронимами, имеющими корень *кал* (*кол*) в других регионах России, и не проведены реальные природно-географические аналогии, представленная этимология начальной части слова *Кальмиус* (первого корня) сегодня выглядит ошибочной.

Вслед за М. Фасмером П. Я. Черных, а позже А. В. Твёрдый пытались подхватить мысль о слове *кал* – «грязь» как о первопричине и перенести этот смысл на этимологию названия *Калитва*, но, как уже показано выше, их попытка также не выдерживает критики.

А в книге К. А. Аверьянова не видим ни малейшей попытки проверить предшественников: «*Первичное Калка, таким образом, полностью соответствует гидрографической характеристике Кальмиуса – реки с грязной и очень минерализованной водой, вязким грунтом и берегами*» [36.с.120]. Ссылка идет почему-то не на составленный Е. С. Отиным топонимический словарь (см. выше), а на статью о его наследии: такая ссылка словно подчеркивает второстепенность географических сведений в историческом исследовании.

Надо отдать должное современным краоведам Донбасса, которые первыми засомневались в правильности выводов опытных ученых-лингвистов. Сегодня *Кальмиус* – важнейшая водная артерия ДНР, на ней стоят города *Донецк* и *Мариуполь*, на нее нанизаны и известные памятники природы. Вот и отправились краеведы в путешествие по реке, а предварительно запаслись сведениями из забытого справочника по водным ресурсам УССР, который был выпущен для узкого круга специалистов и, разумеется, никогда не использовался для топонимических исследований. И обнаружили путешественники, что текст справочника (вероятно, имеется в виду издание 1987 г. [38]) полностью соответствует действительности: в верхнем течении реки ее берега преимущественно крутые и

обрывистые, сложены из плотных или каменистых пород, имеют высоту 1–2 м, а в нижнем – состоят из песчано-глинистых отложений высотой 1–1,5 м, а местами из горных кристаллических пород. Краеведы заключили, что дно *Кальмиуса* почти на всем пути твердое и каменистое. К тому же равнинная река имеет медленное течение, поэтому исключена муть за счет быстрого размывания берегов. Почти полная противоположность тем характеристикам реки, в которых уверяли читателя Е. С. Отин и К. А. Аверьянов – нет никакой топкой «грязи»! Все камеральные терзания ученых оказываются перечеркнутыми, если просто приехать и посмотреть на речку воочию! Но далее донецкие краеведы попытались по-своему объяснить корень *кал-* и... не очень вразумительно объяснили, отчего, по их мнению, скифы могли назвать эту реку «черной»: якобы от индоевропейского *kal* – «черный» [39].

Где же взять более правильный ответ об этимологии Калки – Каль-миуса? Думается, он лежит на поверхности. И образно, и физически – на поверхности берегов. Везде – каменистость, что и подразумевает уже хорошо знакомый читателям данной статьи корень *кал-*, в данном случае – в значении воистину скалистой местности. Как не обратить внимание, что в Новгородской летописи Мстислав стал на горе на «место каменистое»? О камнях не раз упоминается и в книге К. А. Аверьянова. Ныне эта местность включает территорию заповедника «Каменные могилы». Тот факт, что исторические источники все реки в этой местности (в случае их краткого обозначения) называют *Калами*, – собирательно, во множественном числе! – как раз и подчеркивает этимологию гидронимов. Все водотоки, которые «колят», «скальвают» камни, текут среди сколов, или скал, и есть *Калки*. Этимология – та же, что и в случае рек *Оскол*, *Ворскол*, *Калитва*, *Чёрная Калитва*, только берега *Калок* сложены не из мела, а из более твердых пород. В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона говорилось о полезных ископаемых: «В бассейне *Кальчика* – медная руда среди гранита или вкрапленная в сиенит. По рекам *Кальмиусу* и *Кальчику* – базальты, серпентины, горный хрусталь, изредка аметисты» [15.Т.14.с.115]. К. А. Аверьянов неоднократно называет граниты в местах битвы 1223 г. При всем том обнаруживаем и древнее проявление свойства принципа различительности (отличительности) любого топонима: в общей выраженной степной местности гидронимы *Калки* отличали исключительность сразу нескольких рек на горном участке.

Е. С. Отин подробно остановился, со своей лингвистической точки зрения, также и на происхождении гидронима *Кальмиус* в целом [33.с.69–78]. По его убеждению, этимология смешанная тюркско-славянская, порожденная тесным контактом двух народов в древности. С присущей ему скрупулезностью лингвист попытался представить несколько стадий образования гидронима. С одной стороны, его схема – похвальный пример понимания того, что любой древний топоним не может быть чем-то застывшим, раз и навсегда данным, не приспособившимся к изменениям народной речи и к потребности вносить изменения в географические ориентиры; что один и тот же объект может одновременно иметь несколько названий, одни из которых более, а другие – менее употребительны.

По мнению Е. С. Отина, река одновременно имела два названия: русское *Кала* (*Калка*) и тюркское *Миус*, причем *Миусом* назывался также и второй приток Азовского моря (донныне имеющий такое имя). По-тюркски миус (миуз) – «рог, угол», и обе реки обладают таким свойством, ибо в нижнем течении, вблизи Азовского моря в одну реку впадает ее крупный приток *Крынка*, а в другую – *Кальчик*. По схеме лингвиста, сначала появляется симбиоз гидронимов *Калка* и *Миус*, потом в представлении населения возникает понимание «Миус, он же и Кала», затем начинается противопоставление «Калмиус – не Миус» и, наконец, гидроним закрепляется как Калмиус (Калмиус).

Однако столь усложненная конструкция приводит Е. С. Отина и к противоречиям. Во-первых, как он справедливо замечает, «Книга Большому Чертежу» называет реку просто *Кала*, но в «Книге...» уже много раз фигурирует описываемая «*Калмиюская*» («*Калмиуская*») *татарская дорога*, причем надо учитывать, что при пересоставлении «Книги...» в XVII в. использовалась разрядная роспись 1570-х гг. Но Е. С. Отин неубедительно видит особый

смысл в том, что река еще не названа в «Книге...» *Кальмиусом*. Он предполагает, «что в XVI в. гидроним *Калмиус* в «несвязанном» состоянии был ещё необычным названием для составителей росписей, которые охотно пользовались им для наименования открытой в 70-е годы российскими «сторожами» новой дороги крымцев» [33.с.70]. Не странно ли: название дороги широко известно, а большую реку, по которой названа дорога, составители документа не решаются назвать из-за «необычности» названия?

Во-вторых, Е. С. Отин приводит название нового города-крепости *Кальмиус* из документа периода 1578–1581 гг., не поясняя, отчего город так наименован, но и без пояснений бесспорно, что гидроним первичен по отношению к ойкониму и дромониму. И сегодня вместо сложной, растянутой во времени этимологической схемы напрашивается другой вариант: на самом деле название р. *Кальмиус* к XVI в. уже хорошо было известно, и она была одной из нескольких *Кал*, объединенных общими географическими особенностями и соответствующим корнем *кал*, но в то же время такой *Калой*, которая отличалась от других *Кал* особенностями, обозначенными вторым корнем *миус*. Это дает нам основание предположить, что слово «Кальмиус» составлено из двух слов по известному принципу: первое служит отличительным определением объекта (в данном случае отличает *Кальмиус* от двух *Миусов*), а второе является основным обозначением объекта (в данном случае это река в виде миуса – «рога, угла»). Принцип тот же, что и, например, в случае *Карасу* – «черная вода» или *Ворскла* – «ограждающий скол» (см. **Ворскла**).

В случае необходимости выделить *Кальмиус*, отличить его от *Миуса*, древние люди могли употреблять полное имя реки, а если такой необходимости не было, могли просто причислять его к нескольким *Калам*.

Е. С. Отин верно отверг различные тюркские этимологии топонима *Калка*, выведенные несколькими исследователями лишь на основе формальных созвучий (в значениях «щит», «воронка», «камыш»). Он же отметил некую группу гидронимов на юге европейской части СССР с корневой морфемой *кал*-, но, к сожалению, не проанализировал географию каждой реки в отдельности, что и привело к этимологическому просчету. Необходимо добавить, что гидроним *Кальмиус* из-за сложности его расшифровки обойден вниманием в таких известных топонимических словарях, как словарь В. А. Никонова или словарь Е. М. Поспелова, – и это несмотря на значимость реки и как водного объекта, и как исторического.

Итак, в целом «Калмиус», или «Кальмиус», с большой вероятностью расшифровывается как «одна из рек в форме рога, отличающаяся раскалыванием берегов».

Кальчик – река, правый приток реки *Кальмиус*, впадающей в Азовское море, на территории Донецкой народной республики, в г. *Мариуполе* (длина 88 км). Большинство исследователей считают именно эту реку *Калкой*, названной в летописи, и их точка зрения вполне обоснована, что могут подтвердить и наши исследования. Во-первых, русское войско должно было пересечь реку при движении примерно в направлении запад–восток, поэтому приток, безусловно, должен быть правым. Во-вторых, с учетом того, что войска неприятеля отошли «напрочь» с реки (вероятно, за реку), а русские быстро ее форсировали, и больше в летописях нет каких-либо сведений о более трудных переходах чьих-либо войск через более крупную реку, это должен быть именно *Кальчик*, а не *Кальмиус*. Совершенно логично также попадание на территорию боевых действий и более мелких рек – притоков *Кальмиуса* – с подобными однокорневыми названиями. Думается также, что из-за существования в этом районе сразу нескольких одноименных рек невозможно в принципе выяснить абсолютно точно, на все 100 процентов вероятности, какую из *Калок* имел в виду летописец.

В заключение должен сказать, что не претендую на исчерпывающие комплексные исследования. Вы могли убедиться, сколь много пришлось искать для одной статьи исторической и географической фактуры, этимологий и, соответственно, различных мнений и версий, как сложно внедряться в недра нескольких языков и насколько сложно уместить всё это на 20 страницах, чтобы только начать реальные элементы комплексного анализа.

Очень хочется надеяться на то, чтобы региональные исследователи, во многом приближенные к фактуре, продолжали углублять науку топонимику на современном этапе.

Библиографический список

1. Попов П.А. Историческая топонимика Воронежского края в контексте топонимики России: этапы развития и проблемы / П. А. Попов // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2023. – № 3 (36). – С. 78–98.
2. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – СПб. : Дмитрий Буланин, 1995.
3. Адрианова-Перетц В.П. «Слова о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков / В. П. Адрианова-Перетц; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. – 204 с.
4. Востоков А.Х. Задача любителям этимологии // Санкт-Петербургский вестник. – СПб. – Ч. 1. 1812. – С. 213–214.
5. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М. : Мысль, 1966. – 509 с.
6. Летопись по Ипатскому списку / Изд-е Археогр. комис. – СПб., 1871. – IX, 616, 33, 28, 12 с.
7. Книга Большому Чертежу / Подг. к печати и ред. К. Н. Сербинной; Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние. – М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 229 с.
8. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : [в 3 т.] / И. И. Срезневский; Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук. – СПб. : Тип. Императорской акад. наук, 1893–1912.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Тип. Изд. Т-ва М. О. Вольф, 1903 – 1909.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева : в 4 т. – Изд. 2-е. – М. : Прогресс, 1986–1987.
11. Прохоров В.А. Надпись на карте : Географические названия Центрального Черноземья / В. А. Прохоров. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1977. – 192 с.
12. Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России : Географические названия / Г. П. Смолицкая. – М. : Армада-пресс, 2002. – 416 с.
13. Пospelов Е.М. Географические названия России : топонимический словарь / Е. М. Пospelов. – М. : АСТ; Астрель, 2008. – 523 с.
14. Жиленкова И.И. Топонимы Белгородской области : Системный лингвоанализ названий населенных пунктов : учеб. пособие по лингвокраеведению / И. И. Жиленкова. – Изд. 2-е. – Белгород : ИД «Белгород», 2012. – 124 с.
15. Энциклопедический словарь : [в 86 т.] / Под ред. И. Е. Андреевского; Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1890–1907.
16. Мильков Ф.Н. По долинам рек / Ф. Н. Мильков // В краю дубрав и золотистых нив : Ландшафты среднерусской лесостепи. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. – С. 34 – 62.
17. Полное собрание русских летописей. – М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР. – Т. 25 : Московский летописный свод конца XV века. – 1949. – 464 с.
18. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1982. – 590 с.
19. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. : Происхождение Руси и становление ее государственности / Б. А. Рыбаков. – М. : Академический проект, 2023. – 623 с.

20. Попов А.И. К вопросу о мордовской топонимике / А. И. Попов // Советское финноугроведение. – Саранск, 1948. – Т. 2 : Филол. докл. на конф. по вопр. финно-угор. филологии в Ленинграде в 1947 г. – С. 226.
21. Добродомов И.Г. Ворскла / И. Г. Добродомов // Русская речь. – 1987. – № 2. – С. 114–118.
22. Главная река // Грайворонский историко-краеведческий музей. – URL: <https://graimuseum.ru/index.php?id=145&ysclid=lwuveh3p1j197670711>.
23. URL: http://vsegda-pomnim.com/uploads/posts/2022-03/1647165128_34-vsegda-pomnim-com-p-reka-vorskla-foto-36.jpg.
24. Черных П.Я. О некоторых старых названиях рек / П. Я. Черных // Наукові записки. – [Киев]. – Т. 14. – 1957. – С. 91–102.
25. Твёрдый А.В. Кавказ в именах, названиях, легендах : Опыт топонимического словаря / А. В. Твёрдый. – Краснодар : Платонов, 2008. – 432 с.
26. Список с Воронежских книг письма и дозору Григория Киреевского с товарищи лета 7123 году // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний : Воронежские писцовые книги / сост. Л. Б. Вейнберг, А. А. Полторацкая. – Воронеж, 1891. – Т. 2. – [2], 296 с.
27. Слово о полку Игореве / Вступ. ст. и подгот. древнерусского текста Д. Лихачёва; Сост. и коммент. Л. Дмитриева. – М. : Художественная литература, 1987. – 222 с.
28. Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1971. – 293 с.
29. Попов А.И. Заметка о «Слове о полку Игореве» / А. И. Попов // Русская литература. – 1969. – № 4. – С. 181–186.
30. Смирнов А. О Слове о полку Игореве. – Вып. 2 : Пересмотр некоторых вопросов : отд. оттиск из «Филологических записок» / А. Смирнов. – Воронеж, 1879. – 251 с.
31. Кудряшов К.В. Про Игоря Северского, про землю Русскую : Ист.-геогр. очерк о походе Игоря Северского на половцев в 1185 г. / К. В. Кудряшов. – Москва : Учпедгиз, 1959. – 94 с.
32. Гетманец М.Ф. По следам князя Игоря / М. Ф. Гетманец // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Л. : Наука. Ленингр. отд.-ние. – Т. 31 : «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. – 1976. – С. 305–326.
33. Отин Е.С. Происхождение географических названий Донбасса / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 199 с.
34. Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края / В. П. Загоровский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1973. – 136 с.
35. Поливанов А.М. Где ты, Каяла? – Изд. 2-е. – М. : Компания Спутник+, 2003. – 64 с.
36. Аверьянов К.А. Битва на Калке. 1223 г. Русские княжества накануне монголо-татарского нашествия / К. А. Аверьянов. – М. : Центрполиграф, 2023. – 254 с.
37. Полное собрание русских летописей. – СПб. : Тип. Э. Праца. – Т. 3. – IV : Новгородские летописи. – 1841. – 308 с.
38. Справочник по водным ресурсам / [Ред.-сост. А. В. Яцык и др.]; Под ред. Б. И. Стрельца. – Киев : Урожай, 1987. – 301, [1] с.
39. Как скифская речка стала Кальмиусом // Донбасс любимый. Вчера. Сегодня. Завтра. – URL: https://m.ok.ru/group/53816803131497/topic/65175536566377?ysclid=lyc0frsv2g994259777&__dp=y.

*Воронежский государственный аграрный университет имени Петра I
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин Г.И. Шишлянникова
Россия, г. Воронеж,
тел. 8(906)672-01-38;
e-mail: galcka.sh@yandex.ru*

*Voronezh State Agrarian University
named after Peter I
PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the
Department of History, Philosophy and Socio-Political
Disciplines G.I. Shishlyannikova
Russia, Voronezh,
tel. 8(906)672-01-38;
e-mail: galcka.sh@yandex.ru*

Г.И. Шишлянникова

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается история книгопечатания в России и его значение не только для российской, но и для мировой культуры. Первые печатные книги, напечатанные кирилловскими буквами для славянских читателей, были созданы краковским мастером Шванпольт Фиолем. Появление же книгопечатания в Москве сначала стало вроде бы заурядным событием, но впоследствии имело огромное значение для государства. Центром русского книгопечатания стало небольшое здание в центре Москвы на Никольской улице, как его тогда именовали «друкарня», «дело печатных книг» или типография. Впоследствии здесь было произведено больше книг, чем во многих городах Европы вместе взятых. Безусловно, кирилловская печать существовала во многих европейских городах, но такого расцвета книжного дела как в Москве нигде в те времена не было. Об истории этого здания и печатного дела в России и его влияния не только на российскую, но и на мировую культуру и историю мы поговорим в данной статье.

Ключевые слова: печатный двор, книгопечатание, книги, кириллица, глаголица, Петр I, Славяно-греко-латинская академия, гражданский шрифт, «Грамматика» М. Смотрицкого, «Арифметика» Л. Магницкого.

G.I. Shishlyannikova

THE ROLE AND IMPORTANCE OF PRINTING IN THE HISTORY OF RUSSIAN CULTURE

The article examines the history of book printing in Russia and its importance not only for Russian, but also for world culture. The first printed books printed in Cyrillic letters for Slavic readers were created by the Krakow master Schwanpolt Fiol. The appearance of printing in Moscow at first seemed to be an ordinary event, but later it was of great importance to the state. The center of Russian book printing was a small building in the center of Moscow on Nikolskaya Street, as it was then called "drukarnya", "business of printed books" or printing house. Subsequently, more books were produced here than in many European cities combined. Of course, Cyrillic printing existed in many European cities, but there was nowhere such a flourishing of the book business as in Moscow at that time. We will talk about the history of this building and printing in Russia and its influence not only on Russian, but also on world culture and history in this article.

Keywords: printing, typography, books, Cyrillic, Glagolitic, Peter I, Slavic-Greek-Latin Academy, civil font, "Grammar" by M. Smotrisky, "Arithmetic" by L. Magnitsky.

Одним из самых значимых событий развития русской культуры стало начало книгопечатания в Москве. Московский печатный двор и открытые вслед за ним типографии в других русских городах в шестнадцатом - семнадцатом веках были одновременно важными культурными и техническими учреждениями. Возникший в шестнадцатом веке Московский печатный двор к восемнадцатому столетию стал одним из самых крупных книгопечатных домов Европы, где сосредоточились лучшие научно-технические и литературные силы.

Особенно этому способствовала деятельность императора Петра I, который внёс значительный вклад во все области государственной жизни, в том числе и в книгопечатание. Здесь в Москве по инициативе этого императора в 1708 году стали употреблять новый «гражданский» шрифт, которым мы с некоторыми изменениями пользуемся до сих пор. Это событие дало ещё больший импульс к развитию книгопечатания и превратило нашу страну в читающую страну мира. После Петра Алексеевича печатные дворы начали активно открываться по всей России и особенно в новой столице, в Санкт-Петербурге. Но Москва ещё долго оставалась русским центром книгопечатного дела.

В Москве ещё до Петра I были выпущены знаменитые учебники, по которым учились в Славяно-греко-латинской академии, да и потом в других образовательных учреждениях России. Многие выпускники этой академии называли началом своей учёности три самых популярных учебника: «Граматику» М. Смотрицкого, «Псалтирь» С. Полоцкого, «Арифметику» Л. Магницкого. По этим учебникам учился в Славяно-греко-латинской академии Михаил Васильевич Ломоносов.

Европейские учёные полагают, что появление книгопечатания в Европе стало одним из самых важных событий в её истории. Это стало началом новой эры в культурной, научной и социальной сферах. Печатная книга смогла раздвинуть пространственные и временные рамки, всячески способствовало новым преобразованиям. В Европе книгопечатание появилось в 1440-е годы и утвердилось в десятках стран и сотнях городов. Среди славян книгопечатание стало распространяться на 30 лет позже. Сначала в 1483 году книги для славянских стран печатали глаголическим шрифтом (основа шрифта - глаголица), а в 1490-е годы появились книги на основе кириллицы. Первым славянским мастером книгопечатания стал Швайпольт Фиоль - житель Кракова.

История книгопечатания в России не менее интересна и значима. Официальная версия в отечественной историографии гласит, что первыми мастерами печатного дела в Москве стали дьякон церкви Николы Гостунского в Москве Иван Фёдоров, Пётр Тимофеев Мстиславец. Они в 1564 году выпустили знаменитый «Апостол». Но в XIX веке в исторической науке началась новая дискуссия по этому поводу, так как были обнаружены более ранние образцы печатных русских книг. Исследователи обнаружили узкошрифтное «Четвероевангелие», среднешрифтовое «Четвероевангелие», «Триодь постная», «Триодь цветная», среднешрифтный и широкошрифтный «Псалтырь». Отметим, что над историей книгопечатания в России работали такие исследователи, как П.М. Строев, А.Е. Викторов, А.И. Некрасов, Е.Л. Немировский и другие. Они как раз и доказывали русское происхождение этих книг. Но были и те, кто спорил и считал, что они были изданы не в анонимной русской типографии, а за рубежом в славянских странах.

До сих пор в этом вопросе так и не пришли к единому мнению. Это связано с тем, что учёные так и не обнаружили никакие свидетельства деятельности этой анонимной типографии в Москве.

Сам же Иван Фёдоров (в переводе на современный язык и летоисчисление) так писал о начале книгопечатания в Москве: «Повелением достопочтимого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и благословением преосвященного митрополита всея Руси Макария типография эта создана в царствующем граде Москве в лето 7070 первое, то есть 1563 год, в тридцатое лето его царствования» [1, с. 78].

В 1565 году после издания «Апостола» Фёдоров и Мстиславец издали «Часовник» - учебную книгу того времени. Но после двух изданий «Часовника» они покинули Москву. Возникает естественный вопрос: почему? На этот вопрос Иван Фёдоров в повести о своей жизни говорит так: «...Много беды мы испытали от озлобления людского. При чем не от самого царя, а от учителей и начальников. Они из зависти обвиняли нас во всяких ересьях, пытались благо превратить во зло. Природа зависти и ненависти готова была погубить наше начинание..» [1, с. 84].

Из Москвы первопечатники переехали в Великое княжество Литовское, а в частности, остановились они в имении Заблудове, белорусского магната Григория Ходкевича. В этом имении они основали новую типографию. Но потом их пути разошлись и Мстилавец уехал в Вильно, где тоже основал типографию. А Иван Фёдоров позже переехал во Львов на Украину. На Украине Фёдоров также издал «Апостол» и «Азбуку». Но самым ярким памятником первопечатного дела того периода стала Острожская библия, которая была выпущена Фёдоровым на Украине в 1581 году. Следует отметить, что в 1574 году в предисловии к львовскому «Апостолу» Иван напечатал свою биографическую повесть о своей жизни и начале книгопечатания в России, но все равно многие факты так и не стали известны нам. Об этом деятеле культуры больше легенд, чем конкретных фактов. Документов о нём не сохранилось и большинство сведений мы можем взять только из его предисловий к изданиям.

Отметим, что после отъезда первопечатников из Москвы книгопечатное дело здесь было быстро возобновлено. Примерно через два года после отъезда Фёдорова и Мстилавца в Москве заработала типография Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева. Об этих исторических личностях известно ещё меньше, чем о предыдущих. Чуть позже в 1570-е гг в Александровской слободе открыл новую типографию сын Невежи Андроник Тимофеев. В этой типографии было издано десять объёмных книг, несколько из них были учебными. Отметим, что все первые московские мастера книгопечатания были профессионалами, настоящими творцами в своём деле. Именно они заложили основы московского стиля книгопечатания, который в семнадцатом веке получил широкое распространение по всей России.

Новый этап книгопечатания в России начался после Смутного времени. Но здесь возникли новые проблемы - страшные пожары в Москве. Пожар 1626 года затронул печатный двор, а вот пожар 1629 года, когда выгорела большая часть города печатный двор к счастью не затронул.

В этот период на печатном дворе работал мастер Василий Фёдорович Бурцев. В период с 1633 по 1642 годы он издал семнадцать книг. Он внёс огромный вклад в развитие этого дела и вошёл в историю, как типограф, вложивший в процесс много нового. Он не только совершенствовал типы печати, но и попытался под Москвой создать фабрику для изготовления бумаги, чтобы не покупать её за рубежом по высоким ценам. Но эту идею до конца довести он не смог. Так как страшный пожар 25 апреля 1634 года нанёс ущерб печатному двору, погибли служащие - сторож Юрий и печатник Алексей Тимофеев. Печатный двор долго восстанавливали и не было средств уже на создание бумажной фабрики.

Существенные изменения в книгопечатном деле произошли в середине семнадцатого века и связаны они с деятельностью патриарха Никона. Печатный двор в 1653 году перешёл в полное подчинение патриарху. Денежные дела велись теперь через Патриарший разрядный приказ. Именно здесь были напечатаны новые богослужебные книги после проведения реформы. Но опять же пожар 1668 года нанёс существенный ущерб. В 1679 году Печатный двор был перестроен и дополнен новыми постройками. Произошло существенное расширение этого предприятия. К 1683 году в нём уже начитывалось более 12 печатных станков. Здесь открылось четыре книгопечатные палаты, каждая из которых носила своё название в зависимости от поставленных в них икон: мироносицкая, воскресенская, спасская, никольская [2, с. 24].

С деятельностью Московского книгопечатного двора связаны и имена первых русских писателей. Так например, первые книги Симеона Полоцкого были изданы именно здесь. В конце семнадцатого начале восемнадцатого века Печатный двор возглавлял ещё один известный русский писатель Карийон Истомина. Он был самым плодовитым писателем семнадцатого столетия и оставил после себя много книг. После Истомина Печатный двор возглавил Фёдор Поликарпов.

Этот мастер внёс свой вклад в развитие печатного дела. С его именем связано издание первой печатной газеты в нашей стране. Событие это произошло 2 января 1703 года, когда в России вышла в свет первая газета «Ведомости», напечатанная на кириллице. А в 1708 году вышел учебник «Геометрия», набранный уже новым гражданским шрифтом. Осуществлялось это под контролем мастера Михаила Ефремова. В работе над новым шрифтом сам император Пётр I принимал активное участие. В 1710 году императору передали два экземпляра «Азбуки» с изображением старого и нового шрифта. Он сделал свои пометки, перечеркнул буквы кириллицы. Так в России возник новый шрифт, который впоследствии стали называть гражданским.

Как известно, бурная деятельность Петра I, коснулась почти всех сфер жизни в стране. Свой вклад внёс он и в развитие печатного дела. Император был очень любознательным и ценил книги. При нём помимо Печатного двора были открыты и другие издательские дома. По его инициативе в России было открыто много новых школ и издано множество учебных пособий по многим научным областям. Страна стремительно менялась в петровскую эпоху, одновременно менялось и издательское дело. В 1721 году Московский печатный двор был передан в ведение Святейшего Синода и стал называться «Московская синодальная типография». Правда в это время это предприятие уже было не единственным, как бывало ранее, а одним из издательств в Российской империи. Таким образом, завершилась монополия первой в нашей стране типографии. За это время, то есть с начала основания и до 1711 года, когда в Санкт-Петербурге была открыта вторая русская типография на Московском печатном дворе было выпущено около 700 изданий [2, с. 29].

Правда все это не точные сведения, так как полной информации нет. В некоторых источниках упоминаются некие издания, но они до сих пор так и не были обнаружены. Отметим, что Московский печатный двор до восемнадцатого века был тем не менее довольно крупным и хорошо слаженным предприятием. Сохранились документы в которых излагается распорядок и процесс организации книгопечатного производства. В книге Ю.А. Любимцева «Улица 25 Октября, 15» (это адрес Московского печатного дома), отмечается, что начало и конец печатания каждого издания непременно праздновались. Перед изданием новой книги составлялся специальный «Государев Указ», который непременно оглашался на Печатном дворе, а все работники по этому поводу получали денежку «на калачи». Самой главной должностью на Печатном дворе был справщик. Они работали в Правильно-Правильной палате. Эта палата исправляла тексты и являлась особым отделением при дворе. Справщиков было три или четыре человека и им непременно помогали два книжных чтеца и писца, потом к ним ещё прибавился книгохранитель. В их ведение входило контроль и сравнение книги с рукописным текстом. Они подготавливали оригинал для набора. Справщиков назначал на должность сам царь или патриарх. За всю историю Московского печатного двора на этой должности работали самые образованные и талантливые деятели нашего отечества. Самыми известными из них были Сильвестр Медведев, справщик Савватий, Евфимий Чудовский, упоминавшийся нами ранее Карион Истомина и другие. Благодаря им были собраны огромные библиотеки. Их библиотеки не уступали многим европейским. У справщиков были широкие полномочия, они например, могли исправить на свой взгляд автора или даже убрать часть рукописи. Известен факт, например, что при издании книги «Жития Сергия Радонежского», справщик Симон Азарьин убрал несколько описаний чудес, так как очень сомневался в их достоверности.

Ещё один интересный факт. При проведении церковной реформы патриарха Никона, когда нужно было исправлять книги по греческим образцам, многие справщики были не согласны с этим. Они единодушно считали, веру своих отцов и дедов непогрешимой. В знак протеста они в полном составе покинули Печатный двор. После чего вышел специальный указ, который ввёл более жёсткий регламент их деятельности и они уже не могли что то убирать или добавлять по своему мнению, а следили только за точностью набора букв.

Самый нашумевший по этому поводу случай был связан с именем ученика Епифания Славинецкого Евфимием Чудовским. Он изменил текст готовящихся к печати Миней. Книги были изданы, но сразу же запрещены, а справщик был отстранён от своей работы.

При Печатном дворе за долгие годы его существования сложилась своя огромная книжная библиотека, которой могли бы позавидовать многие европейские библиотеки. Здесь было много разных книг, в том числе и на иностранных языках, большинство на греческом. Хранились здесь конечно и все оригиналы печатавшихся при этом дворе книг. Большинство книг из этой библиотеки сохранились до сих пор и находятся в Государственном архиве Российской Федерации.

Ещё при Печатном дворе работали такие категории работников, как батийщики, тередорщики, разборщики и наборщики. Они были тесно связаны непосредственно с работой печатных станков. Третьей категорией служащих были словолитцы - отливали шрифт, гарверы - изготовляли резцы, художники - их называли знаменщиками и прочие. При дворе было 12 сторожей. Такой большой штат сторожей объясняется ценностью этого предприятия.

Архивные документы, в частности приходно-расходные книги подтверждают, что здесь трудились целые династии. Самые известные из них мастера книгопечатного дела Невежины и Фофановы. Книги, выпущенные на Печатном дворе распространялись по всей России и среди различных сословий. Самым большим тиражом вышло «Уложение» царя Алексея Михайловича в 1649 году. Следует отметить, что этот правовой акт был первым из праведческих актов, который был напечатан в типографии. При чём, как мы знаем «Соборное уложение» 1649 года официально считалось законодательным актом вплоть до первой четверти девятнадцатого века. Многие книги Московского печатного двора перепечатывались по нескольку раз, то есть переиздавались. Начиная с восемнадцатого века они начали продаваться и за рубежом.

В восемнадцатом веке в книжном деле утвердился так называемый «старопечатный» стиль. Как выглядели тогда книги мы можем видеть по экспозиции в Государственном музее «Эрмитаж» в Санкт-Петербурге. В одном из залов «Эрмитажа» располагается постоянная экспозиция «Книжное дело в эпоху Петра Первого», а также периодически проходят временные выставки на эту тематику. Здесь мы можем видеть, что старинные русские книги были довольно крупными, напечатаны шрифтом, похожим на рукописное письмо. Текст украшен роскошным орнаментом. Все книги того времени делились на несколько групп: богослужебные для церковных служб, богослужебные для индивидуального чтения, учебно-справочные, своды законов. В основном книги эти написаны были русскими авторами, но встречались и белорусские, украинские и иные.

В период с шестнадцатого по восемнадцатый век книги печатались только кирилловским шрифтом. При этом очень часто использовались сокращения. Сокращения назывались титлы и обозначались специальным значком. Так например, «члк» означало «человек» и прочее. Размеры шрифтов были очень крупные, нам сегодня кажется, что шрифт почти плакатный. Шрифты отливали по матрицам и они были оловянными. Назывались шрифты именами авторов матриц. Так например, известны шрифты Ивана Фёдорова, Никиты Фёдорова Фофанова, Анисима Михайлова Радишевского, Осипа Кириллова.

Очень интересны орнаменты книг. Об этом подробно рассказывается в специальном альбоме А.С. Зерновой «Орнаментика книг московской печати XVI - XVII веков» [3, с.56] . Автор подчёркивает, что в тот период насчитывалось более 700 элементов книжного орнамента. В восемнадцатом столетии книжный орнамент претерпел изменения. Поэтому по орнаменту специалисты могут с лёгкостью понять примерное время издания книги. С этого периода в книгах начали печатать гравюры на меди, выполненные мастерами по рисункам знаменитых художников того времени. Ярким примером являются картинки Симёна Ушакова, возведенные в графику Афанасием Трухменским, которые использовались в знаменитых книгах Симеона Полоцкого.

Интерес вызывает вопрос подбора бумаги. Книги печатались как на простой бумаге, так и на очень дорогой. В основном вся бумага ввозилась в семнадцатом - восемнадцатом веке в Россию из Западной Европы, через Архангельск. Отметим, что одно и то же издание могло быть напечатано на разной бумаге, в зависимости от того где и сколько какой бумаги было для этого закуплено.

Переплётом занимались специальные мастера и это было отдельное искусство. Отметим, что по сравнению с современными книгами, переплёты тогда были значительно качественными. Переплёты очень часто украшались целыми литыми композициями из металла. В основном это было серебро и медь, в редких случаях - золото. Безусловно всё это сильно повышало цену изделия. Книги вообще были дорогими. Но это не мешало их распространению. Книг было мало и они очень ценились. Поэтому люди даже с небольшим доходом стремились всё таки приобретать книги. Маленькие «Азбуки» в середине семнадцатого столетия стоили 1 копейку, а большая «Библия» - 5 рублей. Для крестьянской семьи это конечно было непозволительно.

После 1721 года, когда Печатный двор перешёл в ведение Синода и возник ряд других типографий, столица переместилась в город на Неве, Московская типография постепенно стала терять свой статус главного Печатного двора страны и приходиться в упадок. После открытия Московского университета часть станков была передана в его ведение.

Новое возрождение этого Печатного двора началось в девятнадцатом веке. Связано это было с деятельностью талантливых издателей П.А. Бессонова, Н.П. Гиляров - Платонова, В.Е. Румянцевым. Благодаря им были подготовлены к печати и опубликованы многие известные книги того времени.

После октябрьской революции эта типография получила новое название «Гознак». С этого момента начался новый этап в развитии издательского дела нового Советского государства. В XX веке типография «Гознак» стала опять одной из самых крупных и известных типографий в Советской России.

Подводя итог отметим, что Московский печатный двор на протяжении столетий был лидером книгопечатания не только в нашей стране, но и в Европе. Благодаря таланту выдающихся книгопечатников здесь действительно были созданы не просто книги, а настоящие произведения искусства. Некоторые из них дошли до наших дней. Но главным итогом деятельности этого предприятия стало распространение грамотности в России и за рубежом. Поэтому, безусловно Московский печатный двор и его издания стали важным этапом в развитии отечественной и Европейской культуры.

Библиографический список

1. Герчук Ю.Я. Искусство печатной книги в России XVI - XXI вв./Ю.Я. Герчук. - СПб.: издательство «Коло», 2015. - 786 с.
2. Лабынцев Ю.А. Улица 25 Октября, 15: Путеводитель/ Ю.А. Лабынцев. - М.: Московский рабочий, 1986. - 64 с.
3. Платонов Е.В., Мальцева О.Н., Кудрявцев С.А. Старопечатная кириллическая книга XVI - XVII веков: каталог коллекции; Государственный Эрмитаж / Е.В. Платонов, О.Н. Мальцева, С.А. Кудрявцев. - СПб.:Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. - 344 с.
4. Усачев А.С. Первые русские печатные книги: Филегранологические наблюдения/А.С. Усачев//Фёдоровские чтения. 2007. - М.: Русское слово, 2007. - С. 56 - 72

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 123.1/ 130.2

Воронежский государственный технический университет

доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и истории

М.В. Черников

*Россия, г. Воронеж,
тел. +7 (950) 753-14-90*

e-mail: mv.chernikov@gmail.com

Воронежский государственный технический университет

соискатель

В.А. Букреев

Россия, г. Воронеж,

e-mail: ceo@mirra-care.ru

Воронежский государственный технический университет

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

Н.В. Медведева

тел. +7 (920) 462-20-26

e-mail: nmedvedeva@cchgeu.ru

Voronezh State Technical University

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History

M.V. Chernikov

*Russia, Voronezh,
tel. +7 (950) 753-14-90*

e-mail: mv.chernikov@gmail.com

Voronezh State Technical University

Applicant

V.A. Bukreev

Russia, Voronezh,

e-mail: ceo@mirra-care.ru

Voronezh State Technical University

PhD in Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History N.V. Medvedeva

tel. +7 (920) 462-20-26

e-mail: nmedvedeva@cchgeu.ru

М.В. Черников, В.А. Букреев, Н.В. Медведева

К ВОПРОСУ О СВОБОДЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ВОЛИ (ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ)

Статья посвящена обсуждению одного из аспектов классической философской проблемы свободы человеческой воли, а именно вопроса о наличии в организме человеческого индивида некоего автоматизма, который с необходимостью обеспечивает выбор человеком определённого варианта своего поведения. Для обсуждения этого вопроса привлекаются данные современной науки, в частности, современные модельные представления об общем устройстве человека и характере выбора им своего поведения. Эксплицируется и, как одна из наиболее перспективных, трактуется модель «человека, принимающего решения». Показывается, что с точки зрения современных научных представлений вполне правомерно утверждать, что в центральной нервной системе человека имеется некий вполне определённый алгоритм (расчётный механизм), жёстко детерминирующий выбор человеком варианта своего поведения.

Ключевые слова: проблема свободы воли, модель «человека экономического», модель «человека социологического», модель «человека психологического», модель «человека, принимающего решения».

M.V. Chernikov, V.A. Bukreev, N.V. Medvedeva

ON THE QUESTION OF THE FREEDOM OF THE HUMAN WILL (A VIEW FROM THE PERSPECTIVE OF MODERN SCIENTIFIC IDEAS)

The article is devoted to the discussion of one of the aspects of the classical philosophical problem of freedom of human will, namely, the question of the presence of a certain automatism in the human individual's body, which necessarily ensures that a person chooses a certain variant of his behavior. To discuss this issue, the data of modern science are involved, in particular, modern model ideas about the general structure of man and the nature of his choice of behavior. The model of the "decision-maker" is explicated and, as one of the most promising, interpreted. It is shown that from the point of view of modern scientific ideas, it is quite legitimate to assert that there is a certain well-defined algorithm (calculation mechanism) in the human central nervous system that rigidly determines a person's choice of a variant of his behavior.

Key words: the problem of free will, the "economic man" model, the "sociological man" model, the "psychological man" model, the "decision-making man" model.

Введение

Одной из наиболее фундаментальных философских проблем является проблема свободы, включающая в себя и т.н. проблему свободы человеческой воли. Этой проблематике уделялось и уделяется огромное внимание, посвящено большое количество литературы, но окончательной, общепринятой трактовки феномена человеческой свободы, как и феномена свободы человеческой воли не выработано. Споры и дискуссии не утихают. Тем более, что появляются не только новые философские концепции соответствующей тематики, но и новые научные данные, которые дают такие, возникшие по историческим меркам «буквально вчера», направления научного познания, как теория динамических систем, этология, эволюционная генетика, эволюционная психология, нейробиология, когнитивистика, теория искусственного интеллекта и др. Эти данные могут и должны быть использованы для выработки современных ответов на традиционные, можно сказать, классические философские вопрошания. Внести посильный вклад в решение такого рода задачи и призвана настоящая статья. В ней обсуждаются некоторые аспекты проблемы свободы человеческой воли, рассматриваемые в свете новейших научных представлений из области обществоведения и человекознания.

Проблема свободы человеческой воли весьма глубока и многогранна. Ранние варианты её постановки и осмысления уходят корнями в античную философию, но с особой силой её обсуждение начинается в Новое время. Как пишет авторитетный современный французский философ А. Бадью: «В Новое время, начиная с Декарта, центральной становится проблема субъекта... В центре внимания оказываются взаимоотношения субъективного действия и выявляемых им намерений с универсальным Законом» [1, с. 6]. Философия пытается найти «принцип суждения о практиках Субъекта, будь то субъект индивидуальный или коллективный» [1, с. 6].

Одним из важнейших становится вопрос: насколько свободен в своих действиях, в своём мышлении, в своих оценках человеческий субъект, имеет ли место в его поведении свобода воли или он (так писал ещё в 1747 году Жюльен де Ла Метри (Ламетри)), не что иное, как «человек-машина» [2] и, по существу, не обладает свободой выбора вариантов своего поведения. Эта альтернатива далеко не исчерпывает собой всю проблематику человеческой свободы (в частности, она даже не затрагивает такой существенно дискутируемый вопрос: «Что есть свобода?»), но эта альтернатива, как и соответствующие попытки её разрешить, несомненно занимает важное место в философской антропологии.

К какому же варианту разрешения этой альтернативы склоняется современная наука? Попробуем проанализировать.

Обсуждения и результаты

Можно утверждать, что современный научный анализ проблемы выбора человеком своей поведенческой траектории был начат в русле экономической науки, в рамках той научно-исследовательской программы, которая опиралась на одну из трёх основных моделей человека (на сегодняшний день основными моделями человека считаются модель «человека экономического», модель «человека социологического» и модель «человека психологического»), а именно на модель «человека экономического».

Своим появлением эта модель обязана прежде всего экономической теории, которая на рубеже XIX – XX веков претерпела радикальную концептуальную и методологическую трансформацию, связанную с переходом от классической политэкономии (political economy)

к неоклассической экономической теории (economics). Эта глобальная трансформация вошла в историю экономических учений под названием «маржиналистская революция».

Маржинализм (течение в экономической науке, образовавшееся по результатам маржиналистской революции) отказывается от характерного для классической политэкономии (от А. Смита до К Маркса и Дж. Милля) т.н. субстанционалистского подхода к пониманию экономических процессов и переходит на позицию «методологического индивидуализма». Вся логика протекания экономических процессов должна быть выведена – считают маржиналисты – из деятельности реального человеческого индивида, принимающего решения об экономических сделках.

Заняв такую методологическую позицию, маржинализм, по существу, был вынужден концептуализировать обобщенную модель человека, позволяющую операционально эффективно объяснять и предсказывать поведение человека, принимающего решения об экономических сделках.

Такая концептуализация была проведена (особую роль здесь сыграли работы К. Менгера [3]) в русле идей английского утилитаризма (в частности, И. Бентама [4]) и привела к достаточно четкой артикуляции модели «человека экономического».

Человек, согласно модели «человека экономического» – это рациональный максимизатор своего экономического благосостояния или так называемой полезности. Принимая решение об участии в экономических сделках, человек играет роль экономического агента и исходит из задачи повышения своей функции полезности. Экономический агент выбирает тот поведенческий сценарий, который (согласно прогнозируемому расчёту) в наибольшей степени увеличивает его функцию полезности или (если выгодами считать то, что увеличивает функцию полезности, а издержками (убытками) – то, что функцию полезности уменьшает) обеспечивает наибольшее превышение выгод над издержками.

На основе такого концептуального видения и была создана неоклассическая экономическая теория, которой удалось корректным образом расширить понятие экономического агента, понимая под последним не только человеческого индивида, но и т.н. агрегированные субъекты – фирмы и домохозяйства. В XX веке неоклассическая экономическая теория добилась впечатляющих успехов. Именно ей мы обязаны возникновением экономической теории благосостояния (В. Парето, А. Пигу), теории распределения дохода (Дж.Б. Кларк, Ф.Г. Уикстид, К. Виксель), теории ликвидности (К. Виксель, И. Фишер) и многим другим перспективным направлениям экономической науки.

Успехи неоклассической экономической теории настолько увеличили реноме модели «человека экономического», что был поставлен вопрос об использовании модели «человека экономического» в качестве методологической парадигмы понимания поведения целостного человека.

Такой методологический шаг встретил предельно ожесточенную и, во многом, оправданную критику. В первую очередь, со стороны социологов.

Указывалось, что реальный человек далеко не всегда ведет себя как рациональный максимизатор (экономически понимаемой) полезности. Утверждалось, что в рамках модели «человека экономического» просто нельзя объяснить постоянно наблюдающиеся случаи экономически не рационального поведения человека. К таковым относились, с одной стороны, эмоционально или аффективно обусловленные действия, а, с другой стороны, – действия альтруистического плана: забота о детях и стариках, служение общественно значимым целям, приверженность идеалам, случаи самопожертвования и др.

Кроме того, радикальному сомнению подвергалась сама возможность существования в человеческой голове (постулируемого моделью «человека экономического») нейрофизиологического механизма, обеспечивающего постоянную калькуляцию выгод и издержек предпринимаемых индивидом поведенческих действий. Как, в частности, с пафосом писал Т. Веблен: «Человека нельзя представить в качестве молниеносного вычислителя удовольствий и неприятностей...» [5, с. 123].

Действительно, первоначальная, т.н. стандартная, версия модели «человека экономического», лёгшая в основу неоклассической экономической теории, не могла справиться с вышеуказанными концептуальными затруднениями. Мяч, таким образом, перешёл на сторону социологов, которые, отвергая модель «человека экономического» в качестве парадигмальной для объяснения поведения целостного человека, теперь, по сути дела, были просто обязаны взять инициативу на себя и представить свою обобщенную модель человека. Ею и стала модель «человека социологического».

Специфически социологическое понимание человека было введено в научный оборот Э. Дюркгеймом, которого принято считать основателем современной социологии. По Дюркгейму, сущность и специфика человека определяются его включенностью в общество, и именно детерминация поведения индивида со стороны общества (за счет систем морали и социальных практик) придает поведению моральность, то есть подлинно человеческий характер. Дюркгейм писал: «Действовать морально – значит действовать в соответствии с коллективными интересами» [6, с. 59].

Само общество Дюркгейм рассматривает в качестве вполне самостоятельной системы, которая, по существу, не зависит от входящих в него отдельных индивидов. При этом индивидуальное поведение – подчеркивает Дюркгейм – должно определяться (и в норме определяется) обществом, подчиняя себе и соответствующим образом корректируя эгоистические побуждения индивидов. «Коллективный интерес, если он всего лишь сумма эгоистических интересов, – пишет Дюркгейм, – сам по себе является аморальным. Если общество должно рассматриваться как нормальная цель морального поведения, тогда должна существовать возможность увидеть в нем нечто иное, нежели сумму индивидов; оно должно образовывать *sui generis* существо со своим собственным характером, который отличен от характера его членов...» [6, с. 60].

Моральность поведения обретается человеком путем социализации, посредством процессов воспитания и образования, в результате чего индивид принимает, усваивает и делает руководящими принципами своего поведения поддерживаемые в данном обществе нормы и ценности. В случае отклонения поведенческих действий индивида от общественно нормируемого стиля поведения общество наказывает девианта, применяя для этого специально разработанную систему моральных и правовых санкций, с целью вернуть индивида на социально приемлемую траекторию поведения.

Заявленная Дюркгеймом методологическая платформа получила свое продолжение и развитие в рамках функционализма или структурно-функционального подхода, который стал мейнстримом западной теоретической социологии в 1930–1950-е годы. [7, 8]

В русле господствующих в социологии XX методологических установок и произошла концептуализация модели «человека социологического». Эта обобщенная модель впервые получила эксплицитную научную артикуляцию в вышедшей в 1968 году книге Р. Дарендорфа «Homo Sociologicus» [9].

Человек согласно модели «человека социологического» – это, в первую очередь, исполнитель социальных ролей, мотивируемый к их исполнению постоянно ощущаемой угрозой общественных санкций за отклоняющееся поведение.

В скором времени модель «человека социологического» стала именоваться акронимом SRSМ. Этим акронимом маркировались три (принимаемых моделью в качестве ключевых) характеристики человека: социализированность, исполнение ролевых функций, подверженность санкциям (*socialized, role-playing, sanctioned man*) [10].

«Первый элемент, – комментирует К. Брунер модель SRSМ, – выражает онтологическое главенство общества и вытекающую отсюда социальную детерминированность индивидуального поведения. Человек с самого рождения полностью запрограммирован своим социальным окружением. Можно использовать аналогию с пчелами и муравьями, однако нам следует признать, что запрограммированность муравьев и пчел в деталях их образа жизни обусловлена биолого-генетической основой.

Социологическая модель неявно подразумевает, что эта основа не играет роли, и предполагает, что программирование полностью осуществляется обществом.

Исполнение ролей вытекает из самого процесса социализации. Общество структурировано в виде множества ролей, и индивиды приспосабливаются к конкретным ролям с социально детерминированными характеристиками и обязанностями. Система учрежденных ролей и ролевое поведение определяют стабильные ожидания. Члены общества могут в какой-то степени предвидеть поведение друг друга. Но поскольку человек с недостаточной степенью социализации может отклониться от своей роли, его поведение все же необходимо контролировать. Процесс социализации дополняется и подкрепляется санкциями». [11, с. 59]

Модель SRSМ стала для социологической литературы базовой, и, хотя она ещё продолжала обсуждаться и модифицироваться, её принципиальные положения уже не менялись.

Надо также отметить, что параллельно с формированием и развитием модели «человека социологического» были предприняты попытки концептуализировать модель «человека психологического». В рамках решения этой задачи выделилось два методологических направления.

Первое направление в конструировании модели «человека психологического» отталкивалось от психоаналитической теории, в частности, от фрейдизма [12]. Теоретической основой второго направления стала теория мотивации, развитая А. Маслоу [13].

В рамках первого направления в человеке акцентируются такие черты как импульсивность, эмоциональность. Подчеркивается обусловленность его поведения внутренними, неосознанными и неконтролируемыми им психическими силами. Поведение человека обнаруживает черты противоречивости и непредсказуемости. Человек трактуется, как весьма ограниченный с точки зрения возможности рационально выбирать конкретную траекторию своего поведения.

Второе методологическое направление в конструировании модели «человека психологического» уже меньше апеллирует к бессознательному, делая акцент на детерминации поведения тем рядом иерархическим образом организованных потребностей человека, которые А. Маслоу выделил в качестве фундаментальных. Таковыми считаются, во-первых, наиболее приоритетные – физиологические потребности, а далее, по мере убывания приоритетности: потребности в безопасности, потребности в любви и принадлежности к обществу, потребности в уважении и самоактуализации.

Потребности, обладающие более высоким рангом приоритетности, удовлетворяются в первую очередь, по мере их удовлетворения поведенческие действия человека переносятся на удовлетворение следующих по приоритетности потребностей. Интегральной суммой поведенческих действий человека по удовлетворению соответствующих потребностей и становится целостная траектория его поведения.

Сейчас нет необходимости подробно разбирать специфические особенности каждого из двух направлений, конституирующих модель «человека психологического». Важнее отметить их инвариантную часть, которая заключается в том, что «человек психологический» выступает как функтор некоего набора программ, «прошитых» на уровне глубинных, мало осознаваемых структур человека. Попадание человека в определенного рода ситуацию активирует соответствующую программу, которая, в свою очередь, инициирует поведенческие действия человека в этой ситуации.

Заметим, что установка на фактическое подчинение поведения человека набору определенного рода программ объединяет модель «человека психологического» и модель «человека социологического». Иницирующие поведение человека программы в этих двух моделях человека принципиально различны только по способу их инсталлирования. В модели «человека психологического» инсталляция соответствующих программ

осуществляется преимущественно биологическим путем, а в модели «человека социологического» – преимущественно социальным.

В то же время обе эти модели человека радикально отличаются от модели «человека экономического». Они принципиально отрицают «методологический индивидуализм» (основной принцип модели «человека экономического») и, тем самым, лишают себя концептуальных возможностей для рассмотрения проблемы выбора человеком вариантов своего поведения (не говоря уже о решении этой проблемы).

Но это, в свою очередь, означает, что достаточно схожие между собой модели «человека психологического» и «человека социологического» также не могут претендовать на полноту понимания поведения целостного человека. Даже с учетом признания реальности многих поведенческих действий человека как, по существу, программируемых, нельзя не видеть и наличия достаточно широкого класса ситуаций, в которых человек сталкивается с проблемой выбора и вынужден принимать решение о том варианте своего поведения, который представляется ему наилучшим из спектра возможных.

В силу всего вышесказанного, отнюдь не удивительно, что где-то в 60-х годах XX века модели «человека психологического» и «человека социологического», с одной стороны, и модель «человека экономического», с другой стороны, как бы поделили сферы своего влияния и стали восприниматься как взаимодополнительные. Представители основополагающих дисциплин в науках о человеке – психологи, социологи и экономисты – свою предметную область изучали под углом зрения «своей» модели человека, стараясь не вмешиваться в «чужую» епархию. [14, с. 55-56].

С точки зрения общей методологии такая (установившаяся на дисциплинарном уровне) дополнительность между различными моделями человека вполне объяснима. Действительно, модель «человека психологического» и модель «человека социологического» оказываются вполне «работающими». Другое дело, что «работающими» они оказываются только для определенного класса случаев. А именно, когда ситуационный ландшафт поведенческих действий таков, что индивиду для эффективной адаптации к нему достаточно опираться на уже имеющиеся автоматизмы и «встроенные» программы. Но, если такой опоры уже недостаточно, если возникает ситуационная неопределенность, если индивиду приходится выбирать между различными, теоретически возможными в данной ситуации поведенческими вариантами, то обе эти модели демонстрируют свою неэффективность.

В то же время, с точки зрения общей методологии, равноправность принципиально различных моделей человека (моделей человека «социологического» и «психологического», с одной стороны, и модели «человека экономического», с другой) не может восприниматься позитивно. Методологическим императивом в такой ситуации становится требование перейти от дуалистической (плюралистической) по своим концептуальным основаниям «картины человека» к монистической. Иначе говоря, следует решить, какая модель человека с точки зрения своей онтологии первична, то есть имеет более фундаментальный, основополагающий характер, а какая (какие) – вторична и может быть представлена как частный случай первой.

Забегая вперед, надо сказать, что более высокую степень обоснованности претензий на фундаментальность, как и более высокий потенциал расширения своей предметной области обнаружила научно-исследовательская программа, берущая за основу модель «человека экономического». Но прогресс был достигнут не на пустом месте, он был обусловлен серьезной модификацией первоначальной версии модели «человека экономического». Стандартная – первоначальная – версия модели «человека экономического» была заменена на новую версию этой модели – модернизированную. Методологическая программа понимания поведения человека, выстраиваемая на основе модернизированной версии модели «человека экономического» стала определяться как современный экономический подход.

Современный экономический подход, так же, как и стандартный (принимаемый стандартной неоклассической экономической теорией), опирается на представление о человеке, совершающем поведенческий выбор, исходя из задачи максимизации некоей, характерной для него в данной ситуации, целевой функции. Опять же постулируется необходимость для принятия поведенческого решения проведением калькуляции выгод и издержек возможных поведенческих сценариев. В то же время, современный экономический подход отказывается от ряда (присущих стандартной неоклассической экономической теории) чрезмерно жестких и, по сути, нереалистичных представлений о содержании и характере протекания тех расчетных действий, которые осуществляет человек при выборе варианта своего поведения.

Стандартная неоклассическая экономическая теория «не видела» институциональную среду, в которой действуют экономические агенты. В неоклассике не принимались во внимание издержки заключения и обслуживания сделок (т.н. трансакционные издержки), предполагались полная распределенность и абсолютная подвижность всех ресурсов, считалось, что права собственников вполне специфицированы и надежно защищены и т.д.

Современный экономический подход исходит из более реалистичного видения, полагая, что экономические агенты действуют в мире достаточно существенных трансакционных издержек, не всегда специфицированных прав собственности, в мире недостаточно прописанных, т.н. неполных контрактов, в мире с высокой степенью неопределенности будущего и вытекающих отсюда рисков.

Принципиально важно, что современный экономический подход отказывается от характерной для неоклассики концепции совершенной информации (экономические агенты не имеют ограничений в получении всей необходимой для принятия поведенческого решения информации), понимая и в явном виде учитывая факт «не-бесплатности» передачи и усвоения информации.

Действительно, затраты (начиная от энергетических и заканчивая когнитивными) на получение и освоение релевантной для оптимального поведенческого решения информации, как правило, весьма существенны. Именно поэтому индивид (в частности, экономический агент) зачастую вынужден принимать поведенческое решение в условиях дефицита релевантной информации, ограничиваясь поиском не оптимального, а лишь удовлетворительного поведенческого сценария. В этом смысле он, хотя и старается вести себя рационально (пытаясь эффективно максимизировать свою целевую функцию), но проявляет не полную, а т.н. ограниченную рациональность [15].

Понимание ограниченной рациональности любого индивида открывает возможность для аналитического рассмотрения случаев т.н. оппортунистического поведения (своекорыстного уклонения от принятых на себя обязательств). Стандартная неоклассическая экономическая теория, для которой была характерна концепция совершенной информации, не учитывала возможности оппортунистических действий. Считалось, что оппортунистическое поведение, в принципе, не может остаться незамеченным. Соответственно, предполагалось, что (в условиях владения полной информацией) для пресечения оппортунистических действий достаточно оговорить соответствующие санкции, и рационально действующий экономический агент не решится вести себя оппортунистически в виду угрозы понести запретительно высокие издержки.

Однако при учёте факта ограниченной рациональности, характерной для реально действующих экономических агентов, проблема оппортунизма встаёт во весь рост. В условиях «не-бесплатности» передачи и получения информации типичной оказывается ситуация, когда осуществление полного контроля за возможными проявлениями оппортунизма становится чрезмерно затратным. В этих условиях оппортунистические действия остаются незамеченными, а, следовательно, и не наказуемыми. Но при отсутствии наказания (отсутствия соответствующих издержек) рационально действующий индивид, максимизирующий свою полезность, не будет иметь оснований уклоняться от оппортунизма.

Модернизированный вариант модели «человека экономического», легший в основу той методологической программы, которая получила название «современный экономический подход», значительно увеличил сферу применения последнего. Современный экономический подход, как было отмечено в мотивировочной части решения Нобелевского комитета о присуждении Г. Беккеру Нобелевской премии по экономике за 1992 год, позволил плодотворно распространить «сферы микроэкономического анализа на широкий круг человеческого поведения и взаимодействий между людьми, включая нерыночное поведение». [16, с. 26].

Сам Г. Беккер писал: «...я пришел к убеждению, что экономический подход является всеобъемлющим, он применим ко всякому человеческому поведению – к ценам денежным и теневым, вмененным; к решениям, повторяющимся и однократным, важным и малозначачим; к целям эмоционально нагруженным и нейтральным; к поведению богачей и бедняков, пациентов и врачей, бизнесменов и политиков, учителей и учащихся» [16, с. 35-36]. «Экономический подход уникален по своей мощи, потому что он способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения» [16, с. 31].

В то же время, признавая высокую степень объяснительного и прогностического потенциала современного экономического подхода, нельзя не отметить и его уязвимые с методологической точки зрения места. Речь, в частности, идет о следующем.

С одной стороны, на сегодняшний день накоплено впечатляющее количество конкретных кейсов, при рассмотрении которых современный экономический подход зарекомендовал себя весьма эффективной методологией. (Один только Г. Беккер успешно использовал методологию современного экономического подхода в таких, казалось бы, далеко отстоящих друг от друга областях как: проблематика образования (инвестиций в человеческий капитал), проблематика преступления и наказания, аналитика политического влияния, аналитика дискриминации, проблема выбора брачного партнера, экономика семейных отношений, анализ предпочтений, привычек и пристрастий и др.)

Во всех этих кейсах используется универсальная метода: применительно к конкретной проблемной ситуации моделируется некая характеризующая эту ситуацию целевая функция. А далее решается задача нахождения экстремумов (или точек максимального значения) этой функции при ситуационно имеющихся ограничениях. Найденная таким образом точка максимума репрезентируется в качестве аттрактора, к которому стягиваются поведенческие траектории рационально действующих индивидов.

Эта метода не раз демонстрировала свою эффективность. Но в каждой конкретной ситуации искалась своя специфическая целевая функция, накладывались специфически определяемые ограничения. То есть, каждый раз моделировалось ситуационно обусловленное поведение.

В результате такого – ситуационного – рассмотрения особенностей человеческого поведения оставался неопределенным (не складывался) целостный образ человека, различные поведенческие стратегии которого исследовались применительно к этим конкретным ситуациям. Естественным образом возник вопрос: можно ли найти некий общий знаменатель поведенческих проявлений человеческой деятельности, рассматриваемых через призму современного экономического подхода, так, чтобы на его основе создать образ целостного человека, выбирающего каждый раз конкретную поведенческую стратегию в рамках конкретной ситуационной определенности своего жизненного ландшафта?

Как представляется, сегодня мы уже можем дать позитивный ответ на так поставленный вопрос. Соответствующее ноу-хау связано с концептуализацией возможности понимания поведения человека на основе такой его обобщенной модели, которую можно назвать модель «человека, принимающего решения».

Разработанная в рамках построения т.н. общей теории человеческих взаимодействий [17, 18] модель «человека, принимающего решения», выстраиваемая посредством

проецирования методологии современного экономического подхода на понимание поведения целостного человека, может быть представлена следующим образом.

Утверждается, что человек, принимающий решения, выступает как субъект, руководствующийся задачей максимизации характерной для него обобщенной функции, которая получила название интегральной функции благополучия (ИФБ). Её общий вид может быть записан следующим образом:

$$F = f(k_1X_1, k_2X_2, \dots, k_nX_n)$$

где X_1, X_2, \dots, X_n – параметры, репрезентирующие набор имеющегося у данного субъекта потребностей и интересов, а k_1, k_2, \dots, k_n – параметры, показывающие вес (значимость) соответствующих потребностей и интересов в ИФБ.

Удовлетворение имеющихся потребностей и интересов осуществляется путем «приобретения» субъектом в своей «среде обитания» специфических «элементов благополучия» (например, потребность в еде удовлетворяется посредством приобретения и освоения соответствующих порций пищи, потребность в развлечении удовлетворяется за счет, например, получения определенных порций «зрелищ» и т.п.).

Параметры ИФБ (как X_i , так и k_i) являются функциями от количества соответствующих элементов благополучия. Параметры X_i характеризуются (в общем случае) прямой пропорциональностью по отношению к количеству соответствующих элементов благополучия (получение дополнительных элементов благополучия соответствующего вида увеличивает возможности удовлетворения соответствующей потребности или интереса). Параметры k_i характеризуются (в общем случае) обратной пропорциональностью по отношению к количеству соответствующих элементов благополучия (по мере насыщения потребности или интереса значимость этой потребности или интереса (исключая примеры наркотической зависимости) падает).

Задача максимизации так определяемой ИФБ оказывается далеко не тривиальной. В условиях типичной для человека ситуации ресурсной ограниченности приобретение элементов благополучия для удовлетворения одного вида потребностей (интересов) оборачивается не-до-приобретением элементов благополучия для удовлетворения другого вида потребностей (интересов). Это, соответственно, означает, что в условиях ограниченности ресурсов увеличение, например, параметра X_m (соответствующие ресурсы направляются на обретенные элементы благополучия m -го вида) сопровождается «проседанием», например, параметра X_k (в силу не-до-приобретения элементов благополучия k -го вида). Кроме того, при увеличении числа элементов благополучия m -го вида (уменьшается параметр k_m , (уменьшается вес потребности в рамках ИФБ)).¹

Также имеет значение и временной фактор. Задача максимизации ИФБ может решаться в перспективе различных временных горизонтов. При этом типичной оказывается ситуация, когда стратегический выигрыш (увеличение ИФБ на длительном временном интервале) достигается через допущение тактических проигрышей (уменьшения ИФБ на коротком временном интервале).

Такое положение дел весьма затрудняет отыскание наилучшей стратегии в деле максимизации ИФБ. Находить оптимальный поведенческий путь увеличения ИФБ отнюдь не представляется легким делом. Эту задачу человеческий индивид, обладающий только ограниченной рациональностью, «хорошо» решать не очень умеет.

И в то же время, человеческий индивид не может не решать задачу максимизации своей ИФБ, поскольку, только найдя определенное решение этой задачи применительно к конкретной жизненной ситуации, он оказывается в состоянии выбрать вариант своего

¹ Согласно т.н. первому закону Госсена, который гласит, что потребительская ценность любого блага уменьшается по мере увеличения количества единиц этого блага. Так первая порция мороженого в жаркий день идёт на «ура», вторая порция доставляет уже меньшее удовольствие, а, например, пятая уже просто «в горло не лезет»

поведения в этой ситуации и, соответственно, начать поведенческое действие. Это, по существу, означает, что в человека «встроен» некий специальный «механизм управления», оказывающий *принудительное* воздействие на поведение человека, и, как утверждается в рамках модели «человека, принимающего решение», этот «механизм» *принуждает* человека реализовывать тот поведенческий сценарий, который ему представляется в данный момент наилучшим с точки зрения максимального увеличения его ИФБ.

Каждый индивид при выборе любого поведенческого действия (как минимум) бессознательно и (в той или иной степени) сознательно просчитывает возможный прирост своей ИФБ для каждого из имеющихся в данной ситуации конкретных поведенческих вариантов. При этом тот поведенческий вариант, который с точки зрения субъективного расчета индивида сулит наибольшее приращение ИФБ данного индивида «проводится в жизнь», можно сказать, автоматически.

Теоретически выводимая необходимость расчётных действий мозга (точнее центральной нервной системы – ЦНС) для выбора человеком своей поведенческой траектории ранее подвергалась сомнению (см. приводимую выше позицию Т. Веблена), поскольку не было научных данных, подтверждающих такую работу ЦНС. Однако в последнее время, благодаря, в первую очередь, нейробиологическим исследованиям ситуация дел в этой области кардинально изменилась. Именно калькулятивная работа мозга является для последнего определяющей [19].

При этом для осуществления соответствующих калькулятивных процессов задействуются два механизма когнитивной регуляции человеческого поведения.

Первый механизм – подсистема системы когнитивного обслуживания человеческой деятельности – называется (в терминологии Д. Канемана и его школы) – Система 1; второй – Система 2 [20, 21].

Система 2 – эволюционно более поздняя в развитии человека – умеет выделять и оперировать причинно-следственными и логическими закономерностями (в этом смысле она представляет собой рациональное мышление человека), Система 2 – рефлексивна, то есть осознаёт принципы и технику своей работы, и критична (в том числе, самокритична), то есть следит за обоснованностью своих построений, проверяя их корректность с точки зрения непротиворечия природным и логическим законам.

Однако Система 2 – энергетически высокзатратна. Поскольку любой живой организм, в том числе и человеческий, старается минимизировать расходы всегда ограниченных энергетических ресурсов, это непосредственным образом сказывается на работе Системы 2. Во-первых, если Система 2 может не работать (нет соответствующей мотивации), то она и не работает. Во-вторых, если Система 2 всё-таки начинает работать, то она (относительно) «долго раскачивается» и, даже выйдя на свой нормальный уровень, Система 2 остаётся относительно медлительной и не слишком эффективной. Известно, что Система 2 способна одновременно анализировать лишь ограниченное число параметров (в норме, где-то около семи). И наконец, Система 2 очень зависима от дефицита энергии в организме. Если организм сталкивается со стрессовой ситуацией, в рамках которой приходится осуществлять энергетические затраты на преодоление последней (переутомление, голод, опасность, дефицит времени для решения сложной задачи и т.д.), то Системе 2 достаётся меньшая по сравнению с необходимой для её эффективной работы энергетическая квота. В этом случае в работе Системы 2 возникают перебои, а, в пределе, наступает полный ступор.

Однако, отсутствие работы (плохая работа) Системы 2 не является критическим препятствием для функционирования общей системы когнитивного обслуживания человеческой деятельности. В случае сбоев Системы 2 «на хозяйстве» остаётся Система 1 – эволюционно более ранний механизм когнитивной регуляции человеческого поведения.

Система 1 – энергетически малозатратная, быстрая, способная одновременно анализировать достаточно большое число параметров. Однако оборотной стороной медали,

является то, что Система 1 не умеет выделять причинно-следственные связи, не придерживается законов логики, не является рефлексивной (работает на бессознательном уровне), не является, соответственно, и критичной. Если Система 2 способна вербализовать свои рассуждения, то Система 1 – нет. Её язык – это язык эмоций, которые возникают и действуют без участия воли и сознания, можно сказать, «самопроизвольно».

Главный принцип, которым руководствуется Система 1 – это принцип прецедента. Система 1 рекомендует поступать человеку на основе той информации, которая наиболее часто повторяется в его опыте. Именно поэтому Система 1 (достаточно) хорошо справляется с обслуживанием текущей повседневной деятельности человека, но зачастую ошибается в сложных, выходящих за рамки обычной жизни человеческого организма ситуациях. Но именно с такими ситуациями, как правило, сталкивается человек в рамках своей социальной жизни в условиях современного общества. В такого рода ситуациях Система 1 не слишком эффективна. Здесь требуется помощь Системы 2, которая может (и должна) критически отнестись к рекомендациям Системы 1 (то есть, непосредственным желаниям) и либо согласиться с ними, либо отвергнуть как стратегически слабые.

Как правило, при выборе определённого варианта поведения из ряда возможных (то есть при расчёте максимального приращения ИФБ) работают одновременно обе Системы, но окончательное решение принимает (в норме) Система 2.

Иногда именно факт управленческого доминирования Системы 2 над Системой 1, то есть факт подчинения непосредственно ощущаемых желаний и хотений организма (работа Системы 1) рационально полученному решению о выборе поведенческого сценария (работа Системы 2) и расценивается исследователями как проявление эффекта «свободы воли».

Но при этом упускается из вида, что и само рационально выбранное решение принимается не «на пустом месте», а подчиняется тому же – главному для регуляции поведенческой активности человека – принципу: расчётом индивидом приращения своей ИФБ по отношению к возможным (входящим в горизонт видения индивида) поведенческим сценариям.

Да, субъективный расчёт может быть (и часто бывает) неверным. Причём могут ошибаться как Система 1, так и Система 2 [22, 23]. Но расчёт прироста ИФБ для возможных вариантов поведения индивидом всегда производится, и человек не может не выбрать (автоматически выбирает) тот вариант поведения, который по его субъективному расчёту обеспечивает наибольший (по сравнению с другими возможными вариантами) прирост его ИФБ.

Ощущение свободы воли при выборе поведенческого сценария у человека возникает лишь потому, что до произведения соответствующего расчёта человек действительно не знает, какой результат получит его ЦНС, его когнитивная система регуляции поведенческой активности. Но, если и когда такой результат получен, свобода выбора человеком варианта своего поведения окончательно закрывается.

Заключение

Как показывает концептуальный анализ, основанный на результатах достижений современного научного познания, свобода воли человека, предполагающая возможность ему совершать, по сути, любое поведенческое действие, детерминантом которого является единственно волевое усилие человека – это, по существу, фикция. Можно утверждать, что в организм человека на уровне его ЦНС встроен специфический расчётный алгоритм, который с необходимостью обуславливает выбор человеком соответствующей поведенческой траектории. Интуиция Ла Меттри (Ламетри) о машинообразном способе выбора человеком своей поведенческой траектории находит подтверждение на уровне современного научного познания. Причём сам Ла Меттри отдавал отчёт, что в XVIII веке доказательно подтвердить его интуицию невозможно. Ла Меттри писал: «Человек настолько сложная машина, что совершенно невозможно составить себе о ней ясную идею, а следовательно, дать точное

определение. Вот почему оказались тщетными все исследования а priori самых крупных философов, желавших, так сказать, воспарить на крыльях разума. Поэтому только путём исследования а posteriori, т.е. пытаясь найти душу как бы внутри органов тела, можно не скажу открыть с полной очевидностью саму природу человека, но достигнуть в этой области максимальной степени вероятности» [2, с. 180].

Такие, чаемые Ла Меттри исследования а posteriori были проведены наукой только в конце XX – начале XXI вв., но они свидетельствуют, что в своём понимании проблемы свободы человеческой воли Ла Меттри был на правильном пути.

Библиографический список

1. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла / А. Бадью : Пер. с франц. В. Е. Лапицкого. – СПб. : Machina, 2006. – 126 с.
2. Ламетри Ж.О. Человек-машина / Ламетри Сочинения / Ж.О. де Ламетри. – М : Мысль, 1983. – 513 с.
3. Менгер К. Основания политической экономии / Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф.Визер. – М. : Экономика, 1992. – 493 с.
4. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М.: РОССПЭН, 1998. – 415 с.
5. Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 501 с.
6. Durkheim E. Moral Education: A Study in the Theory and Application of the Sociology of Education / É. Durkheim. – New York: Free Press, 1961 – 324 p.
7. Parsons T. The Social Sistem / T. Parsons. – Glenkoe, 1951. – 575 p.
8. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С.94-122.
9. Dahrendorf R. Homo Sociologicus (1st ed.) / R. Dahrendorf. – London : Routledge, 1968 – 112 p.
10. Lindenberg S. An Assessment of the New Political Economy: Its Potential for the Social Sciences and for Sociology in Particular / S. Lindenberg // Sociological Theory. – Spring, 1985. – P. 99 –113.
11. Брунер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества / К. Брунер // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 51-72.
12. Rief Ph. Freud: the Mind of the Moralist / Ph. Rieff // The Emergence of Psychological Man. – New York : Viking Press, 1959. – 397 с.
13. Maslow A.H. Motivation and Personality / A. Maslow. – New York : Harper & Row., 1954. – 411 с.
14. Автономов В. С. Модель человека в экономической теории и других социальных науках / В. С. Автономов // ИСТОКИ. – 2001. – Вып.3. – С. 24 – 71. – С. 55-56.
15. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления / Г. Саймон // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 16 – 38.
16. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход / Г.С. Беккер. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
17. Черников М.В. Общая теория человеческих взаимодействий (концептуальное введение) / М.В. Черников. – Воронеж: ИММиФ, 2013. – 116 с.
18. Chernikov M.V. Theory of Human Interaction: a Conceptual Framework. – Raleigh, North Carolina, USA: Open Science Publishing, 2017. – 165 p.
19. Пинкер С. Как работает мозг / С. Пинкер. – М.: Кучково поле, 2017. – 672 с.
20. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. / Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски. – М.: Изд-во Институт прикладной психологии, «Гуманитарный Центр», 2005. – 632 с.

21. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман. – М.: АСТ, 2013. – 656 с.
22. Лерер Дж. Как мы принимаем решения / Дж. Лерер. – М.: Астрель, CORPUS, 2011. – 350 с.
23. Черников М.В., Перевозчикова Л.С., Авдеенко Е.В. Рациональное и иррациональное в человеческом поведении / М.В. Черников, Л.С. Перевозчикова, Е.В. Авдеенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура). 2022, № 4 (73). – С. 130-135.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

УДК 323

*Воронежский государственный университет
преподаватель кафедры регионоведения и экономики
зарубежных стран
О.С. Бушнева
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(980) 340-83-39;
e-mail: Olga20231@yandex.ru*

*Voronezh State University
lecturer of the Chair of Regional Studies and Foreign
Countries Economies
O.S. Bushneva
Russia, Voronezh,
tel. +7(980) 340-83-39;
e-mail: Olga20231@yandex.ru*

О.С. Бушнева

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Целью данного исследования является рассмотрение Коммунистической партии Китая в современной политической системе Китайской Народной Республики. Автор анализирует организационную структуру партии, направления её внешней и внутренней политики, а также влияние на политическую сферу страны в целом. Автор полагает, что основной силой формирования и развития современной китайской политики в постоянно развивающемся мире является Коммунистическая партия, которая также является неотъемлемым элементом государственного управления. В статье показано, что партия находится в непосредственном контакте с населением Китайской Народной Республики, благодаря чему концентрирует и выражает интересы многонациональной китайской нации. В статье проанализирована специфика политической системы Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: Китай, Коммунистическая партия Китая, общество, политика, центральная сила, Си Цзиньпин, Мао Цзэдун, Народно-освободительная армия Китая.

O.S. Bushneva

THE COMMUNIST PARTY OF CHINA IN THE POLITICAL SYSTEM OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

The purpose of this study is to explore the Chinese Communist Party in the modern political system of the People's Republic of China. The author analyzes the organizational structure of the party, the directions of its foreign and domestic policy, as well as the impact on the political sphere of the country as a whole. The author believes that the main force in the formation and development of modern Chinese politics in a constantly developing world is the Communist Party, which is also an integral element of public administration. The article shows that the party is in direct contact with the community of the People's Republic of China, therefore concentrating and expressing the interests of the multinational Chinese nation. The article analyzes the specifics of the political system of the People's Republic of China.

Key words: China, Chinese Communist Party, society, politics, central power, Xi Jinping, Mao Zedong, People's Liberation Army of China.

Введение. Являясь авангардом рабочего класса и верным выразителем интересов китайской нации и народа, партия осуществляет руководство в построении социализма в Китае. Важнейшими функциями партии является представление требований развития передовых производительных сил страны, китайской культуры и коренных интересов широких слоев китайского народа. Конечная цель партии представлена построением коммунистического общественного строя.

Основа деятельности Коммунистической партии Китая состоит из соединения марксистско-ленинского учения и идей Мао Цзэдуна, которые содержат в себе подтвержденные практикой теоретические положения о создании нового общества, обобщении опыта китайской революции, а также коллективную мудрость Коммунистической партии. Согласно Конституции Китая, партия является силой, руководящей и управляющей всей жизнью страны. Так как политическая партия Китая имеет собственную специфику, партия сформировала те политические условия, материальную основу и институциональные гарантии, которые обеспечат развитие Китая в постиндустриальную эпоху.

Цель и задачи статьи. В центре авторского внимания в представленной статье будут особенности существования и деятельности Коммунистической партии Китая. Целью автора является анализ партии как единицы сложившейся политической системы современного Китая. В число задач автора входит анализ инструментов и механизмов реализации решений партии, выделение особенностей функционирования партии.

Коммунистическая партия Китая – основная политическая сила страны. Политическая система Китая имеет свою специфику. В её структуру входят различные органы, имеющих влияние на общественную жизнь страны, но главное положение занимает именно Коммунистическая партия. Согласно Конституции Китайской Народной Республики, она является силой, управляющей всей жизнью страны [1].

Структура партии. Руководящие партийные органы имеют следующую структуру: более двух тысяч делегатов Общенационального съезда, постоянные члены Центрального Комитета КПК в составе более двухсот человек, Политическое бюро ЦК в составе двадцати пяти человек, семь представителей Постоянного комитета Политбюро ЦК. Действие данных органов осуществляется на всех территориально-административных уровнях государства. Помимо перечисленных, к числу высших органов партии также относятся: Центральная комиссия по проверке дисциплины, Секретариат Центрального комитета и Военный совет Центрального комитета КПК. В период съездов, один раз в пять лет, Общенациональный съезд выполняет функции руководства партией, реализации решений и представления партии в политической сфере страны. В остальное же время это входит в деятельность Центрального Комитета партии, который избран Всекитайским съездом и несёт перед ним ответственность, отчитывается перед ним о результатах своей работы.

Партия возглавляется генеральным секретарем, в полномочия которого входит проведение заседаний Политбюро ЦК и его Постоянного комитета, руководство работой Секретариата ЦК [2]. С 2012 года данную должность занимает *Си Цзиньпин*. Став руководителем, он определил дальнейшие преобразования в жизни страны: разработка генеральной программы «*Интеграции пяти областей строительства*», включающей реформирование политической, экономической, политической, экоцивилизационной, социальной и культурной областей; реализация программы «*Четырех всесторонних аспектов*», среди которых обеспечение верховенства закона, построение среднезажиточного общества, строгое внутривнутрипартийное управление и углубление реформ, решительное противостояние коррупции, а также создание условий для исторических перемен как в партии, так и в государстве. Таким образом, китайский социализм смог вступить в новую эпоху.

Благодаря деятельности Си Цзиньпина, появилось понятие «китайской мечты» – построить социализм посредством развития китайского духа на основах патриотизма, реформ, инноваций и объединения всех народов страны [3]. Согласно уставу партии [4], идеи Си Цзиньпина являются продолжением и развитием марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, идей тройного председательства и научной концепции развития, а также квинтэссенцией китайской культуры и китайского духа в современную эпоху. Определив китайскую специфику социализма, китайский народ согласованно прокладывает путь к построению общества, условия которого будет отвечать интересам всех социальных групп.

Внутрипартийные отношения характеризуются строгой иерархичностью. Четкая структура подчинения нижестоящего органа вышестоящему позволяет рядовым членам партии делиться своим мнением, однако обязует беспрекословно выполнять указания, отданных структурой выше. Среди обязанностей члена партии, как сообщает Устав партии, есть требование изучать идеи, заложенные в фундамент партии, развивать политическое сознание, подавать пример проведения открытых реформ социалистической модернизации, а также в других сферах общественной жизни, ставить свои интересы ниже интересов партии и народа, соблюдать партийную дисциплину и законы, руководствоваться критикой и самокритикой, поддерживать связь с массами и охранять их законные интересы, развивать социалистические нравы. Каждый член партии имеет право обоснованно раскритиковать политику партии, выступить в качестве защитника или свидетеля не согласного с курсом члена партии, подать апелляцию, жалобу или просьбу в вышестоящие инстанции партии, а также остаться при своем мнении насчет курса, выполняя при этом его условия. Данные права не могут быть отняты ни одной из инстанций партии вплоть до ЦК.

Покинуть ряды партии возможно посредством свободного выхода по желанию, для чего проводится собрание партийной ячейки. С целью возобновления мотивации члена партии, желающего из неё выйти, проводится воспитательная работа, после чего утверждается окончательное решение. В иных случаях член партии считается автоматически выбывшим, если не справляется с порученной ему работой, не уплачивает членских взносов или не принимает участия в общественной жизни партии.

Однако процедура исключения не является популярной практикой, так как быть членом Коммунистической партии в Китае считается престижным. Это связано, в первую очередь, с усложненным процессом вступления в ряды партии. С каждым годом, начиная с 2013, количество членов партии, имеющих высшее образование, возрастает [5].

Молодежь активно стремится пополнить ряды правящей партии, так как это открывает *ряд возможностей*: от материальной поддержки собственных проектов до переподготовки в интересующей сфере, например, менеджмента и управления бизнесом. Старое поколение возлагает на своих потомков амбиции, поэтому партийный билет может помочь с реализацией как самих молодых людей, так и их близких. Образование в Китае считается достаточно сложным в силу высоких требований к достижениям и дисциплине обучающихся, однако именно такой подход позволяет новому поколению развить свои способности и применить в практической деятельности. В партию вступают не только действительно заинтересованные в идеологии, но и молодые таланты, уже показавшие успехи в получении образования.

В деле строительства партии придерживаются *четырёх принципов*: твердо и последовательно проводить основную линию партии, твердо стоять за освобождение мышления и реалистический подход к делу, неуклонно придерживаться беззаветного служения народу и неуклонно отстаивать принципы демократического централизма [6].

Инструменты партии. Коммунистическая партия Китая опирается на собственные силы. Посредством выстраивания грамотной политики, которая основывается на идейном фундаменте партии и практическом революционном опыте, она достигает своей генеральной задачи – сплотить все народы страны, превратить Китай в социалистическое государство с высокоразвитой культурой и демократией.

На протяжении всей своей истории Коммунистическая партия ставила целью служить народу, поэтому особый стиль работы партийцев – тесное взаимодействие с народными массами. Партия, как правящая, считает необходимым постоянно совершенствовать систему руководства, улучшать его формы и повышать свои способности. В зависимости от реакции граждан страны, партия работала над адаптацией своего функционирования, ставя различные интересы многонационального народа превыше всего.

Немалую роль в успехе Коммунистической партии Китая и революции сыграла Народно-освободительная армия Китая. Она является новым типом вооруженных сил

народа, организованных в соответствии с политической и военной доктриной партии. В основные задачи НОАК входит: выполнять военные задачи, работать среди населения и участвовать в общественном производстве. Служение народу провозглашается главной и единственной целью армии.

Для проведения политической работы внутри армии создаются соответствующие органы – партийные комитеты. Существуют три принципа, на основании которых происходит политическая работа: единство офицерского и рядового состава, единство армии и народа, разложение войск противника. Согласно им, офицеры и солдаты политически равны, армия призвана заботиться о гражданах страны и относиться с уважением и готовностью защищать к их интересам, военнопленные не должны подвергаться оскорблениям, к ним необходимо проявить снисхождение и желание помочь. Армия Китая руководствуется демократическими принципами в политике, экономике и военных делах. Иерархия задач армии была сформулирована Ху Цзиньтао: верность партии, любовь к народу и служение государству [7]. Таким образом, существование Коммунистической партии во многом опирается на армию.

Роль силового ресурса в современном политическом курсе Китая стала второстепенной, так как для этого отсутствуют предпосылки. Вместо силового метода управления страной, китайская политическая элита предпочитает использовать избирательные репрессии по отношению к представителям кланового капитализма и оппозиции. [8] Так, известная «охота на мух и тигров», которая стартовала в конце 2012 г. с предложения генерального секретаря партии Си Цзиньпина, направлена против как мелких взяточников, так и крупных. Эта кампания сформировала новую политику «нулевой терпимости» к коррупционерам. Вследствие проведенной реформы произошло укрепление правящей власти, что способствовало укреплению авторитета Си Цзиньпина и правящей партии.

Успешность проведения политики Коммунистической партии также связана с постоянным самообновлением партии, анализом собственных ошибок и борьбой с внутренними проблемами. Идеалы коммунизма воплощаются не только в идеологическом фундаменте партии и её направлениях деятельности, но и в самом характере: упорный труд, мужество и стойкость перед вызовами позволили партии добиться признания широкими массами и закрепиться в качестве определяющей силы.

Механизмы реализации принятых решений. Коммунистическая партия Китая имеет широкий спектр влияния. Официально партия отделена от властных структур, но на деле является особенным звеном. Будучи силой, которая положила начало и проложила путь формированию многих структур страны, она остается ядром, определяющим дальнейшее развитие органов различных сфер общественной жизни. Согласованная китайская политика связана с тем, что видные политические деятели одновременно являются также и членами партии, благодаря чему реализация принятых партией решений упрощается.

Тем не менее, в Китайской Народной Республике закреплена многопартийность политической системы. Помимо Коммунистической, существуют ещё восемь различных партий, которые тоже занимают правительственные места. В связи с тем, что Коммунистическая партия значительно превосходит по численности и степени влияния, данные партии не имеют возможности выражать протестные настроения, работая с правящей партией на благо народа. Их роль состоит в том, чтобы выражать интересы разных слоев населения, выдвигать различные инициативы и предложения для Коммунистической партии, которая обязана принять во внимание разнообразные потребности китайского народа [9].

Известно, что до смерти первого руководителя партии, Мао Цзэдуна, партия и правительство представляли собой единое целое, однако с приходом новой эпохи появилась тенденция, при которой эти структуры стали действовать независимо друг от друга. Правительство Китая, которое представлено в виде *Госсовета КНР*, решает разнообразный спектр вопросов: образование и наука, медицина, культура, семейная политика и другие. Несмотря на отделение от партии, это не уменьшило её влияния на политическую сферу

страны. Это связано с тем, что во многих руководящих структурах присутствуют партийные люди, которые обязаны следить за реализацией идей партии в жизнь. Иными словами, партия призвана определять проблемы и задавать направление, а правительство – находить методы. В то же время, пока экономическая сфера почти полностью остается за исполнительной ветвью власти, партия занимается подбором кадров и обеспечении безопасности страны.

Концепция национальной безопасности. Представление о национальной безопасности формировалось руководителями Коммунистической партии Китая. Под национальной безопасностью, согласно взглядам деятелей партии, подразумевается защита всех этнических групп, проживающих на территории государства, так как Китай по-прежнему имеет многонациональный состав.

Первоначально в Конституции 1954 г. провозглашался принцип отделения партии от государства, а также возможность руководства армией лицом, которое не числится в качестве члена КПК. Однако в дальнейших Конституциях (1975 г., 1978 г., 1982 г. и т. д.) закрепилось прерогативное право разрабатывать основные направления внешней и внутренней политики по вопросу национальной безопасности за Коммунистической партией [10].

На протяжении длительного времени приоритетное значение отдавалось *оборонеспособности КНР* – как считали Мао Цзэдун и большинство его преемников, – именно армия и оборона государства во главе с Коммунистической партией обеспечат сильное государство. Затем, реагируя на новые вызовы и проблемы, руководство страны выдвинуло на первое место *экономическое развитие*. Таким образом, укрепление обороны стало условием проведения экономических реформ, направленных на развитие общества и государства.

Однако приоритет экономической эффективности, выдвинутый вследствие реформирования экономической системы, поставил под сомнение основной приоритет деятельности КПК – построение справедливого общества, что привело к возрастанию социальной напряженности в стране. Партия не могла утратить лидирующее положение, ровно так же, как и остановить дальнейшее проведение экономических реформ, поэтому появилась необходимость в разработке новых методов, которые стабилизировали бы состояние общества и государства.

В частности, были приняты следующие меры: борьба с «преступлениями против общественного порядка», пресечением массовых выступлений; программа «Новой социалистической деревни» в целях развития социальной инфраструктуры; отмена единого сельскохозяйственного налога; создание «крестьянского пенсионного фонда»; широкомасштабная кампания по борьбе с коррупцией [10]. Основными вызовами признаются сепаратизм и терроризм, которые актуальны до сих пор. Благодаря политическим, экономическим и военным методам обеспечивается противоборство обозначенным вызовам, вследствие чего укрепляется внутриполитическая стабильность.

С наступлением современной эпохи новейшие технологии повлияло на открытие новых возможностей для получения информации, в связи с чем появилась необходимость урегулирования информационного компонента политической сферы общества КНР. Таким образом, на ряд тем в информационном пространстве существует цензура, что подкрепляется законодательством.

Выводы. Итак, Коммунистическая партия Китая действительно является центральной силой, деятельность которой распространяется на всё общество и направлено на его преобразование. Тесная связь с народом и четкое следование идеологии позволяет партии выражать интересы многонационального государства. Компартию отличает собственная неповторимая специфика и связь с важнейшими историческими достижениями современной Китайской Народной Республики, что позволяет ей быть ключевым элементом политической системы.

Библиографический список

1. Glaser C. Will China's Rise Lead to War? / C. Glaser // Foreign Affairs. – March/April 2011. – Vol. 90, No. 2. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2011-03-01/will-chinas-rise-lead-war> (дата обращения: 16.11.2024).
2. Энциклопедия нового Китая: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 509 с.: ил.
3. Ло Вэньдун КПК как центральная сила, которая ведёт народ к изменению Китая // Россия и АТР. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kpk-kak-tsentralnaya-sila-kotoraya-vedyot-narod-k-izmeneniyu-kitaya> (дата обращения: 16.11.2024).
4. 中国共产党章程/新华社 – 28.10.2017. – URL: http://www.xinhuanet.com//politics/19cpcnc/2017-10/28/c_1121870794.htm (дата обращения: 16.11.2024).
5. [Азия] : И Мао такой молодой: зачем зумеры вступают в Компартию Китая // NEWS.RU. – 01.07.2021. – URL: <https://news.ru/asia/i-mao-takoj-molodoj-zachem-zumery-vstupayut-v-kommunisticheskuyu-partiyu-kitaya/> (дата обращения: 16.11.2024).
6. [О Китае] : Коммунистическая партия Китая (КПК) // Журнал «Россия и Китай». – 20.10.2020. – URL: <https://ruchina.org/cpc.html> (дата обращения: 16.11.2024).
7. Галенович Ю. М. Девиз Ху Цзиньтао: Социальная гармония в Китае. – М.: Памятники исторической мысли, 2017. – 390 с.
8. Садченко В.Н., Величко Л.Н. Эволюция политического режима в китайской народной республике в период председательства Си Цзиньпина // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – №11 (64). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-politicheskogo-rezhima-v-kitayskoy-narodnoy-respublike-v-period-predsedatelstva-si-tszipina> (дата обращения: 22.11.2024).
9. Система социального кредитования в Китае как элемент цифрового будущего / С. Д. Галиуллина // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2018. – №4 (26). – С. 114-121.
10. Кубанцева К.Н. Особенности подходов коммунистической партии Китая к обеспечению национальной безопасности китайской народной Республики // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2017. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-podhodov-kommunisticheskoy-partii-kitaya-k-obespecheniyu-natsionalnoy-bezopasnosti-kitayskoy-narodnoy-respubliki> (дата обращения: 16.11.2024).

УДК 327:355.359

ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
В.В. Гагин*

*Россия, г. Воронеж,
тел. 8.909.216.14.03;
e-mail: vrvio@yandex.ru*

«Air Force Academy prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin»

*PhD in Historical Sciences,
Senior Researcher
V.V. Gagin*

*Russia, Voronezh,
tel. 8.909.216.14.03;
e-mail: vrvio@yandex.ru*

В.В. Гагин

АКТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВВС И ПВО В ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙНАХ И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX-ГО ВЕКА

Постоянно повышающаяся сложность боевой техники и вооружения заставляет вооруженные силы разных стран увеличивать масштабы и качество обеспечения боевых действий в логарифмической прогрессии. Это требует от командования непрерывного совершенствования управления войсками, причем основной упор делается на кратное сокращение времени обработки полученной от разведки информации, принятия на ее основе решений и доведение приказов до командиров частей и подразделений. При этом безусловно сохраняется актуальность выработки нестандартных форм, эффективных методов и способов реализации оперативно-стратегических планов на всех уровнях. Особую роль в современной войне играют БПЛА, в которых многие специалисты видят универсальную панацею. Однако современные вооруженные силы – это многоинструментальный «оркестр», в котором чем разнообразнее средства достижения цели, тем скорее и полнее выполняется боевая задача.

Ключевые слова: оперативное искусство ВВС, радиоэлектронная борьба, БПЛА, проблемы организации и управления авиацией, сокращение времени реакции при непосредственной авиационной поддержке сухопутных войск, преодоление ПВО противника.

V.V. Gagin

CURRENT FEATURES OF COMBAT OPERATIONS OF THE AIR FORCES AND AIR DEFENSE IN LOCAL WARS AND MILITARY CONFLICTS OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

The ever-increasing complexity of military equipment and weapons forces the armed forces of different countries to increase the scale and quality of combat support in logarithmic progression. This requires the command to continuously improve troop control, with the main emphasis being placed on a multiple reduction in the time it takes to process intelligence information, make decisions based on it, and communicate orders to unit and subdivision commanders. At the same time, the development of non-standard forms, effective methods, and ways of implementing operational-strategic plans at all levels certainly remains relevant. UAVs play a special role in modern warfare, and many experts see them as a universal panacea. However, modern armed forces are a multi-instrumental «orchestra» in which the more diverse the means of achieving a goal, the faster and more fully the combat mission is accomplished.

Key words: operational art of the Air Force, electronic warfare, UAVs, problems of organizing and managing aviation, reducing reaction time during direct air support of ground forces, overcoming enemy air defenses.

Почти восемьдесят лет отделяют нас от того дня, когда смолкло эхо последних выстрелов Второй мировой войны. Однако с тех пор ни на один день не прекращались малые, так называемые локальные войны.

После 1945 г. в мире около 160 раз вспыхивали локальные войны и военные конфликты, в которых погибло более 10 млн. человек. Особенно они участились и приобрели характер, угрожающий делу мира в глобальном масштабе, в настоящее время. Об этом, в частности, убедительно свидетельствует война в зоне Персидского залива, а также остальные бесчеловечные агрессивные акции США и НАТО.

С той поры некоторые особенности ведения воздушной войны превратились в категорический нарратив. Очень важный аспект развития оперативного искусства ВВС, например, заключается в том, что из желательного, требование не входить в зону ПВО противника для применения бортового оружия класса «воздух-земля» сначала превратилось в предпочтительное, а сегодня – в категорическое условие. Уже одно это обстоятельство (как по объективным, так и по субъективным причинам) революционным образом меняет многие методы и формы боевых действий авиации.

В абсолютном большинстве локальных войн авиация стран-агрессоров, владевших инициативой, имела не только количественное, но и качественное превосходство над противником по самолетам, вооружению, средствам управления и обеспечения. По подсчетам специалистов ВВС СССР, количественно-качественное соотношение сил авиации сторон, например, к началу боевых действий в зоне Персидского залива, составляло 4,3:1 в пользу многонациональных вооруженных сил (МНС). Только количественное соотношение, как уже отмечалось ранее, составляло 3 к 1 в пользу МНС. [1]

Соотношение по боевым самолетам современных образцов было 13:1 в пользу многонациональных вооруженных сил. Как показали боевые действия, особое превосходство над Ираком многонациональные силы, в первую очередь американские войска, имели в высокоточном оружии, средствах РЭБ, разведки, управления и связи.

Количественно-качественные различия авиационных группировок противоборствующих сторон обуславливали целый ряд особенностей в боевом применении авиации как стран, обладавших инициативой, так и авиации оборонявшихся стран. [2]

Применение высокоточного оружия расширило возможности авиации по уничтожению самолетов на аэродромах, находящихся в укрытиях. По американским данным, в ходе боевых действий в зоне Персидского залива (1991 г.) авиация повредила или уничтожила 375 капониров из имевшихся в ВВС Ирака 594, что составляет 65%. В капонирах уничтожен или поврежден (оценочно) 141 самолет. Однозначно, что эти завышенные данные – скорее пропаганда, однако эффективная борьба с авиацией противника включает в себя и такую форму борьбы. [3]

Очень важно: используя статистические данные, предоставленные ВВС США и НАТО, отечественные исследователи обязательно должны делать весьма существенную поправку на пропагандистскую суть западных парадных репортажей.

Обеспечивая ударную авиацию, истребители применили в локальных войнах следующие способы боевых действий: непосредственное сопровождение бомбардировщиков; блокирование аэродромов; демонстративные действия; заслоны и «изоляция» района нанесения удара; ввод в бой из положения дежурства на аэродроме и в воздухе.

При этом наибольшее распространение получил способ непосредственного сопровождения ударных самолетов истребителями, т.к. он обеспечивал им более высокую эффективность преодоления противодействия истребителей противника. Этому способствовало также увеличение радиуса действия истребителей, а также использование палубных истребителей при значительном удалении аэродромов базирования ударной авиации от объектов атаки. Немаловажное значение имела отработка истребителями дозаправки топливом в полете. [4]

Наряд истребителей при сопровождении вследствие резкого возрастания возможностей истребителей противника был, как правило, достаточно большим. В Корее, например, соотношение бомбардировщиков и истребителей в группе составляло 1:5, во Вьетнаме – 1:4. В боевых действиях в зоне Персидского залива соотношение стратегических

бомбардировщиков и обеспечивавших палубных и тактических истребителей составляло обычно 1:3-4.

Опыт войны во Вьетнаме показал, что управляемые ракеты класса «воздух-воздух», состоявшие на вооружении ВВС США, имели низкую эффективность в ближнем бою. По данным американцев, из каждых 11 выпущенных управляемых ракет «Сайдвиндер» лишь одна достигала цели, да и то – только из задней полусферы. Это явилось главной причиной возвращения на истребители скорострельных авиационных пушек (тем более, что в СССР были созданы и до сих пор создаются лучшие в своем классе авиационные пушки), а также создания для истребителей наряду с ракетами дальнего боя высокоманевренных ракет ближнего боя. Ракеты обоих типов оснащаются высокочувствительными головками самонаведения, обеспечивающими *перехват целей на разных дальностях и высотах, в том числе и низколетящих, и атаку противника на встречных курсах.* [5]

Хорошо показало себя комбинированное применение вертолетов на поле боя, когда целеуказание производилось разведывательными вертолетами («Кайова»), что позволяло боевым вертолетам «Апач» производить пуск ракет на дальности более 7 км от цели, не входя в зону поражения средств ПВО Ирака. Сегодня разведывательные вертолеты в тактическом звене все чаще замещаются разведывательными БПЛА. [6]

Большой спецификой отличались боевые действия авиации по воспрещению передвижения резервов в особых географических условиях, в частности в джунглях. Для обнаружения войск, передвигавшихся в районах так называемой «тропы Хо Ши Мина», американцы применяли специальную радиоэлектронную систему. Детекторы этой системы разбрасывались с самолетов в предполагаемых районах «тропы Хо Ши Мина» и при появлении там войск и техники передавали сигналы в центр обработки информации. По этим сигналам определялись точные координаты нахождения колонн. Координаты вводились в бортовые счетно-решающие устройства истребителей-бомбардировщиков, немедленно вылетающих для удара. Сброс бомб осуществлялся автоматически по команде счетно-решающего устройства. ВВС США утверждали, что эффективность действий авиации была достаточно высокой. [7]

В интересах увеличения дальности полета военно-транспортных самолетов англичанами в англо-аргентинском конфликте и американцами в боевых действиях в зоне Персидского залива применялась дозаправка их топливом в полете. В свою очередь увеличение дальности полета уменьшало количество посадок на промежуточных аэродромах и тем самым сокращалась продолжительность доставки личного состава и грузов на удаленный ТВД. [8]

К концу 1967 г. аппаратурой электронного противодействия было оборудовано более половины самолетов тактической и палубной авиации США, увеличилось количество специальных самолетов-постановщиков помех. Это позволило по-новому решать задачу радиоэлектронной борьбы в войне во Вьетнаме. Северный Вьетнам был окружен зонами дежурства в воздухе специальных самолетов-постановщиков помех. Через эти зоны прокладывались к целям маршруты полета ударных самолетов. Самолеты в боевом порядке прикрывались помехами, создаваемыми индивидуальными средствами защиты каждого штурмовика. Еще более масштабным этот метод стал в агрессивной войне НАТО против Югославии. [9]

Первый богатый опыт комплексного использования разнообразных средств РЭБ в локальных войнах был получен израильянами при действиях их ВВС в 1982 г. по группировке зенитно-ракетных войск Сирии в долине р. Бекаа. Обширный арсенал эффективных средств радиоэлектронной борьбы обусловил выбор способов применения авиации – поэтапного подавления сирийской ПВО.

На первом этапе осуществлялся запуск ложных целей (беспилотных летательных аппаратов типа «Мастиф» и «Скаут») и периодическое их вторжение в зону поражения зенитных комплексов. Тем самым в течение нескольких часов боевые расчеты наземных

средств ПВО держались в напряжении и изматывались морально и физически. Самолеты-разведчики в это время уточняли координаты включавшихся в работу РЛС.

На втором этапе осуществлялась постановка пассивных и активных помех для обеспечения скрытного проникновения ударных групп к целям. Действия средств радиоэлектронной борьбы на этом этапе условно именовались «ослеплением».

На третьем этапе, именовавшемся «подавлением», применялись управляемые средства поражения по наиболее важным объектам ПВО, в том числе ракеты класса «воздух-РЛС», с одновременной постановкой активных и пассивных помех в системе ПВО.

На четвертом этапе по объектам ПВО Сирии наносили удары под прикрытием средств РЭБ группы самолетов с неуправляемыми средствами поражения. [10]

Применение РЭБ в широком масштабе серьезно затруднило действия ВВС и ПВО, а также работу системы управления и связи. Однако, анализ задач, выполнявшихся авиацией стран-агрессоров, показывает, что и по количеству, и по формулировке они почти полностью совпадали с кругом задач, возлагавшихся на ВВС в период Второй мировой войны. По-прежнему решающие усилия авиации сосредотачивались на борьбе за господство в воздухе и непосредственной авиационной поддержке сухопутных войск. [11]

ВВС ряда обороняющихся государств – КНДР, ДРВ, арабских стран имели на вооружении истребители советского производства, которые по некоторым показателям не уступали, а в ряде случаев и превосходили истребители ВВС противника. Американский журнал «Авиэйшн Уик» писал: «Встреча с МиГ-21, который несколько быстрее и разворотливее истребителя «Фантом», не доставляют много радости американским пилотам».

Имело место также превосходство летного состава истребительной авиации некоторых оборонявшихся стран над противником в морально-политическом и психологическом отношении, обусловленное справедливым характером войн в защиту своей родины.

Следует отметить, что эти особенности обуславливали, как правило, возможность истребительной авиации обороняющихся стран меньшими силами наносить противнику относительно большие потери. Это подтверждается ходом реальных воздушных боев истребителей МиГ-15бис против F-86 в Корее, МиГ-21 против F-4 и «Мираж» во Вьетнаме и на Ближнем Востоке, МиГ-29 против F-15 в зоне Персидского залива, МиГ-21 и МиГ-29 против Ф-18 и Ф-117 в Югославии. [12]

В ходе локальных войн и конфликтов военным командованием оборонявшихся стран большое внимание уделялось вопросам управления истребительной авиацией. Это обуславливалось тем, что после Второй мировой войны все сильнее проявлялась зависимость эффективности боевых действий истребителей от качества управления ими. Например, в войнах в Корее (1950-1953 гг.) и во Вьетнаме (1964-1973) гг. истребительная авиация КНДР и ДРВ использовалась только в системе ПВО и прикрывала лишь объекты тыла этих стран. В течение этих войн управление истребителями осуществлялось со стационарных пунктов управления (ПУ).

Основной причиной являлась относительно слабая РЛС обнаружения и прицельной системы «МиГов» – в том числе и из-за малого поперечного сечения регулируемого конуса воздухозаборника. Были здесь и очевидные плюсы – большая и тяжелая РЛС не способствовала бы повышению скоростных и маневренных характеристик легких истребителей МиГ-21. [13]

Управление истребителями со стационарных пунктов управления облегчало создание системы пунктов управления и их информационное обеспечение. Однако, как показал опыт, длительное управление истребительной авиацией со стационарных пунктов управления повышало уязвимость системы управления, поскольку противнику обычно не составляло особого труда разведать координаты этих объектов и нанести по ним авиационные удары. [14]

Вместе с тем в некоторых войнах принцип централизованного управления

истребительной авиацией и наземными средствами ПВО по неизвестным причинам просто игнорировался. Так, в частности, было в арабо-израильской войне 1982 г. Сирия уже к началу боевых действий имела единый центр управления авиацией и зенитно-ракетными войсками (ЗРВ) – ЦКП ВВС и ПВО. Однако КП ПВО, на который замыкались командные пункты зенитных ракетных бригад, не согласовывал свои действия с ЦКП ВВС и ПВО и действовал самостоятельно. Разобщенность в действиях пунктов управления снизила эффективность действий ВВС и ПВО. Это являлось одной из причин поражения Сирии в этой войне. [15]

Большое внимание уделялось обеспечению внезапности нападения. Так, полеты израильских самолетов с целью аэрофоторазведки были прекращены за неделю до начала боевых действий, что создало у противника впечатление спокойной обстановки. За день до войны радио Израиля передало ложное сообщение о возвращении к местам прежней работы призванных ранее резервистов.

При выборе времени первого удара было учтено, что наибольшая настороженность у личного состава ВВС арабских стран отмечалась в первые утренние часы дежурства, начинавшегося с рассветом, а наименьшая – через час после восхода солнца, т.е. около 7 часов. Именно в 7 часов 10 минут и начался взлет всех групп израильтян.

В целях радиолокационной маскировки самолетов в воздухе был применен обходной маневр со стороны Ливии, который тщательно был отработан еще на тренировках в пустыне Негев. Интенсивно применялись средства РЭБ.

Из этого примера следует вывод о высокой результативности мероприятий, проведенных в целях достижения внезапности действий авиации. В их числе необходимо назвать, прежде всего, выбор оптимального времени удара, интенсивное применение средств РЭБ, прокладку маршрутов полета самолетов вне зон обнаружения РЛС противника. [16]

Достижению внезапности действий авиации способствовало в локальных войнах использование космических средств разведки. Если вспомним в этой связи организацию и ведение воздушной разведки в Советских ВВС в годы Великой Отечественной войны, то станет особенно понятным преимущество нового вида разведки. В Великую Отечественную войну интенсивные полеты на разведку, например, тактической зоны обороны, аэродромной сети, группировок войск и других объектов, безусловно, демаскировали подготовку операций и действий в них авиации.

Использование в целях разведки важнейших объектов искусственных спутников земли (ИСЗ) не настораживало противника, т.к. их запуски осуществлялись и в мирное и в военное время. Они вели разведку длительное время и круглосуточно. При этом периодичность просмотра территории противника была обычно весьма высока. Например, в зоне Персидского залива американский спутник радиолокационной разведки «Лакросс» обеспечивал всепогодную круглосуточную съемку объектов и районов с интервалом 1,6 ч. Сравнительно высокой была оперативность получения разведывательной информации войсками от ИСЗ. Так, данные съемки от спутников видовой и оптико-электронной разведки поступали в войска через 1-1,5 ч. [17]

В целях достижения внезапности применения авиации в локальных войнах проводились многочисленные мероприятия по дезинформации противника, его «расслаблению». Характерной в этом отношении является война в зоне Персидского залива. Здесь американцы стремились ввести командование вооруженных сил Ирака в заблуждение относительно начала боевых действий, неоднократно объявляя, что агрессоры будут готовы к ночному наступлению лишь к началу марта, а к дневному – в лучшем случае к середине февраля 1991 г. Так, буквально за несколько часов до начала воздушной наступательной операции агентство АП со ссылкой на «секретные источники» в Вашингтоне заявило, что президент «еще не принял решение о войне с Ираком» и «каждый новый день предоставляет Багдаду возможность избежать войны и выбрать тропу мира». Это в значительной мере дезориентировало иракское руководство и притупило его бдительность. В настоящее время

аналогичная дезинформационная война проводится в США и странах НАТО против Российской Федерации. [18]

Во время войны во Вьетнаме американцам потребовалось четыре года для разработки мероприятий по повышению живучести авиации. Результаты поисков оказались, по мнению западных специалистов, великолепными. Например, США после возобновления американской авиацией налетов в 1972 г. выполнили 4 тыс. самолетовылетов. Уровень их потерь оказался в пределах 0,15%. Повышение живучести авиации было обеспечено проведением комплекса мероприятий в каждом налете: массированные удары на средних высотах стали чередоваться с эшелонированными действиями мелких групп на предельно малых высотах; активные шумовые и ответно-импульсивные помехи стали дополняться использованием ложных целей и противорадиолокационных ловушек; стала применяться более мощная аппаратура РЭБ; ракеты «воздух-РЛС» типа «Шрайк» были заменены ракетами «Стандарт ARM» с увеличенной дальностью действий и системой памяти. [19]

В подавляющем большинстве локальных войн воевавшие государства применяли крупные силы авиации. И, как показал опыт, те государства, которые имели более многочисленные авиационные группировки и умело их применяли, владели инициативой, достигали победы в войне. Такие государства использовали в боевых действиях крупные силы всех родов авиации. Авиационные же группировки оборонявшихся стран чаще были представлены лишь истребительной авиацией.

Большое неравенство в силах сторон в воздухе накладывало отпечаток на характер применения ВВС в локальных войнах. Если страны-агрессоры, владевшие инициативой, используя количественное, а порой и качественное превосходство в воздухе, ставили перед ВВС разнообразные задачи, применяли их активно и с большим размахом, то оборонявшиеся страны вынуждены были сосредоточивать усилия своей авиации главным образом в интересах ПВО. [20]

Важно понять, что в отличие от войн прошлого последствия внезапного нападения противника теперь могут оказаться непоправимыми. Поэтому планируемые мероприятия по повышению живучести авиации, внезапности ее действий должны явиться составной частью планов воздушных операций, проводиться заблаговременно и учитывать степень осведомленности противника о наших объектах, которая достаточно велика. В этой связи при проведении мероприятий по введению противника в заблуждение приоритет должен принадлежать не столько скрытию, сколько дезинформирующим и демонстративным действиям. В связи с лавинообразным увеличением масштабов применения БПЛА требования к сокращению времени реакции на вызовы для исполнителей становятся все более категоричными.

В заключение необходимо отметить, что такой подход к решению проблем требует перестройки в деятельности офицерских кадров ВВС. В основу ее должен быть положен не только четко спланированный порядок разработки рассмотренных мероприятий, но и большая организаторская работа в авиационных соединениях и частях. Во время Великой Отечественной войны командующие, командиры и их штабы, чтобы убедиться в правильности понимания и выполнения их решений, выезжали непосредственно в дивизии и части. Этот опыт актуален и сейчас.

Преломление опыта прошлых войн в зеркале современной действительности, умение мыслить и действовать нестандартно, вносить элементы творчества и новизну в каждое мероприятие позволит более качественно выполнить задачи, поставленные перед нашими ВВС. [21]

Библиографический список

1. Корольков Б.Ф., Первов А.Г. Применение авиации в локальных войнах (1946-1991 гг.). Монино, 1992. – С. 2-11.

2. Беркутов С. Влияние опыта локальных войн на строительство вооруженных сил США. Военно-исторический журнал, 1984, № 1. – С. 9-10.
3. Гушев А., Сергеев Е. Военно-технические аспекты войны в зоне Персидского залива. Зарубежное военное обозрение, 1991, № 7. – С.2-3.
4. Гушев А. Итоги войны в зоне Персидского залива. Зарубежное военное обозрение, 1991, № 6. – С. 3-7.
5. Дольников Г. Развитие тактики авиации в локальных войнах. Военно-исторический журнал, 1983, 12. – С. 12-19.
6. Кононов С. Применение авиации в локальных войнах. Лекция. Монино, ВВА, 1978. – С. 9-16.
7. Краснов А. Применение авиации в локальных войнах. Военно-исторический журнал, 1972, №6. – С. 5-14.
8. Новичков Н., Галин Л. Стратегические переброски по воздуху в ходе конфликта в зоне Персидского залива. Зарубежное военное обозрение, 1991, № 10. С. 28-35.
9. Жирохов М., Заболотский А. Югославия: расколотое небо. Часть 2 / Авиамастер, 2004, №6. – С. 1-15.
10. Новичков Н., Галин Л. Подавление системы ПВО Ирака в операции «Буря в пустыне». Зарубежное военное обозрение, 1991, № 9. С. 16-23.
11. Краснов А. Тактика действий экипажей малозаметных самолетов. Зарубежное военное обозрение, 1991, № 8. С. 24-31.
12. Иванов С.В. Балканы 1991-2000. ВВС НАТО против Югославии. Война в воздухе №10. Белорецк: ООО «АРС», 2000. – С. 1-68.
13. Гагин В.В. Особенности методов и форм боевого применения ВВС и ПВО в период войны во Вьетнаме (1965-1975 гг.) с точки зрения современных проблем оперативного искусства ВВС. Воронеж, 2024, ВУНЦ ВВС «ВВА» (г. Воронеж). – 126 с.
14. Феоктистов Г. Действия авиации в локальных войнах. Зарубежное военное обозрение, 1976, № 2. – С. 18-25.
15. Военная помощь СССР странам Ближнего и Среднего Востока. Участие контингента Советских войск в арабо-израильских войнах (1956-1982 гг.). Книга Памяти. Т. 10. М.: Патриот, 1998. – С. 263-298.
16. Максимов В. Удары по аэродромам. Военно-исторический журнал, 1984, № 6. С. 14-18.
17. Пучков А. Воздушная наступательная операция в ходе войны в Персидском заливе. Зарубежное военное обозрение, 1991, № 5.
18. Печоров С. Дезинформация как метод «психологической войны» (По итогам конфликта в Персидском заливе). Зарубежное военное обозрение, 1991, № 9. С. 4-11.
19. Гагин В.В. Особенности методов и форм боевого применения ВВС и ПВО в период войны во Вьетнаме (1965-1975 гг.) с точки зрения современных проблем оперативного искусства ВВС. Воронеж, 2024, ВУНЦ ВВС «ВВА» (г. Воронеж). – С. 22.
20. Дрожжин А., Алтухов Е. Воздушные войны в Ираке и Югославии. М.: Техника – молодежи, 2002. – С. 9-42.
21. Опыт проведения мероприятий по достижению внезапности действий авиации и повышению ее живучести в ходе Великой Отечественной, локальных войн и военных конфликтов. Учебное пособие. КВВА, Монино, 1989. – С. 39-56.

*Воронежский государственный университет
доктор исторических наук, доцент, кафедра
регионоведения и экономики зарубежных стран,
кафедра истории зарубежных стран и
востоковедения
М.В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж,
тел. 89805447525
e-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com*

*Voronezh State University
DrSci in History, Associate Professor, Chair of Regional
Studies and Foreign Countries Economies, Chair of
Foreign History and Oriental
Studies
M.V. Kirchanov
Russia, Voronezh,
tel. 89805447525
e-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com*

М.В. Кирчанов

ПУБЛИЧНАЯ ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСТАНЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ КАК АГЕНТЫ МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Автор в представленной статье анализирует особенности и направления развития коллективной исторической памяти в Республике Татарстан через призму актуализации и визуализации образов прошлого в дискурсе, формируемом публичными выступлениями и действиями представителей современных правящих политических элит. Целью исследования является анализ политики памяти, проводимой региональными политическими элитами Республики Татарстан. Автор анализирует роль и место истории и представлений о прошлом в дискурсе, формируемом элитами. Новизна исследования состоит в изучении актуального (современного) этапа в развитии исторической политики в современной Российской Федерации на региональном уровне через призму опыта политики памяти в национальной республике. В статье показано, что 1) официальная мемориальная культура формируется первым Президентом Республики Татарстан и Государственным Советником Республики Татарстан Минтимером Шаймиевым и его преемником Раисом Республики Татарстан Рустамом Миннихановым, 2) политические элиты в рамках политики памяти инструментализуют и контролируют потенциал татарской этничности, 3) элиты используют историю для актуализации политической и религиозной преемственности между историческими государствами и современной Республикой Татарстан. Предполагается, что политика памяти, приводимая элитами, в целом отличается компромиссным характером, так как направлена одновременно на консолидацию регионального режима и общества, а также недопущение формирования и развития альтернативных форм коллективной исторической памяти и представлений о прошлом.

Ключевые слова: историческая память, Республика Татарстан, политика памяти, элиты, инструментализация истории, мемориальная культура, татарский национализм

M.V. Kirchanov

PUBLIC MEMORY IN MODERN TATARSTAN: POLITICAL ELITES AS AGENTS OF MEMORIAL CULTURE

The author in the presented article analyses the features and directions of development of collective historical memory in the Republic of Tatarstan through the prism of actualisation and visualisation of images of the past in the discourse formed by public speeches and actions of representatives of modern ruling political elites. The purpose of the study is to analyse the politics of memory pursued by the regional political elites of the Republic of Tatarstan. The author analyses the role and place of history and ideas about the past in the discourse formed by the elites. The novelty of the research lies in the study of the current (modern) stage in the development of historical politics in the modern Russian Federation at the regional level through the prism of the experience of memorial policy in Tatarstan as the national republic.

The article shows that 1) the official memorial culture is formed by the first President of the Republic of Tatarstan and State Counsellor of the Republic of Tatarstan Mintimer Shaimiev and his successor Rais of the Republic of Tatarstan Rustam Minnikhanov, 2) political elites, within the framework of memory policy, instrumentalize and control the potential of Tatar ethnicity, 3) elites use history to actualise political and religious continuity between historical states and the modern Republic of Tatarstan. It is assumed that the politics of memory brought by the elites has a compromise nature, since it is aimed simultaneously at consolidating the regional regime and society, as well as preventing the formation and development of alternative forms of collective historical memory and ideas about the past.

Key words: historical memory, Republic of Tatarstan, politics of memory, elites, instrumentalisation of history, memorial culture, Tatar nationalism

Введение. Историческая политика в современном мире вошла в число тех универсальных методов, которые активно используются политическими элитами с целью укрепления лояльности и консолидации идентичности. Анализируя историческую политику в национальных республиках, во внимание следует принимать некоторые общие особенности, которые характеризуют ее проведение и реализацию на региональном уровне. Историческая политика в современных республиках России носит ситуативный и реакционный характер, будучи фактически реакцией политических элит на запросы общества или на ощущение общей собственной неуверенности в связи с периодически имеющимися место активностями со стороны гражданского общества на региональном уровне. Политика памяти в целом контролируется и направляются правящими политическими элитами национальных республик, отражая их попытки коррелировать и соотносить собственные памяти с общими российскими тенденциями и трендами.

В центре внимания автора в представленной статье – политика исторической памяти, реализуемая по инициативе политических элит, в регионах Российской Федерации, ограниченных национальными республиками Поволжья.

Элиты воспринимают прошлое и коллективную память, как систематизированное представление о нем, в качестве важного ресурса. Правящие политические группы, как правило, сосредоточены на проведении государственной исторической политики. Последнее обычно связано с попытками элит зафиксировать собственный опыт видения истории, которая подвергается мифологизации и идеологизации. Подобные формы исторической политики направлены на сохранение политического режима, власти и доступа к политическим ресурсам. Политика памяти, реализуемая в рамках такой модели, проводится и направляется почти исключительно теми группами, которые могут принимать решения относительно того, как и при помощи каких нарративов общество будет воспринимать свой исторический опыт.

Политика памяти, предложенная и инициированная этническими и гражданскими активистами, представляющими гражданское общество, может актуализировать на региональном уровне ряд других тем, связанных с историческими национальными коллективными трагедиями, образы которых конструируются и воспроизводятся посредством сохранения идентичности национальных и региональных культур и языков, которые могут быть отнесены к миноритарным в многосоставном обществе. Поэтому историческая политика, проводимая на региональном уровне, отличается разнообразием и может варьироваться в зависимости от региона.

Цель и задачи. Поэтому в центре авторского внимания в представленной статье государственно-санкционированная политика памяти. Подобная версия мемориальной политики, начиная с середины 2010-х гг., в национальных субъектах Российской Федерации стала практически единственной допустимой формой политики памяти в современных российских регионах, проводимой и реализуемой на официальном уровне.

Целью статьи является изучение исторической политики, проводимой региональными политическими элитами в национальных регионах на примере Республики Татарстан.

Задачами автора в представленной статье являются 1) изучение форм и методов, которые используются правящими политическими элитами для проработки прошлого, 2) анализ современных форм исторической памяти, которые складываются благодаря вмешательству политических элит в историческую политику и 3) выявление возможных перспектив и векторов дальнейшего развития исторической политики в национальных республиках современной Российской Федерации.

Методология. В методологическом отношении данная статья опирается на достижения современной междисциплинарной историографии, ориентируясь на изучение исторической политики как сложного и многосоставного политического процесса. Поэтому реализация политики памяти представляется невозможной без непосредственного участия элит, хотя в этой ситуации редукция этого явления до «контроля над трактовкой прошлого» [1] будет явным упрощением. В современной академической литературе историческая политика последовательно разграничивается с исторической политикой.

По мнению российского историка А. Олейникова, «за последние три десятилетия историческое знание приобрело огромное значение в публичной политике. Это произошло помимо воли и желания профессиональных историков. Их монополия на обладание исторической истиной была подорвана не только государством, но также массмедиа и популярной культурой, активно эксплуатирующими образы этого прошлого» [2]. Таким образом внедрение исторической политики как политики памяти в число методов правящих элит маргинализирует историю как науку в традиционном понимании, превращая ее в элемент политической культуры.

Комментируя особенности ситуации, связанные с генезисом изучения политики памяти как отдельного направления с историографии, итальянская исследовательница Ингрид Холти указывает на то, что тенденции к активному «публичному использованию историографии» постепенно усиливаются, так как «результаты исторических исследований образуются для достижения каких-либо эффектов. Самый яркий случай – это переход элементов из историографии в официальную память, когда политика “институционализирует” результаты исторической истины в памятных датах, превращая их в “общественную память”... история не сакрализует воспоминания, а помещает их посредством интерпретации в контекст общей структуры, являющейся результатом исторической реконструкции. История... стремится десакрализировать и структурирует “объективное” время, основанное логике историографической реконструкции, которая выходит за рамки всех субъективностей воспоминаний... две символические и культурные вселенные, две модели историчности, порожденные историей и памятью, могут действовать эффективно и продуктивно, если их строго различать» [3].

В рамках изучения этих проблем в современной историографии подчеркивается, что «для одних “память”, а через нее и история, соответствуют открытию нового поля мобилизации и общественного действия, для других она остается научным объектом, с другой стороны, все отмечают объединяющий потенциал этой тем» [4]. На основе современных достижений историографии, связанных с идеями, предложенными в рамках коммеморативного поворота, историческую политику можно проанализировать как форму политической деятельности элит, в основе которой лежит использование прошлого как символического ресурса.

В силу того, что «каждая политическая система определенным образом формирует собственную память, содержание которой определяется использованием различных форм работы с фактами прошлого» [5], политические элиты национальных регионов России стали активными акторами политики исторической памяти. В то время как «исторические науки часто создают многочисленные нарративы о прошлом», политические и социальные науки «признают проблему, связанную с такой множественностью нарративов» [6]. Проблемы участия элит в проведении исторической политики изучаются в современной историографии, но число исследований невелико.

В историографии политика памяти воспринимается как комплекс манипулятивных стратегий, в рамках использования которых роль и значение одних исторических фактов может преувеличиваться или приуменьшаться в сравнении с другими. Подобные мероприятия в историографии связываются с попытками элит добиться консолидации существующей гражданской этнической идентичности, а также содействовать укреплению собственной легитимности и значимости того или иного режима, существующего на национальном или региональном уровне. Таким образом, в современной историографии «концепция коллективной памяти представляет собой соединительную ткань, связывающую прошлое и настоящее, придающую форму идентичности общества и распутывающую сложную паутину памятей и символических мест, наполненных смыслом... она не является статической и нейтральной, но представляет собой пространство для сложных нарративов и интерпретаций» [7].

Поэтому современные историки памяти и ее связи с политикой, «воспользовавшись классическими дихотомиями между традицией и современностью, между сообществом и обществом, определили кризис памяти как диагноз современности» [8]. В условиях кризиса границы между историей и прошлым, исторической и политической памятью, академической историографией и исторической политикой оказываются размытыми. Таким образом, актуализируя опыт предшествующей междисциплинарной историографии, мы можем установить «конвенциональные рамки» [9] методологического изучения участия элит в проведении политики памяти.

В рамках такой логики историческая политика анализируется как набор спекулятивных политических и идеологических практик, используемых элитами для формирования лояльности со стороны граждан в отношении определенной политической группы, находящейся у власти. В этом смысле историческая политика рассматривается как совокупность формальных нарративных структур, которые транслируются и воспроизводятся представителями элит с целью формирования и закрепления определенного образа прошлого в коллективной памяти.

Изложение основного материала. Политические элиты Республики Татарстан принимают активное участие в проведении политики коллективной исторической памяти, начало чему было положено в 1990-е годы [10]. В силу того, что такие аспекты современного общества как «наследие, память, присвоение или символизация прошлого, становятся чрезвычайно полезными» [11] для решения политических задач элиты не могут игнорировать потенциал прошлого. В историографии подчеркивается, что «версии прошлых событий пригодны для политического использования и часто в конечном итоге служат делу доминирующей идеологии» [12], что частично и объясняет вовлеченность элит в реализацию политики памяти. Элиты в первой четверти 21 века вошли в число активных акторов исторической политики, вовлечённых в манипуляции с исторической памятью, содействующих инструментализации истории, что неоднократно подчеркивалось в современной историографии [13].

Среди основных участников политики памяти на государственном уровне – первый Президент Республики Татарстан (Татарстан Республикасы Президентсы), Государственный Советник Республики Татарстан (Татарстан Республикасы Дәүләт Киңәшчесе) Минтимер Шаймиев, и его преемник, Раис Республики Татарстан, Рустам Минниханов. Декларируя, что «сохранение исторической памяти – наша святая обязанность» [14], власти Татарстана стремятся культивировать компромиссную версию мемориальной культуры, в основе которой доминирование государственных органов в определении приоритетов и направлений исторической политики, использование памяти как одного из инструментов в укреплении легитимности власти и лояльности в ее отношении со стороны граждан.

В современном Татарстане прошлое становится объектом исторической памяти, что в целом соотносится с общей логикой инструментализации истории. Ситуация, которая с политикой памяти сложилась в Республике Татарстан, в целом вписывается в общую логику

софункционирования презентизма и историзма в современной историографии. По мнению Джэффри Р. Вилсона, «между историзмом и презентизмом всегда существовало противоречие. Термин “презентизм” возник как уничижительный знак ошибочного понимания прошлого с точки зрения настоящего» [15], но современные элиты, актуализировав и утвердив второстепенную и вспомогательную роль профессиональных историков фактически легитимировали использование истории для решения актуальных политических задач.

В этом контексте тенденции к большему участию элит в проведении исторической политики, что проявляется в попытках последовательной унификации мемориальной культуры, становятся общеевропейским явлением [16]. В 2020 г. Раис Республики Татарстан актуализировал политические и государственные уровни коллективной исторической памяти, подчеркивая важность «100-летия ТАССР», создание которой сыграло «особую, судьбоносную роль в истории нашей государственности» [17], что фактически указывает на пребывание элит в интеллектуальном дискурсе презентизма, хотя сами представители политического класса об этом вряд ли задумываются. Тем не менее именно презентизм «поощряет своего рода моральное самоуспокоение и самодовольство. Интерпретация прошлого с точки зрения сегодняшних проблем обычно приводит нас к ощущению собственного морального превосходства» [18], что имеет принципиальное значение для элит.

Использование истории политическими элитами, которое ведет к инструментализации прошлого представляется фактически неизбежным, так как «история – это часть гуманитарных наук, которая, возможно, ближе к политике и власти, чем некоторые другие науки» [19]. Подобная риторика, основанная на постоянной актуализации памяти [20], не только стимулирует идеологически мотивированное восприятие истории, но и делает современные политические элиты фактически зависимыми от их представлений о прошлом. В такой ситуации элиты «не только реагируют на противоречивые интерпретации прошлого, циркулирующие в их соответствующих сферах влияния, но и распространяют локализованные нарративы» [21], которые формируют ту мемориальную культуру, которая не только санкционируется политическим классом, но и поддерживается им.

В силу того, что «человеческая история полна примеров, когда политические элиты берут под контроль способ представления истории, чтобы изменить коллективную память в свою пользу» [22], власти современного Татарстана, начиная с 1990-х гг. [23], периодически апеллируют к этнической компоненте в рамках коллективной памяти, указывая на важность для ее функционирования таких факторов как «туган тел, туган жир, рухи-эхлакый традиция лэребез, бай тарихи-мэдэни мирасыбыз» («родной язык, родная земля, наши духовно-нравственные традиции, богатое историко-культурное наследие» [26]). Этническая компонента в мемориальной культуре, как правило, ограничивается апелляцией к роли татарского языка, так как именно он определяется как «общее богатство и наследие для нашего народа, духовная сила, объединяющая его... родной язык прежде всего – это тонкая связь со своим народом» [17].

Использование подобных нарративов в выстраивании коллективной памяти указывает на решимость и готовность элит окончательно поставить под контроль историческую память, которая ими редуцируется до одного из компонентов политической культуры, чье значение воспринимается как почти исключительно утилитарное. В такой ситуации ориентация на прошлое, которое используется «в поисках объединяющих мифов, особенно после того, как футуристические ожидания не оправдались, не является универсальным явлением» [24], так как аналогичные тенденции универсальны для исторической политики в глобальной перспективе. Поэтому подобные режимы «склоняются к популизму или этнонационализму, будучи менее приспособленными к использованию плюралистических исторических нарративов, чем либеральные демократии, от которых ожидается, что они с большей готовностью “соглашаются с несогласием”, когда речь заходит о том, как следует понимать прошлое» [24].

В этой ситуации апелляции к «тысячелетней истории и богатейшему культурному наследию» [25] в рамках попыток «полностью интегрировать прошлое в настоящее» [26] фактически подчинены общей задаче – инструментализации истории. Ссылки к истории в коллективной памяти Татарстана неизбежно актуализируют образ ислама. Например, в Послании 2022 г. Раис Республики указывал на важность в контекстах памяти и татарской идентичности «1000-летия принятия ислама Волжской Булгарией» [26]. Такая логика актуализации истории в публичных пространствах Татарстана указывает на растущий интерес элит к использованию символического ресурса прошлого, в рамках которого практикуется «всё более жёсткий отбор... События прошлого здесь отбираются очень строго. Если события представить генеалогически, то среди них могут быть различные политические проекты, в том числе и не сохранившиеся... Что касается преемственности, каждая стадия сохраняет свои различные герметичные конструкции. А что касается хронологии, то среди фактов прошлого можно найти все, что угодно» [5]. Подобная риторика свидетельствует о том, что современными региональными политическими элитами история и прошлое воспринимаются как эластичные конструкции, а манипуляции с ними в публичных и общественных пространствах позволяет инструментализировать прошлое, превратив его в ресурс политического класса.

Ален Деверп, французский историк, комментируя подобные трансформации представлений о прошлом в современном обществе указывает на то, что оно становится предметом обсуждения в рыночных реалиях, создавая «возможность встречи между предложением, созданным агентами памяти, и отдельными людьми или учреждениями, вложившими средства в производство своих знаний, а также спросом, возникающим в результате соединения отдельных историй... производство истории соответствует процессу социализации личного прошлого и его трансформации в коллективное прошлое... но не каждое событие способно стать общим прошлым и коллективной историей. Результатом функционирования рынка является признание, особый эффект знания, из которого вытекают принципы конституирования памяти.

Предложение попадает в идеологическое и культурное поле» [27], конструируемое преимущественно элитами, которые стали не только основными участниками исторической политики, но и заказчиками мемориальной культуры, в том числе – на региональном уровне. Именно в рамках такого видения истории элитами актуализация образа Волжской Булгарии в этом контексте указывает на то, что историческая память не только нарративная, но и пространственная категория, так как «священные исторические места и символы» не теряют свою «мобилизующую роль» [28], но и активно используются элитами в рамках политики памяти. Актуализация мусульманского фактора стала более заметной в рамках праздничных официальных мероприятий «Изге Болгар жыены» в 2024 г. [29], когда наряду с представителями светской власти приняли участие председатель Центрального ДУМ России Талгат Таджуддин и председатель ДУМ РФ, председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин.

«Изге Болгар жыены» [30] фактически актуализировало несколько измерений в современной исторической политике Татарстана, так как различные формы памяти как «несовершенные образы прошлого влияют на современное развитие событий» [6]. Во-первых, участие представителей элит указывало на то, что основным актором и агентом исторической политики является государство. Во-вторых, подчеркивался этнический, политический, государственный, религиозный и культурный континуитет между Волжской Булгарией и современным Татарстаном. В-третьих, фактически получила легитимацию тенденция использования религиозного ресурса в лице представителей уммы в проведении исторической политики, что превращало ислам в один из ее центральных факторов. Политические элиты, таким образом, «стратегически выбирают либо светлую, либо темную сторону важных исторических событий, чтобы сформировать коллективную память, соответствующую политическому статус-кво» [31].

В рамках этого направления исторической политики особо подчеркивается преемственность между Волжской Булгарией и современным Татарстаном, что делается сознательно, хотя и чревато мемориальными конфронтациями и войнами памяти [32], которые в политической культуре современной Европы стали восприниматься как норма. Поэтому болгарские образы активно актуализируются в рамках стремления подчеркнуть, что история Волжской Булгарии является частью истории Татарстана. В связи с этим М. Шаймиев подчеркивает, что «речь идет о нашем с вами прошлом, в данном случае – прошлом предков и этой земли. Это новый подход. Когда мы восстановили Болгар, от материального – переходим к духовному возрождению. И будем этим последовательно заниматься» [33]. 21 мая 2024 г. Раис Республики Татарстан, комментируя роль ислама в идентичности и коллективной памяти, подчеркивал, что «более одиннадцати веков назад – в 922 году – наши предки сделали свой исторический выбор. Этот выбор предопределил судьбу татарского народа и оказал влияние на развитие всей мусульманской цивилизации» [34].

Преобладание подобных нарративов в исторической политике элит указывает на общеевропейские тенденции инструментализации истории, так как «националистическая перспектива доминирует в исторических исследованиях и политико-культурный дискурс воспринимает современную историю просто как проявление национальной идентичности» [35]. Именно поэтому в рамках проведения исторической политики усиливаются тенденции к эрозии истории как науки. Поэтому место исторической науки в обществе, в том числе и на региональном уровне, занимает историческая политика, которая воспринимает прошлое утилитарно, редуцируя его до одного из элементов в современной политической культуре. Именно исходя из этого принципа в Татарстане формируются и реализуются традиции мемориальной политики, связанные с актуализацией в коллективной исторической памяти образов фигур национальной истории.

При формировании пантеона национальных героев политические элиты проявляют крайнюю избирательность, стремясь сочетать ценности советского наследия и собственно татарской идентичности. Примером такой стратегии как проведения исторической политики, так и реализации изобретенных традиций мемориальной культуры являются мероприятия, связанные с актуализацией в публичных и общественных пространствах образа Габдуллы Тукая. Актуализация образов последнего в рамках политики памяти ведет к ограниченной визуализации и актуализации прошлого в публичных и общественных пространствах. Комментируя это измерение исторической политики, французские историки Филипп Жутар и Богумил Евсевицки указывают на то, что «в бывших коммунистических странах изображение героев является хорошим способом понять двусмысленность и поработать над построением памяти, которая стремится быть европейской и, в более широком смысле, западной, посредством тесного сочетания сильного национального и религиозного утверждения» [36].

Вместе с тем, современные элиты в этом отношении практикуют крайне избирательный подход, удаляя из публичной политики памяти фигуры тех деятелей прошлого, которые не могут быть вписаны и интегрированы в современный мемориальный канон. 26 апреля 2024 г. Рустам Минниханов и Минтимер Шаймиев возложили цветы к памятнику Габдулле Тукаю в Казани. В связи с этим на официальном сайте М. Шаймиева подчеркивалось, что «Габдулла Тукай стоял у истоков создания татарских периодических газет и журналов, стал одним из первых поэтов-мусульман, включивших в произведения иллюстрации, из-под его пера вышли учебные пособия, которые до сих пор используются преподавателями и исследователями» [37].

Рустам Минниханов в контекстах актуализации роли и места Г. Тукая в развитии идентичности указывал на важность факторов этничности в сохранении и развитии национальной исторической памяти. В связи с этим усилиями элит подчеркивалось, что «в произведениях Габдуллы Тукая ярко обозначена роль родного языка как хранителя душевного тепла родных, кладовой духовной красоты и культурного богатства, связующей нити многих поколений... Поэзия и проза гения татарской литературы пронизана любовью к

Родине... По сей день Тукай является олицетворением самобытности татарской культуры» [38]. Мемориальные мероприятия, посвященные Г. Тукаю, стали поводом для элит актуализировать этнический и языковой фактор как в исторической памяти, так и в национальной татарской идентичности. Именно поэтому параллельно с мероприятиями, посвященными Г. Тукаю, прошла акция «Мин татарча сөйләшәм!» («Я говорю по-татарски!») [39], что указывает на стремление элит применять образы прошлого и для поддержки этнической идентичности, связанной с использованием татарского языка.

Выводы. Участие политических элит в исторической политике самым существенным образом влияет на то, как и каким образом в публичных и общественных пространствах современных национальных республик Российской Федерации формируется историческая коллективная память. Политические элиты заинтересованы в максимальном контроле и, как следствие, тематическом ограничении тех сюжетов и образов прошлого, которые могут использоваться для формирования современной мемориальной культуры.

В этом контексте историческая политика содействует инструментализации истории, стимулируя размывание монополии профессионального академического сообщества на формирование образов прошлого, их воспроизводство и продвижение в публичных и общественных пространствах. Эта роль исторического сообщества было оспорена уже в начале 21 века. К концу первой четверти 21 века профессиональные историки уже не в состоянии конкурировать с политическими элитами в формировании образов прошлого, которые используются в современной исторической политике. Профессиональные историки, формально или фактически объединенные в академические сообщества или ассоциации вынуждены играть вспомогательную роль в проведении исторической политики, иницируемой политическими элитами, помогая последним только в отборе тех фактов, которые могут быть использованы для формирования и функционирования официального канона исторической коллективной памяти.

История подвергается инструментализации, что самым существенным образом отражается в ее присутствии и представленности различных образов прошлого в публичных и общественных пространствах современных национальных республик Российской Федерации. Профессиональная историография безусловно утрачивает свой авторитет, превращаясь в один из вспомогательных и дополнительных ресурсов, которые периодически могут быть использованы политическими элитами для формирования не просто исторической, но политической коллективной памяти, которые используются для легитимации тех или иных существующих на региональном уровне режимов.

Таким образом, политические элиты в современных республиках Российской Федерации играют одну из ведущих ролей в функционировании и проведении исторической политики, которая нуждается в дальнейшем междисциплинарном изучении в современной историографии.

Библиографический список

1. Spiegel G.M. "The armored train of memory": an introductory note // Perspectives on History. The newsmagazine of the American Historical Association. 2011. January 1. URL.: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/january-2011/the-armored-train-of-memory-an-introductory-note>
2. Олейников А. Современная историчность и политика времени // Либеральная миссия. 2021. 26 апреля. URL.: <https://liberal.ru/authors-projects/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni>
3. Holthey I.G. Chi definisce ciò che deve essere ricordato? // Novecento. 2001. No 5. URL.: <https://www.assemblea.emr.it/cittadinanza/per-approfondire/formazione-pdc/i-luoghi-ricordano-e-raccontano-tante-storie/il-metodo-biografico-da-metodo-e-opportunita-pedagogica-a->

strumento-e-orizzonte-di-ricerca-storico-memoriale/approfondimenti/uso-pubblico-della-storia-e-politiche-della-memoria

4. Vautelin M. Mémoire et politique de la ville // LOME – Local et Mémoire. 2014. Décembre 2. URL.: <https://lome.hypotheses.org/119> DOI: <https://doi.org/10.58079/r0kz>

5. Казакевіч А., Бабкоў І., Абушэнка У., Гафараў І., Акудовіч В., Ягораў А. Навука і стратэгіі працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года // Палітычная сфера. 2006. № 6. С. 44 – 48.

6. Libman A., Obydenkova A. Introduction to the Special Issue on Eurasian Continuities: Historical Legacies in the Post-Communist World – Ideologies, Practices, or Social Constructions? // Communist and Post-Communist Studies. 2024. Vol. 57. No 1. P. 1 – 18. URL.: <https://online.ucpress.edu/cpcs/article/57/1/1/200119/Introduction-to-the-Special-Issue-on-Eurasian> DOI: <https://doi.org/10.1525/cpcs.2024.1820016>

7. Chiesa S., Manaresi S., Rizzi M., Duran Fr. Breve riflessione sulla Memoria e la costruzione dell'Identità Storica // Mondo Internazionale. 2024. Gennaio 4. URL.: <https://mondointernazionale.org/focus-allegati/breve-riflessione-sulla-memoria-e-la-costruzione-dellidentità-storica>

8. Fouéré M.-A. La mémoire au prisme du politique // Cahiers d'études africaines. 2010. No 197. P. 5 – 24. URL.: <http://journals.openedition.org/etudesafricaines/15768> DOI: <https://doi.org/10.4000/etudesafricaines.15768>

9. Тесля А., Марей А. Аутсайдеры и научно-историческая «объективность». Историографический клинч // Гефтер. 2014. 15 декабря. URL.: <https://gefter.ru/archive/13803>

10. Rorlich A.-A. History, collective memory and identity // Communist and Post-Communist Studies. 1999. Vol. 32. No 4. P. 379 – 396.

11. Miguel-Revilla D., Sánchez-Agustí M. Conciencia histórica y memoria colectiva: marcos de análisis para la educación histórica // Revista de Estudios Sociales. 2018. No 65. P. 113 – 125. URL: <http://journals.openedition.org/revestudsoc/10383>

12. Frisone G. L'uso politico della storia nella "società della commemorazione". Il ruolo della memoria storica nella costruzione delle identità nazionali contemporanee // Lessico di etica pubblica. 2018. No 2. P. 61 – 71.

13. Ластоўскі А. Кароткая генеалогія: гістарычнае мінулае ў публічных прамовах беларускіх афіцыйных асобаў // Палітычная сфера. 2012. № 18 – 19. С. 137 – 155.

14. Рэйснең Юлламасы, 2023. URL.: <https://rais.tatarstan.ru/tat/poslanie-raisa.htm>

15. Wilson J.R. Historicizing Presentism: Toward the Creation of a Journal of the Public Humanities // Profession. 2019. Spring. URL.: <https://profession.mla.org/historicizing-presentism-toward-the-creation-of-a-journal-of-the-public-humanities/>

16. Rohac D. Transitions, populism, and democratic decline: Evidence from Hungary and the Czech Republic // European Politics and Society. 2021. Vol. 24. P. 1 – 19.

17. Рэйснең Юлламасы, 2020. URL.: <https://rais.tatarstan.ru/tat/poslanie-raisa.htm>

18. Hunt L. Against presentism // Perspectives on History. The newsmagazine of the American Historical Association. 2002. May 1. URL.: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/may-2002/against-presentism>

19. Flüchter A. History: An Important but Potentially Dangerous Part of the Humanities // TRAFO – Blog for Transregional Research. 2021. May 6. URL.: <https://trafo.hypotheses.org/28610>

20. Abad L.A., Maurer N. History Never Really Says Goodbye: A Critical Review of the Persistence Literature // Journal of Historical Political Economy. 2021. Vol. 1. No 1. P. 31 – 68.

21. Krawatzek F., Soroka G. Circulation, Conditions, Claims: Examining the Politics of Historical Memory in Eastern Europe // East European Politics and Societies and Cultures. 2020. Vol. XX. No 10. P. 15. P. 1 – 27. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325420969786>

22. Belmonte A., Rochlitz M. The political economy of collective memories: Evidence from Russian politics // Journal of Economic Behavior & Organization. 2019. Vol. 168. December. P.

229 – 250. URL.: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167268119303166> DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2019.10.009>

23. Williams Ch. Tatar nation building since 1991: Ethnic mobilisation in historical perspective // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2011. Vol. 10. No 1. P. 94 – 123.

24. Kuposov N. "The armored train of memory": the politics of history in post-Soviet Russia // *Perspectives on History*. The newsmagazine of the American Historical Association. 2011. January 1. URL.: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/january-2011/the-armored-train-of-memory-the-politics-of-history-in-post-soviet-russia>

25. Preljević V. Kultura pamćenja i forme zaborava // *Behar*. Časopis za književnost i društvena pitanja. 2018. Studeni. URL.: <https://web.archive.org/web/20181229220452/https://behar.hr/kultura-pamcenja-i-forme-zaborava/>

26. Рәиснең Юлламасы, 2022. URL.: <https://rais.tatarstan.ru/tat/poslanie-raisa.htm>

27. Dewerpe A. La commémoration. Mémoire sociale et marché du savoir historique // *L'Atelier du Centre de recherches historiques*. 2017. No 17. URL: <http://journals.openedition.org/acrh/8057> DOI: <https://doi.org/10.4000/acrh.8057>

28. Jedlicki J. Povijesno pamćenje kao izvor sukoba u Istočnoj Europi // *Revija za sociologiju*. 1999. Vol. 30. No 3 – 4. S. 131 – 137.

29. Рәстәм Миңнеханов һәм Минтимер Шәймиев «Изге Болгар жыены» бәйрәмендә катнаштылар. URL.: <https://shaimiev.tatarstan.ru/tat/index.htm/news/2308753.htm>

30. Идел буге Болгарстанының Ислам динен рәсми кабул итү көненә багышланган "Изге Болгар жыены" тантаналы чарасы. URL.: <https://shaimiev.tatarstan.ru/tat/prensa/photoreports/photoreport/9592499.htm>

31. Belmonte A., Rochlitz M. The political economy of collective memories: Evidence from Russian politics // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2019. Vol. 168. December. P. 229 – 250. URL.: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167268119303166> DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2019.10.009>

32. Jedlicki J. Historical memory as a source of conflicts in Eastern Europe // *Communist and Post-Communist Studies*. 1999. Vol. 32. No 3. P. 225 – 232. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(99\)00010-0](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(99)00010-0)

33. Рәстәм Миңнеханов һәм Минтимер Шәймиев «Яңарыш: эпос заманча укылышта» фестивале кысаларында «Кара пулат» операсын карадылар. URL.: <https://shaimiev.tatarstan.ru/tat/index.htm/news/2217689.htm>

34. Татарстан Республикасы Рәисе Р.Н. Миңнехановның Идел буге Болгар дәүләтендә рәсми рәвештә ислам дине кабул ителү көне уңаеннан МӨРӨЖӘГАТЕ. URL.: <https://rais.tatarstan.ru/tat/index.htm/news/2309181.htm>

35. Lashkry H. The Political Redefinition of Memory: The Problem of Studying History in Contemporary Iraq // *TRAFO – Blog for Transregional Research*. 2021. May 27. URL.: <https://trafo.hypotheses.org/28796>

36. Joutard Ph., Jewsiewicki B. Mémoire historique d'ici et d'ailleurs: regards croisés // *Annuaire de l'EHESS*. Paris: Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 2005. P. 170 – 172. URL: <http://journals.openedition.org/annuaire-ehess/16793>

37. Рәстәм Миңнеханов һәм Минтимер Шәймиев Казанда Габдулла Тукай һәйкәленә чәчәкләр салды. URL.: <https://shaimiev.tatarstan.ru/tat/index.htm/news/2301856.htm>

38. Рәстәм Миңнехановның Туган тел көнен һәм Габдулла Тукайның тууына 138 ел тулуны бәйрәм итү уңаеннан мөрәжәгате. URL.: <https://rais.tatarstan.ru/tat/index.htm/news/2301708.htm>

39. «Мин татарча сөләйшәм!» акциясе Казан Кремленең Гавами урыннарында узачак. URL.: <https://kazan-kremlin.ru/tat/news/min-tatarcha-s%20d3%a91%d3%99jsh%d3%99m-akcziyase-kazan-kremlene%20a3-gavami-urynnarynda-uzachak/>

*Воронежский государственный университет,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
факультета международных отношений
В.Н. Морозова.*

*Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 224-74-02;
e-mail: morozova@ir.vsu.ru*

*Воронежский государственный университет,
студент факультета международных отношений
Е.В. Данилова*

*Россия, г. Воронеж,
тел. 89611871681
e-mail: jane.dan02@mail.ru*

*Voronezh State University,
PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Politics Chair,
International Relations Department
V.N. Morozova.*

*Russia, Voronezh,
tel. (473) 224-74-02;
e-mail: morozova@ir.vsu.ru*

*Voronezh State University,
Student, International Relations Department
E.V. Danilova*

*Russia, Voronezh,
tel. 89611871681;
e-mail: jane.dan02@mail.ru*

В.Н. Морозова, Е.В. Данилова

«МЯГКАЯ СИЛА» КИТАЯ

Статья посвящена исследованию относительно нового подхода к укреплению геополитического влияния государства посредством использования инструментов «мягкой силы». Делается попытка проанализировать значение «мягкой силы» в политике Китая. Особое внимание уделено влиянию инициативы «Один пояс – один путь» на глобальный имидж Китая, а также роли мирных инициатив по урегулированию ряда конфликтов на репутацию Пекина. Также исследуется ряд других направлений в использовании «мягкой силы».

Ключевые слова: мягкая сила, экономическая мягкая сила, Китай, внешняя политика КНР, инициатива «Один пояс – один путь», глобальное лидерство.

V.N. Morozova, E.V. Danilova

CHINA'S "SOFT POWER"

The article is devoted to a study of a new approach to strengthening the geopolitical influence of the state through the use of "soft power" instruments. An attempt is made to analyze the meaning of "soft power" in China's politics. Special attention is paid to the impact of the «One Belt - One Way» initiative on China's global image, as well as the role of peaceful initiatives to resolve a number of conflicts in Beijing's reputation. Also explored a number of other areas in the use of "soft power".

Key words: "soft power", economic "soft power", China, foreign policy of the PRC, the initiative "One belt-one way", global leadership.

За последние несколько десятилетий Китай из отсталой страны превратился в мощную экономическую и технологическую державу, которая претендует на роль мирового лидера, или по крайней мере одного из центров многополярного мира. В то же время развитие Пекина сопровождается нарастающим противостоянием с Вашингтоном, который видит в Китае угрозу своему глобальному могуществу. Однако в данном соперничестве государства не могут использовать исключительно военные и экономические ресурсы, так как опора только на жесткую силу в цифровую эпоху оказывается не только непродуктивной для государства, но и порой разрушительной. В связи с этим значительный вклад в укрепление геополитических позиций вносит так называемая «мягкая сила».

Джозеф Най, архитектор новой концепции, утверждал, что мощь актора мировой арены зависит от его культурной, идеологической и политической привлекательности. Он отмечал, государство может влиять на поведение других стран посредством убеждения, а не с помощью военной силы или экономической санкций. В то же время американский политолог не настаивал на применении исключительно «мягкой силы». Он заявлял, что если государства возьмут на вооружение «мягкую силу», которая является частью большой стратегии, то они получают различные преимущества в современном мире. Най считал, что мягкая сила держится на трех основных компонентах, таких как культура, политические ценности и внешняя политика [1].

«Мягкая сила» страны в значительной степени зависит от ее глобального имиджа и международного престижа. Также политические лидеры страны могут, например, вызывать одобрение мирового сообщества, внося вклад в ресурсы «мягкой силы» своей страны посредством достойных действий.

Отчасти из-за неясной природы «мягкой силы», ее количественная оценка представляет собой довольно сложную задачу. Кроме того, порой инструменты «мягкой силы» могут пересекаться с элементами «жесткой силы», из-за чего нелегко определить, государство одержало политическую победу лишь из-за использования новых инструментов, или же его партнер пошел на уступки по другим причинам. Например, стране с мощной военной силой значительно легче повлиять на других посредством культурной и научной дипломатии [2]. Ввиду указанных причин, исследователи могут расходиться в выводах о том, на каком этапе развития находится новый вид влияния у того или иного государства. Но в то же время существуют довольно распространенные критерии, в соответствии с которыми акторы мировой арены сравниваются друг с другом. В конечном итоге, главная отличительная особенность применения «мягкой силы» — это возможность страны создавать образ жизни, которому другие хотят подражать. Можно сказать, что «мягкая сила» — это выражение привлекательности и харизмы страны. По сравнению с жесткой силой, мягкая сила порождает в людях чувство близости или даже уважения.

Ряд европейских исследователей считают, что Пекин нельзя назвать сверхдержавой, которая в осуществлении своей внешней политики использует инструменты «мягкой силы». Возможно, это связано с геополитическим противостоянием Запада, в первую очередь США и Китая. Первый стремится использовать средства массовой информации, чтобы демонизировать образ противника, представить его в виде авторитарного или даже тоталитарного государства, опирающегося лишь на военную силу и старые методы экономического давления.

Между тем стоит отметить, что согласно глобальному индексу «мягкой силы», опубликованному в 2024 году международной консалтинговой компанией Brand Finance, Китай занимает почетное третье место, обогнав при этом Германию и Японию. Для исследования было использовано 55 метрики, среди которых объемы ВВП, узнаваемость брендов в мире, репутация страны на мировой арене, развитие науки и образования и многие другие [3].

Стоит отметить, что китайской цивилизации изначально не были чужды элементы «мягкой силы». Исторически конфуцианский Китай делал большой акцент на добродетелях правления. В трудах знаменитых китайских философов не раз упоминались щедрость и терпимость как во внутренних, так и во внешних делах. Если посмотреть на более глубокий уровень, китайский дискурс является теоретическим выражением и усовершенствованием китайской истории и китайского опыта. Понятие доброжелательности прослеживается в трудах и учении Конфуция. Древний мыслитель многократно выражал восхищение императором, который полагается на свой авторитет и способности переговоров, а не на грубую силу [4]. Также согласно известным китайским стратегамам, представители данного государства будут избегать прямой конфронтации и вместо явного применения силы они скорее выберут метод дипломатии.

В настоящее время данный подход продолжается, и Китай активно развивает «мягкую силу» для укрепления своих геополитических позиций.

Планы Китая по продвижению «мягкой силы» в «новую эпоху» были разработаны в 2012 году и впоследствии разделены на три этапа. Первый этап направлен на выявление отставания Китая в культурном влиянии от развитых стран. Второй этап ставит целью продвижение «мягкой силы» в пяти аспектах – экономическом, политическом, культурном, социальном и экологическом. Третий этап направлен на то, чтобы заложить основу для «мягкой силы» Китая: так называемую китайскую модель [5].

Так как задачей Китая является создание доброжелательного образа, а также способствовать повышению эффективности международного общения для обеспечения национальных интересов, он изучил возможные варианты практических действий и разработал собственный план. Так, продвижение «мягкой силы» Китая является важной частью Стратегических директив Китая, опубликованных в коммюнике долгосрочных целей Китая. В документе отмечается, что необходимо как можно эффективнее повышать доверие к китайской культуре среди населения других государств, а цель состоит в том, чтобы значительно увеличить экономическую, технологическую и национальную мощь Китая. Также особое внимание уделяется внедрению инноваций, особенно в сферу онлайн-платформ электронной торговли и социальных сетей.

Как отмечается в коммюнике, Китай намерен изменить свои приоритеты в нескольких секторах, например, внедрять инновации, развивать высококачественный экономический рост. Со всеми предложениями, которые будут реализованы в ближайшие 15 лет, к 2050 году Китай планирует стать сильной державой не только в Восточной Азии, но и во всем мире, при этом опирающуюся в равной степени как на «жесткую силу», так и на «мягкую» [6].

Согласно риторике китайского руководства для того, чтобы проецировать свое культурное влияние за рубежом, в первую очередь необходимо убедить свое население в уникальности и величии культуры. В данном направлении задачу значительно облегчает тот факт, что китайская культура, которая является самостоятельной и самодостаточной цивилизацией, насчитывает более 5000 лет истории. Более того, Поднебесная отличается относительно большой территорией и вторым место в мире по количеству населения [7].

Китайская мудрость и решения дают новые идеи для решения ряда противоречий и проблем в современном мире, выходя за рамки старой логики гегемонии и игры с нулевой суммой.

Важным инструментом в данной области являются Институты Конфуция, которых в настоящий момент открыто более 500 в 154 странах мира [8]. Культура Праздника Весны становится все более популярной в международном сообществе, Тайцзи и каллиграфия широко распространены за рубежом именно благодаря деятельности данных институтов.

Ряд институтов работают по всему миру, обучая китайской культуре, философии, традициям и, конечно же, языку. В эпоху глобализации только посредством непрерывной коммуникации влияние культуры может продолжать расширяться [9].

Китай также использует научную дипломатию в качестве «мягкой силы». В 2010 году Пекинский университет иностранных языков открыл первый в Китае Исследовательский центр публичной дипломатии, целью которого является формирование положительного имиджа Китая, опровержение искаженных зарубежных сообщений о Китае, улучшение обстановки в китайских периферийных государствах и оказание влияния на политические решения зарубежных стран [10]. Кроме того, КНР активно привлекает иностранных студентов для обучения в местных университетах, предоставляя стипендии и последующее трудоустройство.

Кинематограф является важной составляющей «мягкой силы государства». Китайский кинематограф в настоящее время набирает популярность и обостряет конкуренцию с американским.

По данным на апрель 2024 года, китайские релизы занимают места с четвертого по седьмое в топе мировых сборов, а голливудские показывают результаты ниже ожиданий, что

вероятнее всего связано с ростом качества отечественного кино и точным попаданием в запрос зрителей [11]. Например, фильмы китайского производства затрагивают вечные проблемы человечества, такие как семья, дружба, смысл жизни, в то время как американские служат только для развлечения.

В связи с этим, у Китая появилось две новых и выгодных для него возможностей. Во-первых, столкнувшись со снижением доходов от билетов в кино в США, многие голливудские продюсеры зависят как от китайских инвесторов, так и от прибыли от китайского рынка. Во-вторых, отечественная индустрия США все еще остается самой сильной и прибыльной в мире. Участвуя в создании американских фильмах, КНР может значительно повлиять на их сюжет, вставляя в него элементы своей культуры. Так, за последние десять лет доля Китая в американском кинематографе возросла [12].

Логично проследить причинно-следственную цепочку. Если производство художественных картин зависит от инвесторов, то последние могут диктовать свою волю и свои пожелания относительно сюжета. Таким образом, продюсеры вынуждены вносить в произведения корректировки, отражающие интересы Китая [13]. Таким образом, инвестиции позволяют в большей степени контролировать свою собственную историю и идеи, созданные крупнейшим кинорынком в мире. Многие люди смотрят голливудские фильмы, а с участием китайцев население других стран получает более понятное для него видение Китая.

Так, фильмы «Великая стена» (2017) и «Мулан» (2020) создавались при участии китайских специалистов и оба были скорректированы, чтобы более точно соответствовать воспринимаемым предпочтениям китайского рынка, несмотря на споры и критику в Соединенных Штатах [14, 15].

Тесное сотрудничество между Голливудом и киноиндустрией Китая имело и другой эффект: китайские развлекательные компании изучили все тонкости того, как Голливуд снимает фильмы, тем самым быстрее развил сильную китайскую индустрию. Например, мультфильм «Нэчжа» (2019), произведенный Chengdu Coco Cartoon собрал кассовый сбор больше, чем голливудские картины то же времени [16]. Хит 2017 года «Война волков» с большим кассовым сбором смог рассказать настолько уникальную историю о растущем напряжении внутреннего национализма в Китае, что он стал источником нового дипломатического стиля Китая «Волка-воина» [17]. Данные фильмы также хорошо зарекомендовали себя за рубежом. Например, мультфильм «Нэчжа» заработал 4 миллиона долларов в Австралии, Новой Зеландии, Великобритании и США [14].

Индустрия развлечений является жизненно важной частью стратегии «мягкой силы» Китая, направленной на изменение своего глобального имиджа с помощью цифровой торговли. Она позволяет китайскому правительству рассказывать свои истории и наглядно делиться преимуществами и привлекательностью китайского образа жизни в иностранных государствах.

Подход Китая к способу осуществления внешней политики государствами, в основе которого лежит мирное сосуществование, помощь в развитии, обеспечивает ему сторонников среди развивающихся государств, пострадавших от западного колониализма и испытывающих на себе в данный момент влияние неоколониализма. Страны надеются, что Пекин сможет предложить новый набор принципов, регулирующих международные отношения.

В этой связи Китай выступает инициатором мирного разрешения конфликта на Украине. В отличие от Соединенных Штатов и их союзников, которые лишь способствуют дальнейшему обострению российско-украинского конфликта, Китай стремится решить конфликт мирным путем. Так, в мае 2024 года Китай и Бразилия подготовили «мирный план», состоящий из шести пунктов. Он включает прекращение конфликта, переговоры с участием всех заинтересованных сторон, включая Российскую Федерацию, беспрепятственный ввоз гуманитарной помощи, обмен военнопленными и несколько других положений [18].

Мир справедливо рассматривает Соединенные Штаты в качестве бенефициара российско-украинского конфликта. Это также нарушило имидж США. Даже некоторые европейские союзники Соединенных Штатов также обвиняют их в том, что они извлекают выгоду из этого конфликта. С другой стороны, Китай в настоящее время рассматривается как сторонник мира во всем мире.

Не менее важным фактором в формировании положительного имиджа Китая является его роль в БРИКС, в котором наравне с Российской Федерацией КНР считается инициатором построения нового мирового порядка. БРИКС, особенно после его расширения в январе 2024 года и проведения саммита в Казани воспринимается как проводник монополярного мира, основанного на взаимоуважении, равенстве, использования ненасильственных методов взаимодействия. Мировая общественность рассматривает инклюзивность и эгалитарную систему БРИКС как фундаментальную политику членов-основателей объединения.

Также важно отметить, что китайско-американское противостояние стало восприниматься скорее как борьба сторонника гегемонизма и сторонника монополярного мирового устройства, а не как экономическая конкуренция.

После феноменального экономического роста за последние несколько десятилетий большая часть привлекательности Китая заключается в этой успешной истории, особенно в глазах развивающихся стран. В этом случае можно говорить о развитии экономической «мягкой силы» [19]. Это включает в себя искусную экономическую дипломатию и подтверждается крупными региональными торговыми соглашениями или расширенной официальной помощью в целях развития в направлении сотрудничества.

Так, одним их наиболее известных инструментов в данной области является весьма амбициозная инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП), которая предполагает создание логистического пути, соединяющего почти весь мир со «Срединным государством». Данный проект представляется как выгодный для всех вовлеченных партнеров [20]. Помимо инфраструктурных проектов ОПОП предполагает развитие межкультурного диалога. Можно предположить, что посредством включения культурной составляющей Пекин реализует свою стратегию по развитию «мягкой силы». Также КНР участвует в программах, которые включают обмен технологическими достижениями, совершенствование профессиональных навыков местных жителей, улучшение доступа к государственным услугам и многих других инициативах.

Совокупные инвестиции страны в инфраструктурные проекты примерно в 147 странах мира превысили 1 триллион долларов в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (BRI). По оценкам, к завершению проекта BRI эти инвестиции должны достичь почти \$8 трлн. Этот проект охватывает три континента и обеспечил работой 421 тыс. человек [21].

Китай также не только простил государственные долги африканским странам, но и инвестировал в проекты инфраструктурного развития в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [22]. Этот политический шаг принес стране огромную репутацию среди развивающихся и слаборазвитых стран.

Таким образом, инвестиции на льготных условиях в рамках инициативы «Один пояс, один путь» используются Пекином в качестве средства продвижения китайских ценностей и идей. Государство довольно успешно создает себе образ мирового лидера, готового делиться результатами своих достижений с менее развитыми акторами мировой арены и стремящегося внести вклад в глобальное развитие.

В то же время, у китайской «мягкой силы» есть свои особенности. Ряд стран Восточной Азии сумели создать привлекательный национальный имидж за рубежом, в основном из-за свободы, предоставленной творческим индустриям, которой, по ряду оценок, не хватает в Китае. Соответственно, в указанных государствах, «мягкую силу» развивают множество субъектов за пределами страны, например, гражданское общество, средства массовой информации, частный сектор экономики, НКО. Однако, как и механизмы «жесткой силы», инструменты «мягкой силы» сосредоточены целиком в государственных институтах, контролируются правительством и строго централизованы. Это приводит к

ограничению некоторых ресурсов, и китайский образ жизни потенциально может быть более эффективным в достижении конкретных результатов [23].

Стоит отметить, что цели китайской «мягкой силы» различаются в зависимости от региона. Например, в Африке, Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, где Китай проявляет особую активность, инициативы «мягкой силы», как правило, привязаны к ключевым ресурсам, таким как энергетические ресурсы, то есть основная задача – убедить стороны заключить выгодные для Пекина торговые соглашения. Инициативы «мягкой силы» также направлены на то, чтобы убедить страны отказаться от официального дипломатического признания Тайваня и следовать политике «единого Китая». На Западе в целом усилия Китая в области «мягкой силы» имеют тенденцию к более тонким и менее целенаправленным усилиям, таким как организация международных культурных и исторических выставок и участие в международных мероприятиях. При этом необходимо привлечь иностранную общественность через языковые институты и средства массовой информации. Цель последней представленной политики состоит в том, чтобы изменить представление о Китае, противодействуя негативному восприятию государства в Европе и США, и тем самым улучшая имидж Китая в глазах остального мира [24].

Таким образом, можно сделать вывод, что необходимость развития «мягкой силы» стала признана многими государствами на мировой арене, не зависимо от их политического устройства. КНР уделяет ей значительное внимание, ввиду чего «мягкая сила» стала неотъемлемой частью внешнеполитической деятельности государства.

Пекин успешно создает имидж государства – проводника мира и стабильности, а также закладывает основу, чтобы в обозримом будущем его воспринимали как доброжелательную державу, которая взаимодействует с другими на основе взаимного согласия, а не принуждения.

Также «мягкая сила» Китая находится в прямой зависимости от его экономического развития. Именно благодаря увеличению денежных ресурсов Пекин может продвигать свою культуру зарубеж. Например, инициатива «Один пояс – один путь» важный компонент ненасильственного метода китайского влияния на своих партнеров. В обмен на экономическую помощь в развитии инфраструктуры, страны готовы не только на долгосрочное сотрудничество с Поднебесной, но и, если и сделать ряд политических уступок, то точно в китайско-американском противостоянии выбрать первую сторону.

Процветание страны или нации всегда отмечено культурным процветанием. Улучшение культурной «мягкой силы» страны связано со стремлением государства получить лидирующее место на мировой арене, а также создать сообщество людей, которые понимают свою взаимозависимость.

Если Пекину и удалось наладить отношения со странами Глобального Юга, то с установить такое же партнёрство с Коллективным Западом будет значительно труднее.

Библиографический список

1. Nye J. Soft power: the means to success in world politics / J. Nye // New York : Public Affairs, 2004. – 213 P. URL: <https://archive.org/details/softpowermeansto00nyej/page/n11/mode/1up>
2. Kalathil Sh. China's Soft Power in the Information Age: Think Again / Sh. Kalathil // Institute for the Study of Diplomacy. – 05.2011. – URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/wps/isd/0024954/f_0024954_20385.pdf
3. Global Soft Power Index // BrandFinance. – 03.2024. URL: <https://brandirectory.com/softpower/>
4. Mirza M.N. Evaluating China's Soft Power Discourse: Assumptions, Strategies, and Objectives / M. N. Mirza // HAL Open Science. – 16.04.2021. URL: [Evaluating China's Soft Power Discourse: Assumptions, Strategies, and Objectives](https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03111111/document)

5. Johnson C. China's strategic culture: a perspective for the United States / C. Johnson // Strategic Studies Institute. – 06. 2009. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/101982/China_Strategic_Culture_June09.pdf
6. Barrech D. M. Chinese soft power winning hearts and minds / D. M. Barrech // Modern Diplomacy. – 04.06.2020. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2020/06/04/chinese-soft-power-winning-hearts-and-minds/>
7. Счетчик населения Китая // Countrymeters. – 2024. URL: <https://countrymeters.info/ru/China>
8. В мире работает 550 институтов Конфуция // РИА Новости. – 10.12.2019. URL: <https://ria.ru/20191210/1562217842.html>
9. Şengil M. A. China's Soft Power / M. A. Sengil // ResearchGate. – 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/370403852_CHINA'S_SOFT_POWER
10. Is China's Soft Power Strategy Working? // China Power. URL: <https://chinapower.csis.org/is-chinas-soft-power-strategy-working/>
11. Зайцева Д. Почему азиатская культура вытесняет Голливуд? / Д. Зайцева // Heroine. – 03.06.2021. URL: <https://heroine.ru/pochemu-aziatskaya-kultura-vytesnyaet-gollivud/>
12. Herbert B. China's Soft Power & Digital Trade: Reshaping Global Image Through Digital Media & Entertainment / B. Herbert., N. Kroeger // Middlebury Institute of International Studies. – 24.01.2021. – 19 p. URL: https://www.middlebury.edu/institute/sites/default/files/2021-03/MIIS_ITED-working-paper-series_China-soft-power-digital-trade_reshaping-global-image-through-digital-media-entertainment_012021.pdf
13. Silver L. Chinese soft power / L. Silver // Pew Research Center. – 27.07.2023. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2023/07/27/chinese-soft-power/>
14. Kokas A. 'Mulan' is a movie about how much Hollywood needs China / A. Kokas // Washington Post. – 09.09.2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/09/09/mulan-is-movie-about-how-much-hollywood-needs-china/>
15. Barker Th. The Real Source of China's Soft Power / Th. Barker // The Diplomat. – 18.09.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/11/the-real-source-of-chinas-soft-power/>
16. Самые кассовые китайские фильмы // Российско-азиатский союз промышленников и предпринимателей. – 24.06.2022. URL: https://raspp.ru/business_news/chinese-movies/
17. Гилл Б. Дипломатия «волков-воинов» в Китае – работает ли она? / Б. Гилл // Россия в глобальной политике. – 06.05.2020. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/diplomatiya-volkov-voinov/>
18. Китай и Бразилия возродят план урегулирования между Россией и Украиной // РБК. – 25.09.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/09/2024/66f37c819a79470835907f57>
19. Bush J. China's Soft Power in the Context of the Belt and Road Initiative: Three Case Studies / J. Bush // UVM ScholarWorks. – 2021. URL: <https://scholarworks.uvm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1440&context=hcoltheses>
20. Sayama O. China's Approach to Soft Power. Seeking a Balance between Nationalism, Legitimacy and International Influence / O. Sayama // Royal United Services Institute. – 03.2016. – URL: https://static.rusi.org/201603_op_chinas_soft_power.pdf
21. Chinese BRI investment volume 2013-2022 // Statista. – 23.10.2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1274991/china-total-investment-in-belt-and-road-countries/#:~:text=In%202022%2C%20total%20Chinese%20investment,flowed%20to%20Asian%20BRI%20countries>
22. Bataut T. How China is using its Soft Power to Increase its Influence / T. Bataut // New Eastern Outlook. – 17.03.2024. URL: <https://journal-neo.su/2024/03/17/how-china-is-using-its-soft-power-to-increase-its-influence/>
23. Carminati D. The State of China's Soft Power in 2020 / D. Carminati // E-international relations. – 03.07.2020. URL: <https://www.e-ir.info/2020/07/03/the-state-of-chinas-soft-power-in-2020/>
24. Rana A. Struggle and Success of Chinese Soft Power: The Case of China in South Asia / A. Rana // E-international relations. – 14.11.2022. URL: <https://www.e-ir.info/2022/11/14/struggle-and-success-of-chinese-soft-power-the-case-of-china-in-south-asia/>

УДК 323

*Воронежский государственный университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
регионоведения и экономики зарубежных стран
А.В. Погорельский
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(908) 132-19-63;
e-mail: pogorelsky@mail.ru*

*Voronezh State University
PHD in History, Associate Professor of the Chair of
Regional Studies and Foreign Countries Economies
A.V. Pogorelsky
Russia, Voronezh,
tel. +7(908) 132-19-63;
e-mail: pogorelsky@mail.ru*

А.В. Погорельский

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ)

Термин «евроскептик» появился в середине 1980-х годов и обозначал людей, которые выступали против европейской интеграции. До подписания в 1992 году Маастрихтского договора, данное определение в большей степени относилось к политическим маргиналам. Однако по мере развития ЕС и расширения его полномочий, таких событий как введение евро, крупнейшего расширения союза в 2004 году, не увенчавшейся успехом попытки создания Европейской конституции и последующего подписания Лиссабонского договора, количество сторонников идеологии евроскептицизма увеличилось многократно. Сегодня евроскептицизм рассматривается как идеология и практика, суть которых состоит в оппозиции к европейскому проекту. Как правило, критике со стороны евроскептиков подвергаются институты ЕС, миграционная политика Евросоюза, общая торговая и денежная политика, внешняя политика и политика безопасности. Несмотря на ряд общих черт, в идеологии евроскептицизма можно выделить региональные особенности. Наиболее отчетливо они проявляются при проведении сравнительного анализа развития евроскептицизма в странах Западной и Восточной Европы.

Ключевые слова: Европейский союз, евроскептицизм, политические партии, политическая идеология, региональные особенности, Западная Европа, Восточная Европа.

A.V. Pogorelsky

REGIONAL FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF EUROSCEPTICS IN THE EUROPEAN UNION (ON THE EXAMPLE OF WESTERN AND EASTERN EUROPEAN COUNTRIES)

The term "Eurosceptic" appeared in the mid-1980s and denoted people who opposed European integration. Before the signing of the Maastricht Treaty in 1992, this definition largely referred to political marginals. However, as the EU developed and expanded its powers, such events as the introduction of the euro, the largest enlargement of the union in 2004, the unsuccessful attempt to create a European constitution and the subsequent signing of the Lisbon Treaty, the number of supporters of the ideology of Euroscepticism increased many times over. Today, Euroscepticism is seen as an ideology and practice, the essence of which is opposition to the European project. As a rule, Eurosceptics criticize EU institutions, the EU migration policy, the common trade and monetary policy, foreign policy and security policy. Despite a number of common features, regional features can be identified in the ideology of Euroscepticism. They are most clearly manifested in a comparative analysis of the development of Euroscepticism in Western and Eastern Europe.

Key words: European Union, Euroscepticism, political parties, political ideology, regional features, Western Europe, Eastern Europe.

Термин «евроскептик» появился в середине 1980-х годов и обозначал людей, которые выступали против европейской интеграции. До подписания в 1992 году Маастрихтского договора, данное определение в большей степени относилось к политическим маргиналам. Однако по мере развития ЕС и расширения его полномочий, таких событий как введение евро, крупнейшего расширения союза в 2004 году, не увенчавшейся успехом попытки создания Европейской конституции и последующего подписания Лиссабонского договора, количество сторонников идеологии евроскептицизма увеличилось многократно. Сегодня евроскептицизм рассматривается как идеология и практика, суть которых состоит в оппозиции к европейскому проекту. Как правило, критике со стороны евроскептиков подвергаются институты ЕС, миграционная политика Евросоюза, общая торговая и денежная политика, внешняя политика и политика безопасности[1,с.167]. Несмотря на ряд общих черт, в идеологии евроскептицизма можно выделить региональные особенности. Наиболее отчетливо они проявляются при проведении сравнительного анализа развития евроскептицизма в странах Западной и Восточной Европы.

Следует отметить, что в исследуемых странах в основном представлен мягкий вариант евроскептицизма. Иными словами, евроскептики не отвергают членство своих стран в ЕС, но выступают за сохранение национального суверенитета во внутренней и внешней политике. Ключевым положением риторики евроскептиков в исследуемых странах является продвижение идеи Европы национальных государств. Евроскептики критикуют попытки федерализации ЕС, однако поддерживают выгодную для них экономическую интеграцию в рамках Союза.

Еще одной общей характеристикой евроскептицизма в исследуемых странах является усиление роли евроскептических партий. Данную тенденцию ярко демонстрируют результаты выборов 2024 года в Европарламент. Партия "Альтернатива для Германии", занимающая крайне евроскептические позиции, зарекомендовала себя как вторая по популярности сила в стране. Президентская партия "Возрождение" во Франции продемонстрировала значительное отставание от правой партии «Национальное объединение» под руководством Марин Ле Пен, проигрывая более чем два раза по количеству полученных голосов[2]. В Польше в тройку лидеров вошла партия ПиС и коалиция националистов и евроскептиков "Конфедерация"[3]. В Венгрии победу одержала правящая евроскептическая партия ФИДЕС. В Германии АдГ за 10 лет своего существования прошла путь от партии, которая не могла преодолеть 5% порог, до партии, имеющей фракции во всех ландтагах ФРГ, Бундестаге и депутатов в Европарламенте[4,с.110]. Во Франции Национальное объединение прошло путь от маргинальной партии до главной оппозиционной силы в стране[1,с.168].

Если тенденция к усилению роли евроскептических партий является объединяющей характеристикой исследуемых стран, то характер влияния этих партий на национальную политику позволяет выделить некоторые региональные особенности. В Германии и Франции АдГ и Национальное объединение не являются правящими партиями, следовательно, их прямое влияние на политику ограничено, однако они оказывают существенное косвенное влияние. Их деятельность и растущая популярность в обществе вынуждает правящие партии ужесточать свою риторику и смещаться «вправо» по политическому спектру. В Польше и Венгрии иная ситуация, евроскептические партии находятся у власти, а, значит, оказывают прямое влияние на политический курс этих стран.

Несмотря на то, что евроскептицизм в исследуемых регионах имеет общие черты, можно констатировать, что данный феномен имеет явную национальную специфику и особенности развития[5,р.49]. В рамках предпринятого сравнительного анализа, мы осветим ряд аспектов развития евроскептицизма в исследуемых регионах: исторический, экономический, культурный и институциональный.

Различия в историческом развитии формируют национальные политические культуры, которые оказывают существенное влияние на восприятие ЕС. Для Польши и Венгрии отказ от императива национального суверенитета неприемлем, поскольку освобождение от просоветских коммунистических режимов они воспринимают, как восстановление своей независимости и государственности. Следовательно, любая попытка ослабления роли национального государства, ограничение суверенитета или просто внешнее давление незамедлительно вызовет протестную реакцию. Эти факторы во многом определяют формирование скептического отношения к политике ЕС.

В современной ФРГ, которая от момента создания существует и развивается в контексте евроинтеграции и исторически является главным сторонником европейского проекта, сложилось преимущественно позитивное отношение к ЕС и процессам евроинтеграции. Также следует отметить, что бремя исторической ответственности за Вторую мировую войну формирует среди немецкого населения и политических элит опасения, что усиление евроскептицизма может привести к ухудшению отношений внутри ЕС. Однако то, что евроскептицизм набирает популярность в ФРГ, является неоспоримым фактом и объясняется неудачной политикой Евросоюза, а не историческими предпосылками.

Во Французской Республике исторически сложилась политическая культура, в рамках которой ключевая роль отводится сильному и независимому национальному государству. Изначально поддерживающая европейскую интеграцию Франция, по мере углубления этих процессов и все более очевидной централизации ЕС, стала занимать более евроскептическую позицию. Мотивируется это опасениями, что углубление процессов евроинтеграции влечет за собой уменьшение национального суверенитета.

Анализ региональных особенностей евроскептицизма в ЕС невозможно провести без учета экономического аспекта. В Польше и Венгрии евроскептицизм в экономической сфере принимает форму экономического национализма. В Польше евроскептики выражают недовольство усилением контроля со стороны ЕС, поскольку это может привести к сокращению финансовой помощи от ЕС, которая способствует экономическому развитию страны. Единая сельскохозяйственная политика также подвергается критике, поскольку регулирование и стандарты ЕС являются обременительными для польских фермеров. Дальнейшее углубление интеграции, расширение рынка ЕС и господство немецкого капитала подрывают конкурентоспособность польских предприятий. Евроскептики выражают беспокойство по поводу того, что директивы ЕС могут иметь приоритет над национальным законодательством, ограничивая экономическую независимость Польши.

В Венгрии ситуация во многом схожая. Венгерские евроскептики высказывают опасения, что зависимость от финансовой помощи ЕС угрожает экономическому суверенитету страны и лишает Венгрию независимости от Брюсселя в области принятия экономических решений. Помимо того, что Единая сельскохозяйственная политика ЕС воспринимается венгерскими евроскептиками как обременительная, также критикуется отсутствие национально ориентированного подхода, который бы учитывал местные условия и традиции. Недовольство вызывают попытки ЕС ограничить возможности Венгрии вести торговлю с неевропейскими странами и развивать двусторонние отношения, например, с Россией.

В целом экономический аспект занимает ключевую позицию в развитии евроскептицизма стран ЦВЕ. Несмотря на то, что в рамках евроинтеграции страны ЦВЕ сумели извлечь для себя экономическую выгоду, накопившееся разочарование неэффективной антикризисной политикой ЕС и нереализованные стремления достичь уровня экономического развития западноевропейских стран породили разочарование и как следствие всплеск евроскептических настроений. Самым надежным индикатором этого остается рост националистических настроений в Польше и Венгрии.

В ФРГ экономический аспект реализуется в несколько иных положениях евроскептиков. Основным поводом для недовольства служит размер немецких вложений в

бюджет ЕС. Как одна из крупнейших экономик ЕС, Германия является одним из основных вкладчиков в бюджет ЕС. Евроскептики считают, что страна платит больше, чем получает взамен. Участие Германии в еврозоне и использование единой валюты евро связано с определенными экономическими рисками и обязательствами, особенно в контексте экономических кризисов в других странах еврозоны. В этом контексте становится понятной призыв партии АдГ к выходу из еврозоны и возвращению к немецкой марке. Следует отметить, что немецкие евроскептики также отмечают, что экономическое регулирование ЕС угрожает экономическому суверенитету через, например, ограничение деятельности финансовых институтов в Германии и влияние различных директив на национальное законодательство.

Во Франции экономические факторы также играют важную роль в развитии евроскептицизма. Как и Германия, Франция вносит значительный вклад в бюджет ЕС, французские евроскептики считают членство в ЕС невыгодным для своей страны. Кроме того, широко распространены опасения по поводу влияния Европейского регулирования труда на рынок труда и социальную модель Франции. Финансовые кризисы в еврозоне также являются катализаторами роста евроскептических настроений, поскольку Франция, как член еврозоны, подвержена рискам, связанным с финансовыми кризисами в других странах блока. Регулирование ЕС в области сельского хозяйства и промышленности вызывают беспокойство по поводу ослабления экономического суверенитета.

Евроскептицизм в отношении экономического аспекта евроинтеграции в странах Западной Европы обусловлен тем, что эти страны являются членами еврозоны и главными донорами экономики ЕС. Они остро ощущают последствия экономических кризисов и несут наибольшие издержки в случае неудач европейской экономической политики.

Важным для понимания природы региональных особенностей евроскептицизма в ЕС является изучения культурного аспекта данного феномена. Крах коммунистической идеологии в Польше и Венгрии был воспринят как возвращение к «западной цивилизации», основанной на христианских ценностях и культуре. В реальности же фундаментальные ценности современного Запада это - антитрадиционализм, секуляризм и моральный релятивизм. Польша и Венгрия отказываются принять либеральные нормы толерантности к однополым бракам, абортам и т.д. В отличие от Западной Европы, в ЦВЕ эти настроения превращаются в мейнстрим и провоцируют рост евроскептических настроений. Попытки властей ЕС насильно внедрить данные ценности встречают решительное сопротивление.

Сильные опасения у польских и венгерских евроскептиков вызывает проблема миграции. Наплыв мигрантов в результате миграционного кризиса 2015 года и последовавшая за ним волна исламизации поставили под угрозу сохранения культурной идентичности данных стран, что в свою очередь вызвало волну недовольства либеральной миграционной политикой ЕС. Также критике подвергается политика мультикультурализма, который, по мнению польских и венгерских евроскетиков, уничтожает нацию.

Во Франции культурный фактор может рассматриваться как один из важнейших источников еврскептицизма. Этот фактор стал наиболее актуален в ходе европейских кризисов, а именно в ходе миграционного кризиса. Проблемы интеграции иммигрантов и сохранения французской культурной идентичности в условиях мультикультурализма стали предметом политических и общественных дебатов и способствовали росту евроскептических настроений. Угроза французской культурной идентичности со стороны фундаментального ислама также спровоцировала критику либеральной миграционной политикой ЕС. Во Франции сильно ценится культурное наследие и язык, евроскептики воспринимают глобализацию и европейскую интеграцию как угрозу этим ценностям. Следует также отметить, что французские евроскептические партии активно используют культурный аспект евроинтеграции для сохранения электоральной поддержки.

В Германии культурный аспект евроскептицизма также связан с проблемой иммиграции и исламизации. Несмотря на то, что именно Германия была первой страной провозгласившей политику «открытых дверей», трудности с которыми столкнулась

социальная, экономическая сферы и сфера безопасности страны в результате наплыва мигрантов, актуализировали опасения евроскептиков по поводу возможности сохранения традиционных ценностей в условиях растущего числа иммигрантов и проведения политики мультикультурализма. Некоторые политические партии используют культурные аргументы для усиления евроскептических настроений, представляя иммиграцию как угрозу национальной культуре.

Наконец, в контексте сравнительного анализа особый интерес представляет институциональный аспект евроскептицизма, который представляет собой влияние принимаемых ЕС решений и проводимой политики на развитие евроскептицизма в исследуемых странах. Одним из направлений деятельности институтов ЕС является разработка и внедрение европейского законодательства. В Польше и Венгрии законодательные акты ЕС, касающиеся чувствительных вопросов, таких как миграция или суверенитет, критикуются евроскептиками. Решения Суда ЕС и Европейского суда по правам человека в сферах, затрагивающих внутренние дела государств, расцениваются как вмешательство и угроза национальному суверенитету, что провоцирует рост евроскептических настроений и умело используется евроскептическими партиями в предвыборных кампаниях. Также рост евроскептических настроений в странах ЦВЕ связан с неэффективной деятельностью ЕС по предотвращению и преодолению последствий финансового, миграционного, коронавирусного кризисов, кризиса еврозоны и кризиса европейской идентичности.

Во Франции развитие евроскептицизма связано со снижением доверия к наднациональным институтам ЕС, таким как Еврокомиссия и Европарламент. Здесь восприятие действий ЕС по преодолению кризиса евро имеет решающее значение, поскольку большинство французов не были удовлетворены управлением финансовым кризисом и кризисом суверенного долга. Миграционный кризис остается неразрешенным. Экономические решения, принимаемые ЕС, такие как бюджетные ограничения и фискальные правила, воспринимаются как навязывание экономической политики.

В Германии евроскептики выступают с критикой бюрократии, отсутствия прозрачности в работе политических и финансовых институтов ЕС. Под вопрос ставится демократичность основных институтов ЕС и звучит призыв к ограничению их деятельности. Это также обусловлено неспособностью институтов ЕС своевременно и эффективно реагировать на кризисные явления.

Таким образом, институциональный аспект оказывает существенное влияние на развитие евроскептицизма в исследуемых странах и связан, главным образом, с кризисом легитимности, неэффективной антикризисной политикой ЕС и попытками наднациональных институтов ЕС вмешиваться во внутренние дела государств.

На основе вышеизложенных фактов можно сделать следующие **выводы**:

1. В исследуемых странах отчетливо наблюдается тенденция к усилению евроскептицизма. Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что во всех исследуемых странах представлен мягкий евроскептицизм.

2. Общей характеристикой евроскептицизма в исследуемых странах является усиление роли евроскептических партий. В странах Западной Европы евроскептики оказывают косвенное влияние на политическую и общественную жизнь, в то время как в ЦВЕ евроскептические партии находятся у власти и оказывают прямое влияние на внешнюю и внутреннюю политику.

3. Изучение феномена евроскептицизма в ЕС позволило выделить 4 основных аспекта развития идеологии евроскептицизма в исследуемых странах: исторический, экономический, культурный и институциональный.

4. Степень исторической обусловленности феномена евроскептицизма выше всего в Польше и Венгрии. Во Франции развитие евроскептицизма связано с исторически

сложившейся политической культурой сильного национального государства. В Германии исторические предпосылки имеют наименьшее влияние на развитие евроскептицизма.

5. Экономический аспект занимает ключевую позицию в развитии евроскептицизма в странах ЦВЕ. В Польше и Венгрии евроскептицизм в экономической сфере принимает форму экономического национализма. Фокус внимания евроскептиков направлен на защиту экономического суверенитета. В странах Западной Европы развитие евроскептицизма в экономическом контексте обусловлено несоизмеримостью затрат и выгод на поддержание и развитие европейского проекта.

6. Культурный аспект является определяющим для всех исследуемых стран. Общим также является то, что рост евроскептических настроений связан с критикой либеральной миграционной политики ЕС, которая ставит под угрозу сохранение культурных ценностей изучаемых государств. Однако в культурном контексте Польша и Венгрия демонстрируют специфическую особенность, связанную с преобладанием в странах национал-консервативной идеологии. Евроскептицизм здесь является актом сопротивления новым западным ценностям, которые несовместимы с традиционными христианскими ценностями.

7. Институциональный аспект также оказывает существенное влияние на развитие евроскептицизма в исследуемых странах. Он является естественной реакцией на неэффективную деятельность европейских институтов.

Библиографический список

1. Погорельский А.В. Генезис и эволюция евроскептицизма как политического явления / А.В. Погорельский // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2022. – № 3(32). – С. 166-172. – EDN NHZCOH.

2. «Встряской для Брюсселя» уже назвали нынешние выборы в Европейский парламент // 1ТВ. – 10.06.2024. – URL: https://www.1tv.ru/news/2024-06-10/478414-vstryaskoy_dlya_bryusselya_uzhe_nazvali_nyneshnie_vybory_v_evropeyskiy_parlament?ysclid=lxnwsl9hug799496891 (дата обращения: 20.11.2024)

3. Несколько скандальных политиков от Польши избрали в Европарламент // РИА Новости. – 10.06.2024. – URL: <https://ria.ru/20240610/vybory-1951948707.html?ysclid=lxnxd1s4dj712863658> (дата обращения: 21.11.2024)

4. Погорельский А.В. Особенности развития идеологии евроскептицизма в Федеративной Республике Германия / А.В. Погорельский // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2024. – № 3(40). – С. 104-111. – EDN SXXQII.

5. Ozlem M., Ornek S. Euroscepticism in the European Union / M. Ozlem, S. Ornek // International Journal of Social Sciences. – 2015. – № 4. – P. 49-57.

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Выпуск № 4 (41), 2024

Дата выхода в свет 25.12.2024.

Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.

Уч.-изд. л. 15,5. Усл. печ. л. 17,3. Тираж 25 экз. Заказ № 302

Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84